

**Иван
Егорчев**

Неизвестный Арсеньев

**Владивосток
2016**

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач. _____

19.01.18

30.02-199

Зак. 452

26.89(255.3) г
Е30

ПРИМОРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА –
ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

Иван ЕГОРЧЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ

Бородин
Иван Сергеевич
запись от автора
2013 г.
22 июня
Иван Егорчев

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета

Городская
библиотека-музей

2016

OK МБУК «ЦБС»
НГО

УДК 910.4
ББК 63.3
Е30

Егорчев, И.И.

Е30   Неизвестный Арсеньев / И.И. Егорчев ; Приморское краевое отделение Русского географического общества – Общество изучения Амурского края ; [иллюстрации И.И. Егорчева, из архива Общества изучения Амурского края, предоставлены Приморским государственным объединенным музеем им. В.К. Арсеньева]. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2016. – 164 с. : ил.

ISBN 978-5-906739-91-9

Книга содержит малоизвестные широкому читателю, а также выявленные в последние годы новые факты и сведения, касающиеся личности В.К. Арсеньева – известного исследователя российского Дальнего Востока, географа и этнографа, военного востоковеда и писателя. На основе документальных материалов, собранных лично автором, а также многочисленных публикаций других арсеньеведов воссозданы или прояснены многие страницы его жизни, научного и литературного творчества, участия в борьбе с хунхузами, отношений с Советской властью и некоторые другие стороны многогранной деятельности выдающегося учёного.

Работа предназначена для всех интересующихся творчеством В.К. Арсеньева, судьбой его произведений, трагическими событиями в жизни его ближайших родственников.

УДК 910.4
ББК 63.3

© Егорчев И.Н., 2016
© Егорчев И.Н., иллюстрации, 2016
© Приморское краевое отделение
Русского географического общества –
Общество изучения Амурского края,
иллюстрации, 2016
© Приморский государственный
объединенный музей им. В.К. Арсеньева,
иллюстрации, 2016
© Оформление. Издательство
Дальневосточного университета, 2016

ISBN 978-5-906739-91-9

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930), знаменитого исследователя Приамурья, учёного и писателя, многие считают дальневосточником. По сути это так и есть: он прожил на восточной окраине России, во Владивостоке и Хабаровске, 30 лет, но родился на другом конце империи, в столичном Санкт-Петербурге. Естественный детский интерес к путешествиям и приключениям превратился в желание заняться изучением Восточной Сибири ещё во время учёбы В.К. Арсеньева в Петербургском пехотном юнкерском училище, но попасть на Восток получилось не сразу.

Только в мае 1900 года, в возрасте 27 лет, он получил звание поручика и был переведён из Ломжи (Польша) в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. По дороге к новому месту службы В.К. Арсеньев задержался на Амуре, в Благовещенске – именно в это время в событиях внутри Китая (так называемое «боксёрское восстание») приняла участие российская армия. С 8 по 25 июля офицер находился в составе Благовещенского отряда генерал-лейтенанта К.Н. Грибского и принимал участие в военных действиях у города Сахалина (теперь Хэйхэ), а во Владивосток прибыл 5 августа 1900 года. В сентябре 1901 года В.К. Арсеньева нашла его первая награда – серебряная медаль «За поход в Китай. 1900–1901 г.г.» [18].

Не будем останавливаться на деталях его биографии: они достаточно хорошо описаны во многих трудах разных исследователей, и в первую очередь – в фундаментальной работе А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», увидевшей свет в 1985 году и переизданной Приморским отделением Русского географического общества – Обществом изучения Амурского края в 2012 году [56]. Но следует отметить, что за последние два десятка лет появилось много новых, ранее неизвестных фактов, касающихся жизни, творчества и деятель-

ности В.К. Арсеньева. Некоторые подробности, известные и ранее, считалось нецелесообразным публиковать согласно действующим цензурным требованиям, идеям текущей политкорректности и по иным соображениям разного рода.

Автор данного сборника занимается исследованием научной, военной, литературной и общественной деятельности В.К. Арсеньева на территории Дальнего Востока около 15 лет – в основном с использованием материалов архива Общества изучения Амурского края (АОИАК), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Государственного архива Приморского края (ГАПК) и документов Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева (ПГОМ). Первый из них сохраняет обширный фонд учёного (фонд 14), в общей сложности насчитывающий 624 единицы хранения, разделённые на 6 описей, и включающий документы с 1888 года по настоящее время. Фонд полностью описан и доступен для исследователей разного профиля. Его особо цennыми документами являются экспедиционные дневники В.К. Арсеньева разных лет (с 1906 по 1927 год), до настоящего времени в большинстве случаев не изданные. Полевые дневники 1906 года полностью опубликованы в журнале «Записки ОИАК», том XXXVI, выпуск 1 (2002 год) и том XXXVII, выпуск 1 (2004 год). В 2005 году члены комиссии по изданию дневников стали лауреатами премии имени В.К. Арсеньева. В РГИА ДВ хранятся многочисленные документы, касающиеся борьбы В.К. Арсеньева с хунхузами на территории Уссурийского края. В ГАПК имеются сведения по советскому периоду деятельности учёного и писателя.

По разрозненным документальным данным из этих архивов, а также немногочисленным печатным источникам можно в общих чертах восстановить деятельность В.К. Арсеньева.

в начальный период пребывания в Уссурийском крае. Служа во Владивостоке, в 1900–1903 годах он исследовал остров Русский, полуостров Муравьёва-Амурского, таёжные места от нынешнего Шкотовского района Приморского края до рек Сучан (теперь Партизанская) и Даубихе (Арсеньевка), а также долину реки Суйфун (Раздольная), территорию от залива Посыета до озера Ханка и к востоку – до залива Святой Ольги [56]. В 1912 году в «Записках Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» (Хабаровск) в статье о В.К. Арсеньеве (как считается, написанной им самим) было зафиксировано следующее:

«В начале все поездки предпринимались по доброй воле, на личные средства, самостоятельно, на свой страх и риск, часто в одиночку, с одним или двумя стрелками из числа желающих побродить по тайге, в горах на воле. В это время бывший Приамурский Генерал-Губернатор Греков создавал Музей в городе Хабаровске и поддерживал всех тех, кто работал в этом направлении. Одна из работ, именно: описание памятников, оставленных древнейшими маньчжурскими племенами на р.р. Майхэ, Цимухэ и Конгауз, была передана ему покойным лесничим Пальчевским. Результатом этого было то, что Генерал-Губернатор Греков приказал время, потраченное Арсеньевым на работы, не считать отпуском, а посчитать командировкой и выдал суточные деньги» [54].

В 1901 году поручик В.К. Арсеньев вступил в члены Владивостокского общества любителей охоты и затем был избран одним из его директоров. В 1902 году его назначают исполняющим должность заведующего охотничьей командой, в начале 1903 года он становится начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды. Упомянутые выше «Записки ПО РГО» уточняли: «В 1902 и 1903 г.г. г. Арсеньев, состоя начальником охотничьей команды, имел уже возмож-

ность предпринимать и более отдаленные экскурсии с целью изучения окрестностей и сбора статистических данных о населении. Попутно с ведением разведок, чисто военного характера, велись дневники, в которых записывались наблюдения, имеющие научный интерес» [там же].

О том, каковы были эти «экскурсии», можно судить по описанию одной из них, проходившей в ноябре–декабре 1903 года «в области Засучанья», когда отряд В.К. Арсеньева, перевалив нынешний Партизанский хребет, спускался вниз по рекам Сяо-Судзухэ (Лазовка) и Та-Судзухэ (Киевка) к побережью Японского моря.

Путь от перевала до устья реки Сяо-Судзухэ охотничья команда во главе с В.К. Арсеньевым прошла за двое суток, при этом ещё не замёрзшую реку пришлось перейти вброд 48 раз. Сначала воды было немного, но на последнем броде её уровень был выше пояса. Как только люди выходили на берег, их одежда обледеневала и ломалась. При впадении Сяо-Судзухэ в Та-Судзухэ реки уже покрылись льдом, но его толщина была недостаточной, чтобы выдержать человека. Было решено переправляться ползком, причём первым это сделал сам В.К. Арсеньев. Он вырубил две длинные палки для опоры, привязал к поясу верёвку и пополз по льду, который прогибался, выплёскивая из трещин воду. У противоположного берега, где было уже неглубоко, В.К. Арсеньев провалился, но верёвка поперёк реки была натянута. Остальных членов отряда перетаскивали с её помощью, каждого на новом месте – чтобы не провалились под лёд... [54]

Вскоре В.К. Арсеньев, будучи любознательным офицером, проявил себя не только как путешественник, но и как исследователь. Его первой печатной работой стал «Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за 5-летие с 1901 по 1905 г. включительно», изданный во Владивостоке в 1906 году.

дивостоке в 1906 году. Следует отметить, что уже в нём автор проявил себя отчасти как охотовед-биолог, отчасти даже как эколог (хотя этих понятий в тот период не существовало). Вот лишь небольшой фрагмент заключительной части «Отчёта...», содержащий выводы и предложения, актуальные даже сейчас.

«Нужды Общества настолько неотложны, что каждый пропущенный день несет неисчислимые убытки не только Обществу, но и всему краю, а потому, если правительство немедленно не придет на помощь к осуществлению предположений и указаний Общества, о которых будет изложено здесь ниже, то все, изложенные выше, предсказания сбудутся...

Ни центральные, ни местные органы Государственных Имуществ не имеют никакой возможности заниматься сохранением лесной и полевой дичи на всем необъятном пространстве нашего отечества, и поэтому они должны всячески поддерживать различные Общества Охоты... Так как цель всякого Общества составляет не истребление, а размножение и сохранение дичи, то Общества эти составляются из людей, любящих зверей и птиц и болеющих душой об их уничтожении, а потому в лице представителей этих Обществ Правительство должно видеть деятельных своих помощников по проведению в жизнь населения идей по живому делу охотничьего хозяйства и сохранения промысловых животных и птиц.

... Общество за свое 18-летие существование сумело не только сохранить для края естественный питомник на Аскольде, но, обращая все свои средства и личные затраты гг. членов, сумело увеличить его запас, расселяло животных по другим местам и способствовало частным лицам заводить оленье хозяйство... Такое стремление Общества проистекает не из эгоистических его целей, а из существа самого дела...

Общество не намерено ограничивать свою деятельность только на своих угодьях, а желало бы принести пользу всему краю путем контроля за охотниками через своих членов во всем районе Южно-Уссурийского края, т. е. путем контроля за торговлей дичью на местных рынках. Полиция в таких случаях должна составлять протоколы, исполняя требование члена Общества Охоты как лица вполне компетентного. Затем Обществу должно быть предоставлено право следить за исполнением протоколов, так как до сего времени таковые никогда ничем не кончались.

Во всяком же случае Уссурийский край, равно как вся Сибирь, с нетерпением ждут введения охотничьего закона» [5].

Примерно в это же время В.К. Арсеньев пишет статью под названием «Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края» и, отослав её в столицу, видимо, забывает об этом – по крайней мере, в прижизненных списках его печатных работ она не значилась. Между тем «Наблюдения над лососевыми...» были опубликованы в журнале «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», т. 13, СПб., в 1908 году, став хронологически второй изданной работой В.К. Арсеньева [56]. Заметим, что обе они носили естественнонаучный характер и свидетельствовали о широте интересов исследователя, которые отнюдь не исчерпывались его служебными обязанностями.

В 1903 году он вступил в Общество изучения Амурского края, где встретился с некоторыми местными краеведами, ознакомился с имеющейся в библиотеке литературой, с методикой некоторых научных наблюдений. Напомним, что, кроме курса пехотного училища, В.К. Арсеньев так и не закончил никаких иных «университетов», тем не менее достигнув заметных успехов в разных областях знаний исключительно путём самообразования. В марте 1905 года он получил звание

штабс-капитана, в июне на правах батальонного командира его назначили начальником «летучего отряда», в который входили все четыре конно-охотничьи команды крепости Владивосток. Это позволило В.К. Арсеньеву совершать вполне полноценные экспедиции по тайге – правда, пока только краткосрочные [56].

Во время Русско-японской войны В.К. Арсеньев лично занимался разведками местности в хорошо знакомом ему районе – от реки Суйфун (Раздольная) до реки Майхэ (Артёмовка). Следует отметить, что многочисленные публикации некоторых авторов разных лет о том, что он совершил вылазки в Китай и Корею, брал «языков», принимал участие в вооружённых стычках и даже отражал японский десант в районе Ольги (!), не имеют под собой никакого документального основания. При этом в его послужном списке [18], имеющемся в архиве ОИАК, числятся следующие награды: орден Св. Анны 4 степени (24 августа 1904 г.), орден Св. Станислава 3 степени (8 июля 1905 г.), орден Св. Анны 3 степени (12 июля 1905 г.). Видимо, определённые воинские заслуги у В.К. Арсеньева имелись. Кроме того, уже после перевода в Хабаровск, в штаб Приамурского военного округа, что произошло 22 декабря 1905 года, он был удостоен ещё и ордена Св. Станислава 2 степени (5 мая 1906 г.). Поскольку документы на награждение подают заранее, можно с уверенностью предположить, что и этого ордена он удостоен не за штабную работу, а за оперативно-разведывательную, относящуюся к периоду воинской службы во Владивостокской крепости.

Таким образом, за 1900–1905 годы В.К. Арсеньев прошёл и описал практически всю южную часть современного Приморья. Настало время для более серьёзных и масштабных исследований: только что окончившаяся (и проигранная) Русско-японская война показала, что недостаточное знание

военно-географических особенностей Уссурийского края в дальнейшем недопустимо. Следовало также выяснить отношение коренного аборигенного населения к русским, оценить масштаб деятельности хунхузов (китайских разбойников) в Приамурском крае, наконец, определить места на побережье Японского моря, наиболее опасные с точки зрения высадки возможного десанта неприятеля и его продвижения к железной дороге Владивосток–Хабаровск.

После перевода в Хабаровск В.К.Арсеньев был прикомандирован к генерал-квартирмейстерской части для производства рекогносцировочных работ. Практически сразу он начал готовиться к походу с целью обследования прибрежного района Зауссурийского края к северу от залива Святой Ольги и к западу от основного водораздела – в системе истоков реки Уссури и её притоков. Цель экспедиции была обозначена как «колонизационная, военно-географическая и попутно естественно-историческая». В ней принимало участие не менее 20 человек.

Начальником был штабс-капитан В.К.Арсеньев, двумя его помощниками – поручик 24-го Сибирского стрелкового полка Г.Г. Гранатман и инженерный подпрапорщик А.И. Мерзляков; кроме того, ботаник Н.А. Пальчевский отправился из Владивостока напрямик в залив Святой Ольги, а затем в бухту Терней. В состав отряда также входили хорунжий Анофриев (в августе он был вынужден уехать по личным делам в Хабаровск), четверо уссурийских казаков и 12 нижних чинов 6-й и 8-й Восточно-Сибирских стрелковых дивизий. Кроме того, переход от железнодорожной станции Шмаковка до залива Святой Ольги совершил начальник штаба Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.К. Рутковский, а с 4 августа в составе отряда официально числился проводником гольд (нанаец) Дерсу Узала [12].

Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер выделил на проведение экспедиции 3 тысячи рублей, войсковые части выдали на своих нижних чинов «кормовые деньги» в расчёте на 6 месяцев. Большую помощь оказали командиры миноносцев «Грозный» (капитан 2-го ранга П.Г. Тигерстедт) и «Бесшумный» (капитан 2-го ранга С.З. Балк). В заранее намеченные пункты на побережье Японского моря они завезли необходимые грузы, сделав склады продовольствия, добавили из корабельных запасов мешки с сухарями, прикрыли всё брезентом и поставили вехи [56].

Схематический маршрут экспедиции сам В.К. Арсеньев обозначил так: «От станции Шмаковка Уссурийской железной дороги по рекам Уссури, Улахе, Фудин, через хребет Сихотэ-Алинь на р. Аввакумовку к заливу Св. Ольги и далее по рекам, текущим в море до 45° с. ш. Бухта Терней, затем по р. Санхобе снова через Сихотэ-Алинь и по р. Иман к станции того же имени» [12]. В настоящее время Улахе, ранее считавшаяся правым притоком Уссури, теперь является собственно руслом Уссури; река Фудин (Фудзин) – Павловка; Санхобе (Санхобэ) – Серебрянка; Иман – Большая Уссурка.

Реальный маршрут оказался несколько сложнее. Экспедиция вышла со станции Шмаковка Уссурийской железной дороги 20 мая 1906 года и начала движение вверх по реке Уссури, затем перевалила хребет Сихотэ-Алинь и спустилась к бухте Святой Ольги. Затем на более северной части побережья до бухты Терней включительно были исследованы практически все крупные реки от их истоков до перевалов. 10 октября 1906 года В.К. Арсеньев, Г.Г. Гранатман, Дерсу Узала и трое казаков вышли из селения Терней вверх по реке Санхобэ (Серебрянка), а затем по реке Тунце (Заболоченная) к хребту Сихотэ-Алинь. Эта часть экспедиции оказалась наиболее сложной. На перевале отряд попал в сильную снежную бурю,

которую пришлось пережидать в течение двух дней; без лыж передвигаться по выпавшему снегу глубиной около метра было очень тяжело. Через два дня пути В.К. Арсеньев и его спутники достигли истока реки Кулумбэ (Колумбе), правого притока Имана (Большой Уссурки). На 16-й день пути по безлюдной местности отряд дошёл до первого селения Сидатун (Мельничное) на Имане.

Здесь они получили помочь продовольствием и одеждой от удэгейцев; более того, орочи (так их тогда называли) везли отряд на ульмагах (лодках) до тех пор, пока эти плавсредства не были раздавлены льдами. Далее люди пошли пешком, без троп, от одного удэгейского стойбища до другого, и только 15 ноября достигли первого русского селения Котельного в 75 верстах от железной дороги. До станции Иман (теперь Дальнереченск) Уссурийской железной дороги отряд также добрался пешком, а 17 ноября В.К. Арсеньев с товарищами прибыл на поезде в Хабаровск. Экспедиция 1906 года длилась 180 суток – ровно полгода.

Немного об итогах. Перевал Сихотэ-Алинь в ходе этой экспедиции был преодолён восемь раз, по всему маршруту велась топографическая съёмка, составлялись планы местности, производились определения высот, регулярные метеонаблюдения, собирались образцы минералов, растений, насекомых, а также сведения военного, статистического и этнографического характера. В полевом дневнике 1906 года есть, например, такой раздел: «Сведения о японских шпионах. Не заходили ли в данные местности, что здесь делали, о чём выспрашивали, чем интересовались, не производили ли съемок, откуда пришли, куда направились, способы выполнения ими своих задач» [12].

А вот соответствующие записи В.К. Арсеньева из того же дневника: «Пост Св. Ольги. 21 июня 1906 года четы-

ре вооруженных крестьянина-старовера, отправляясь с пантами от б. Терней к заливу Св. Ольги, встретили двух японцев, которые, по их показаниям, производили съемки на побережье близ р. Тадушу. Оба хорошо говорят по-русски. На задаваемые вопросы они отвечали, что приехали ловить рыбу, но, не имея билета, идут за таковым в Ольгу. Между тем, дойдя до р. Тадуши, они не пошли к Ольге, а двинулись по этой реке вверх по тропе. Японцев сопровождали два китайца из местных жителей в качестве проводников» [13].

Заметными оказались общенаучные результаты экспедиции 1906 года. Собранные зоологические коллекции включали 60 экземпляров птиц, 500 – насекомых, 400 – рыб, около 50 – земноводных и пресмыкающихся, а также большое количество черепов животных и звериных шкурок. Этот материал был отослан в Зоологический музей Академии наук России; энтомологическая коллекция отправлена А.П. Семенову-Тян-Шанскому. Флористические сборы были направлены в несколько адресов, в том числе около 500 видов растений – для издаваемого Ботаническим музеем Академии наук России «Гербария русской флоры». Археологические находки поступили в Русский музей (Петербург). Было привезено около 50 образцов горных пород, большое число экспонатов этнографического характера, десятки фотонегативов, В.К. Арсеньевым велась и выборочные археологические раскопки [56].

Поход 1906 года стал первой крупной экспедицией под руководством В.К. Арсеньева. И хотя в целом она носила военно-разведывательный характер, показательно, что лично её начальником было собрано большое количество научных данных, в том числе и о жизни местных коренных народов. Потом были новые, ещё более сложные и длительные – за

период жизни на российском Дальнем Востоке В.К. Арсеньев организовал и успешно осуществил около десятка только крупных экспедиций. Порой офицер бывал в отдаленных таёжных местах, где до него практически не ступала нога европейского человека. В июне 1907 – январе 1908 года он исследовал север Уссурийского края: от бухты Терней до побережья Татарского пролива, а также верхнее течение рек системы Имана и бассейн Бикина. С июня 1908-го по январь 1910 года продолжалась самая длительная, 19-месячная экспедиция в Зауссурийском крае (современный север Приморья и юг Хабаровского края): Императорская (ныне Советская) гавань, река Самарга от устья до истоков, река Амур, залив Де-Кастри, озеро Кизи, реки Тумнин и Хунгари. Она была названа «Юбилейной» – в честь 50-летия присоединения Приамурья к России.

В 1911 году – новый поход вдоль побережья Японского моря с задачей борьбы с хунхузами, его продолжение последовало в апреле 1912 – январе 1913 годах [32]. В 1915 году руководил противохунхузскими действиями на территории нынешнего Приморья, в 1916-м – совершил командировку в Маньчжурию. В 1917 году обследовал устье Амура и реку Тунгуску, в 1917–1918 годах совершил Олгон-Горинскую экспедицию, в 1918 году побывал на Камчатке. В 1920-х годах В.К. Арсеньев снова посетил Камчатку и Командоры, исследовал бассейн Амура, изучал трассу будущей железной дороги Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань. Он и умер практически в пути – простудившись в последней поездке 1930 года в низовьях Амура...

В предлагаемой читателю книге собраны некоторые статьи, являющиеся итогом исследовательской работы автора и никоим образом не претендующие на широту охвата творческой биографии В.К. Арсеньева.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Следует иметь в виду, что многие названия географических объектов на территории Приморского и Хабаровского краёв были переименованы в 1972–1973 годах, поэтому, как правило, при описании маршрутов экспедиций приводятся прежние и современные их наименования. Примечания от автора заключены в круглые скобки; неразборчивые и сомнительные слова и фразы – в квадратные.

Фотографии из архива ОИАК, фондов Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева и автора.

*Иван ЕГОРЧЕВ,
член Союза журналистов России,
действительный член Приморского отделения
Русского географического общества –
Общества изучения Амурского края,
лауреат премии имени В.К. Арсеньева (2005 год),
награждён Малой золотой медалью РГО (2015 год),
лауреат международной премии
«Серебряное перо Руси» (2015 год),
редактор журнала «Записки ОИАК», г. Владивосток*

ОТ ДНЕВНИКОВ – К КНИГАМ

В архиве Приморского краевого отделения Русского географического Общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток) хранятся подлинные полевые дневники В.К. Арсеньева разных лет. Подённые записи 1906 года стали основой книги «По Уссурийскому краю»; фрагменты дневников иных лет были использованы в других работах В.К. Арсеньева (как художественных, так и научных). Впервые в полном объёме экспедиционные дневники В.К. Арсеньева 1906 года были изданы в 2002–2004 годах Обществом изучения Амурского края (ОИАК). В оригинале они занимают три общие тетради, насчитывающие 403 страницы: тетрадь № 1 – 173 стр., тетрадь № 2 – 118 стр., тетрадь № 3 – 112 стр. Если исключить находящиеся в третьей тетради записи, относящиеся к более раннему и более позднему периодам, полевые дневники собственно 1906 года составляют около 310 рукописных страниц (включая таблицы, рисунки, планы, чертежи и другой иллюстративный материал).

В длительной работе по переводу в печатный вид дневниковых записей 1906 года принимал участие автор данной статьи. При этом невольно пришлось обратить внимание на совпадения (и разнотечения) в тексте дневников и в книге «По Уссурийскому краю». Поскольку на кажущейся «документальности» художественных книг В.К. Арсеньева основано несколько часто повторяемых заблуждений, постараемся прояснить этот вопрос.

Как отмечал сам В.К. Арсеньев, повесть «По Уссурийскому краю» (впервые издана в 1921 году) представляет собой «популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году». Книга в целом написана как хронологически последовательное изложение экспедиционных событий, что вводит в заблуждение её читателей, считающих это произведение документальным. Дей-

ствительно, повесть «По Уссурийскому краю» написана на основе дневников, которые автор вёл в период осуществления экспедиции 1906 года. Но при этом проза В.К. Арсеньева имеет характерные особенности, которые позволяют назвать её научно-художественной, и на данный аспект обращали внимание многие исследователи творчества писателя. Научно достоверные описания маршрута и окружающей местности, населённых пунктов и особенностей быта жителей края, флоры и фауны Уссурийской тайги органично сочетаются у автора с художественными фрагментами, и только опытный исследователь может выделить эти составляющие. Этому вопросу посвящено несколько работ, в том числе кандидатская диссертация Ю.А. Яроцкой (г. Владивосток) «Творчество В.К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы» и некоторые последующие исследования того же автора [62, 63].

Книга «По Уссурийскому краю» является удачным совмещением двух способов изложения материала: это не только документальная научно-популярная литература, но и беллетристика с элементами художественного вымысла. Начнём с того, что повествование о собственно экспедиции 1906 года в повести начинается с седьмой главы. Предыдущие главы описывают поход автора по бассейну реки Лефу (Илистая) в 1902 году, включая встречу с Дерсу Узала и знаменитый эпизод пурги на озере Ханка. Такое обширное вступление характерно именно для художественной прозы. Автор даёт понять читателю, что он опытный путешественник, что ему немало пришлось пережить в предыдущих походах, наконец, что Дерсу Узала – его старый знакомый, когда-то спасший жизнь В.К. Арсеньева.

Несомненно, один из главных персонажей книги «По Уссурийскому краю» – гольд (ианаец) Дерсу Узала. Этот же образ является, если можно так выразиться, «основным ми-

фом» арсеньевской прозы. Так, момент знакомства автора с Дерсу Узала подробно описан во второй главе книги и отнесен к 1902 году. Достоверность повествования В.К.Арсеньева настолько убедительна, что даже серьезные исследователи утверждали, что это событие произошло в 1902 году в верховьях реки Лефу (Илистая). Только после обращения к подлинному тексту дневников экспедиции В.К.Арсеньева 1906 года выясняется, что историческая встреча датируется 3 августа 1906 года и произошла она в верхнем течении реки Тадуши (Зеркальная). Оригинальная дневниковая запись выглядит так.

«Продолжение 3го Августа... Здравствуйте, сказал кто-то сзади. Я обернулся. У нашего огня стоял пожилой человек невысокого роста, приземистый, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. Лицо его плоское было покрыто загаром, а складки у глаз, на лбу и щеках красноречиво говорили, что ему лет около 50-ти. Небольшие каштанового цвета редкие усы, редкая в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нем гольда. Он опустил ружье прикладом на землю и начал закуривать. Одет он был в какую-то жесткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы, в руках у него были сошки, непременная принадлежность охотника инородца. Глаза его маленькие с поволокой у крайних углов казались зоркими и дышали умом и сметливостью и гордостью. Мы спросили кто он и он с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд. Он пробыл с нами весь вечер, рассказывал много интересного из своей скитальческой охотничьей и бродяжной жизни. Ночь он провел с нами. Мы предложили ему поступить к нам на службу за жалованье одежду и стол. Гольд подумал и решил дать ответ утром. Имя его Дерсу, а фамилия Узала. На мой вопрос, как перевести на русский язык его фамилию и имя или что

это значит на языке Гольдов. На это он сам ответил, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

Продолжение 4го Августа. Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос согласен ли он поступить проводником изъявил свое согласие и с этого момента он стал членом экспедиции» [12].

Любопытно, что в повести «По Уссурийскому краю» В.К. Арсеньев перенёс точку своей второй (по сюжету книги) встречи с Дерсу Узала в то самое место, где они встретились впервые (согласно дневникам). Этим он косвенно указал будущим исследователям на верный вариант, хотя сам автор вряд ли предполагал, что его книга будет когда-то рассматриваться как документальный материал. Описание обстоятельств знакомства с Дерсу Узала и его внешности В.К. Арсеньев также почти без изменений взял со страниц дневника. Очевидно, что полевые заметки явились своеобразным «черновиком» или «записными книжками», то есть подготовительным материалом для будущего художественного повествования. Все интересующиеся могут самостоятельно провести такое сравнение, положив рядом книгу «По Уссурийскому краю» и текст дневников В.К. Арсеньева 1906 года. Они были полностью изданы в 2002–2004 годах Приморским отделением Русского географического общества – Обществом изучения Амурского края (г. Владивосток) в журнале «Записки ОИАК» (том XXXVI, выпуск I и том XXXVII, выпуск I) [34, 35].

Существует ещё одно, дополнительное и несомненное доказательством творческого вымысла автора при написании книги «По Уссурийскому краю». Экспедиционные дневники В.К. Арсеньева 1906 года, как уже указывалось, представляют собой три тетради, причём в третьей имеются более поздние записи. А среди них, хронологически после текста 1906 года и

до заметок 1908 года, есть 18 страниц, написанных почерком В.К. Арсеньева. В них много вставок и зачеркваний, других исправлений, что придаёт им характерный вид черновика будущего литературного произведения. Начинаются они так:

«Однажды. Это было в 1901 году. 1902 г. Однажды мы с Дерсу говорились идти в начале середине октября месяца. Отряд наш стоял в это время в низовьях р. Лефу недалеко от озера Ханка. Дерсу никогда не надо было долго уговаривать. Достаточно было двух слов, чтобы старик тотчас же собираясь, лицо его принимало деловое сосредоточенное выражение, немедля он принимался снаряжаться, собирая свою котомку и только спрашивал, будем ночевать вернемся ночевать на бивак или останемся вдвоем в поле. В последнем случае бралась палатка, чайник, продовольствие и топор. Мы шли по р. Лефу и конечной целью нашего странствования было озеро Ханка. Здесь мы полагали заняться охотой по перелетной птице, а затем направиться к Суйфуну и далее по этой реке к Амурскому заливу. Время было осеннее, позднее...» [14].

Затем следует описание того, как в низовьях реки Лефу, близ озера Ханка, В.К. Арсеньев и Дерсу Узала заблудились, как начался буран, как гольд приказал автору рвать траву и укладывать её и так далее. Внимательному читателю книги «По Уссурийскому краю» нетрудно догадаться, что этот эпизод – вариант начала главы шестой, которая называется «Пурга на озере Ханка». Следовательно, ещё тогда (предположительно в 1907 году) В.К. Арсеньев начал работу над созданием научно-популярного повествования о своих путешествиях в Уссурийской тайге. Добавим, что его первая супруга, А.К. Арсеньева (Кадашевич), в своих воспоминаниях относила начало работы мужа над будущими книгами к 1906 году [9].

Остается открытым вопрос, зачем В.К. Арсеньев в книге смоделировал встречу и знакомство с проводником, перенеся

эти события на пять лет раньше (и заодно омолодив Дерсу на тот же период времени). Можно предположить, что автор не нашёл иного способа в художественной форме рассказать о своих походах по Уссурийскому краю, предшествующих экспедиции 1906 года. Творческим вымыслом автора является и гибель всех родных Дерсу Узала от оспы. По крайней мере, в дневниковых записях В.К. Арсеньева 1906 года упоминается брат Дерсу по имени Степан (видимо, крещёный), а о гибели всего рода Узала каких-либо достоверных сведений не имеется. При этом участник арсеньевской экспедиции 1907 года П.П. Бордаков в своих документальных очерках указывал, что Дерсу Узала имел жену и детей; его старший сын погиб в схватке с медведем; жена умерла от оспы; у него также был племянник, которого убили хунхузы [27].

Ещё одно известное выражение – «многолетний проводник В.К. Арсеньева» – связано с той же самой ошибочной датировкой первой встречи автора с Дерсу Узала. Поскольку в действительности знакомство это произошло в 1906 году, гольд был проводником только в двух экспедициях – 1906 (не полностью) и 1907 годов [56]. В реальности у В.К. Арсеньева были десятки местных проводников разных национальностей, работавших вместе с ним в различные годы. А в книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» гольд является собирательным образом, что ещё раз подтверждает определённую степень художественности прозы В.К. Арсеньева.

Расшифровка дневников В.К. Арсеньева 1906 года показала и в некоторой степени противоположную особенность: истилическую литературность и даже «лиричность» его оригинальных полевых записей. Автор часто зачеркивает написанное и подбирает другие определения и сравнения, пытаясь как можно более точно передать увиденное. Вот характерный пример из дневника: «Сзади видны большие горы глыбного

массивного строения. Это выражение – «глыбного» – я потому не хочу избегнуть, что именно этим выражением я полагаю, что вполне обрисую их анфас, план и профиль» [12]. В.К. Арсеньев часто описывает в дневниках закаты и восходы солнца, свои ночные впечатления, различные пейзажи, даёт краткие портреты членов отряда и встреченных людей. Он пытается выразить свои чувства и ощущения, иногда явно выходя за рамки стандартных дневниковых записей: «Через часа полтора-два мы увидели море. Далеко впереди тянулся выочный наш обоз. Море, песок, ниточка людей и выочных их коней – имела особенно красивый вид: точно караван верблюдов шел по пескам пустыни. Горизонт, окрашенный слегка пурпуром, струйка синеватого-белого дыма указывала место бивака. Еще немного усилий, и мы у желанного отдыха» [там же].

Любопытно сравнить эту дневниковую запись с соответствующим фрагментом из книги «По Уссурийскому краю»: «Едва солнце успело скрыться за горизонтом, как с другой стороны, из-за моря, стала подыматься ночь. Широкой полосой перед нами расстилались пески; они тянулись километра на три. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом. Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма – это разложили огонь на биваке. Через полчаса мы были около своих» [6].

Порой автор почти дословно переносит в книгу дневниковые записи. Вот только один пример. Цитата из дневника: «Китайцы ловят рыбу изгородями, для этого перегораживают реку грядой камней, оставляя один только выход, через который стремится вода узкою, но обильною струею. Вода здесь падает в широкую корзину, поставленную немногим наклонно и сплетенную из ивовых прутьев, отчего рыба, попавшая туда

ночью, остается живой до утра» [12]. Книга «По Уссурийскому краю»: «Китайская заездка устраивается следующим образом: при помощи камней река перегораживается от одного берега до другого, а в середине оставляется небольшой проход. Вода просачивается между камнями, а рыба идет по руслу к отверстию и падает в решето, связанное из тальниковых прутьев» [6].

В то же время публикация дневников позволяет понять, насколько ответственно относился автор к своим собственным записям, перерабатывая их в текст будущей книги. Это был поистине творческий и весьма требовательный процесс. Надо отметить, что некоторые эпизоды, мастерски написанные в дневниках, не нашли своего отражения в книге. Почему – это уже загадка литературного процесса; наверное, сам В.К. Арсеньев мог бы пояснить свой выбор. Вот несколько фрагментов дневников, оставшихся только в рукописных тетрадях.

«7 сентября. Согласно составленному накануне плану, я пошел на голую сопку, чтобы установить и определить направление Сихотэ-Алиня... До самого верху я не подымался, потому что там сплошной лес, и все равно я ничего не увидел бы. Поэтому, добравшись до россыпей, я остановился и стал смотреть к западу. Более грандиозной картины я никогда не видывал, более грозных недоступных гор не мог себе представить – страшной высоты, отвесные утесы, скалы. Голова кружится, глядя на эти расщелины и пропасти. Если когда-либо на земле и был ад, то, вероятно, именно здесь, в верховья Тетюхе. Что-то страшное, таинственное, грозное, таящее ужас кроется в молчаливом величии гор. Боже! Какой пигмей человек. Даже столетние высокие кедры кажутся тоненькими, маленькими, паршивецкими иглами там, где-то внизу... Хочется думать, что эти горы так и были от создания мира, с

момента создания земли, ибо представление о такой силе, которая могла бы образовать их, никак не укладывается в мозгу человеческом – такую силу представить себе невозможно...

11 сентября. Тишина тайги кажется удивительно торжественной. Невольно смиряешься душой, забываешь обиды и житейские неприятности. В тайге грубеешь, но та же тайга облагораживает душу. В такие минуты одиночества чувствуешь себя счастливым. Одиночество рождает мышление, которое анализирует твои же поступки – вот покаяние, вот исповедь. Смеркалось быстро – деревья принимали какую-то чудесную таинственную форму, и среди этой тишины какие-то носятся необъяснимые, особые звуки. Шорох мыши и тот слышен как-то особенно. Я пошел назад... Появились звезды, идти стало еще тяжелее – постоянно спотыкаешься, оступаешься, откуда-то берется бурелом и валежник, преграждающий дорогу, прутья царапают лицо, путают ноги, всегда залезешь в высокую густую траву, камыши или полынь и рад-радешенек, когда доберешься до тропы, идущей к фанзе. Еще десятка два шагов, и слышишь лай собак. Хорошо на охоте, хорошо в тайге!

20 сентября. Всё еще стоим на месте и занимаемся исследованием низовьев реки Иодзыхэ... На всем пройденном пути это место считается самым богатым дикими козами. И в самом деле, едва я успел отойти от фанзы не более 1 версты, как увидел небольшое стадо (7 голов) этих прекрасных животных. Я выстрелил и убил одного самца; при мне была молодая зверовая собака... Спущенная с поводка, она бросилась вперед и начала трепать и давить умирающее животное. Коза издала два предсмертных крика и, раскрыв широко рот, испустила последний дух. Я не мешал собаке, чтобы в будущем приучить ее ходить и следить по подраненному зверю. Боже мой! Какой эгоист человек, какое он хищное животное. Как

бы процвела фауна и флора, если бы человека не было! И он еще осмеливается называть себя Царем земли, царем природы. Нет, он бич земли. Это самый ужасный хищник, беспощадный, свирепый, ужасный. Чем мне чаще приходится быть красного зверя, тем всё более и более я убеждаюсь, что рано или поздно я брошу этот род охоты» [12].

Есть и другого рода особенности, связанные с переходом от дневника к печатному изданию. Так, в книге имеется эпизод охоты на кабанов, когда В.К. Арсеньев случайно ранил Дерсу Узала. Понятно, что такой казус не красит любого офицера и охотника, но автор не только отмечает его в дневнике, но и включает в книгу (изданную, напомню, спустя 15 лет после событий). При этом В.К. Арсеньев описывает и свои переживания: «Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту» [12]. Любопытно, что соответствующая дневниковая запись очень коротка – буквально несколько строк, а в повести эпизод развернут довольно широко.

Зато другой характерный эпизод – с употребившим алкоголь Дерсу Узала – В.К. Арсеньев в книгу не включил. Вот как он выглядит в дневнике: «20 августа. Так как мой проводник закутил и по дороге напился пьян, я должен был еще за светло остановиться на бивак... Всюду русло было сухое, каменистое. Дерсу окончательно забастовал, но я уговорил его дойти до воды... Проводник мой тотчас же уснул, но сперва минуты две сидел на толстом бревне и, подперев опущенную голову руками, пел какую-то печальную заунывную песню» [13]. Можно предположить, что создаваемому В.К. Арсеньевым художественному образу «идеального» гольда-проводника употребление спиртного, по представлению автора, не соответствовало. К слову, в дневнике описано и поведение выпившего Степана – брата Дерсу Узала.

В дневниках 1906 года В.К. Арсеньев довольно часто упоминает о крейсере «Изумруд», за год до проведения экспедиции севшим на камни в бухте Святого Владимира и взорванным собственным экипажем. В книге об этом написано значительно меньше. В частности, не попала на её страницы любопытная деталь из жизни села Пермского (близ Ольги): «С разбитого судна Изумруд местные жители, крестьяне пермские, сняли много одежды, целые тюки, и теперь все они одеты в матросские блузы» [13]. Не стал автор спустя много лет писать и о том, что с брошенного «Изумруда» местные жители добывали уголь и муку, винтовки и патроны.

В дневниках есть более подробные, чем в книге «По Уссурийскому краю», описания одежды и обуви, быта и привычек орочей, особенностей их жизни, ритуала камлания шамана. По понятным причинам не вошли в книгу многочисленные записи военно-разведывательного характера, заметки о местах, удобных для колонизации, многие сведения о китайцах, добытые В.К. Арсеньевым. При этом следует отметить, что данные из дневников 1906 года во многом использованы в более поздних научных трудах В.К. Арсеньева «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг.» (1912 год) и «Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический» (1914 год), а также и в книге «Дерсу Узала» (1923 год).

Вот, например, впечатления В.К.Арсеньева от дождя в лесу. Запись в дневнике довольно краткая: «Дождь усиливался. Трава и деревья были мокрые. Дождь в лесу – это двойной дождь». В книге «По Уссурийскому краю» автор даёт более расширенное описание: «Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымоет до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дождевую воду на листья и крупными каплями осипают путника с головы до ног». Практически то же

ОТ ДНЕВНИКОВ – К КНИГАМ

самое мы читаем в книге «Дерсу Узала»: «Дождь в лесу – это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдаают путника водою».

Таким образом, сравнение текстов экспедиционных дневников В.К. Арсеньева и его последующих трудов позволяет понять некоторые особенности творческого процесса преобразования полевых записей в иные по структуре, семантике, художественной и научной значимости работы. Следует также иметь в виду, что в дневниках исследователя имеется большое количество неопубликованных сведений и данных, требующих осмыслиения с современной точки зрения. Поэтому работу по их изданию безусловно необходимо продолжать.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ

Вплоть до 1920-х годов В.К. Арсеньев был известен исключительно только как исследователь Дальнего Востока. Его научные работы, включая весьма объёмные «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг.» (1912 год) и «Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический» (1914 год), были высоко оценены ещё в дореволюционное время. В.К. Арсеньев также часто выступал перед различными аудиториями, считая своим долгом доносить до самых широких масс знания о крае (в основном общегеографического характера). При этом он понимал, что надо рассказывать о восточной окраине России, о её природе и людях не только в докладах и научных статьях, но и более простым языком беллетристики. Заметим, что и при жизни В.К. Арсеньева, и сейчас порой высказывается мнение, что как писатель он довольно слаб. Но даже по текстам его первых полевых дневников 1906–1907 годов, то есть сугубо деловых записей, видно, что попытки беллетризованного описания экспедиционной жизни автору вполне удавались.

Создание своих первых художественных произведений В.К. Арсеньев в целом завершил ещё до событий 1917 года, но издать их тогда не смог. Только в 1920 году в Уссурийске вышла 17-страничная брошюра с двумя его рассказами – «Амба» и «Ли-Цун-Бинь» из будущей повести «Дерсу Узала». В 1921 году владивостокская типография «Эхо» издала книгу, названную довольно громоздко: «По Уссурийскому краю» (Дерсу Узала). Путешествие в горную область «Сихотэ-Алинь». В 1923 году издательство «Свободная Россия» там же, во Владивостоке, выпустило книгу В.К. Арсеньева «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.». Обе книги были изданы в мягких обложках, на плохой бумаге, с множеством опечаток. Особого внимания

читающей публики и критиков эти издания не удостоились, что, впрочем, понятно, если учесть сложный политический момент того времени — Гражданскую войну в Приморье.

Хотя даже в те годы в местной периодике появилось несколько рецензий, в одной из которых (газета «Русская Армия» от 9 сентября 1921 года) было отмечено: «Нельзя обойти молчанием появление на местном книжном рынке этого солидного и в высшей степени ценного и полезного труда В.К. Арсеньева, представляющего собою научно-популярное физико-географическое описание Уссурийского Края... и предназначенного для широкой публики и учащейся молодежи. Положительно внимание всех, начиная с юноши и кончая ученым специалистом, можно рекомендовать эту прекрасную книгу. Написана она удивительно живым и легким языком и читается с захватывающим интересом. Каждый, кто возьмет ее в руки и заглянет в первые страницы ее, испременно дочитает ее до конца — так увлекательно и интересно ведет автор свой дневник путешествия, в форме которого предложена им эта замечательная книга...» [24].

В 1926 году некий «литератор», так и оставшийся никому (судя по последующим письмам В.К. Арсеньева, это был не сам автор) значительно сократил тексты этих двух книг и объединил их под одной обложкой с новым названием «В дебрях Уссурийского края». «Совмещённое» издание состояло из двух частей без отдельных заглавий, примерно соответствующих по общему содержанию двум первым книгам В.К. Арсеньева. Прекрасно иллюстрированная художником С.И. Яковлевым, эта книга вышла во Владивостоке, в издательстве «Книжное дело», потом в Хабаровске; затем много раз переиздавалась, в том числе и в Москве. Именно ее похвалил М. Горький, написав хрестоматийные строки: «Книгу Вашу читал с великим наслаждением. Не говоря о ее науч-

ной ценности, конечно несомненной и крупной, я увлечён и очарован был её изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, – это, уверяю, не плохая похвала...» [8].

С этого издания и началась слава В.К. Арсеньева как писателя. Следует отметить, что в целом «В дебрях Уссурийского края» гораздо динамичнее и проще для чтения, чем отдельные издания 1921 и 1923 годов. Однако известно, что сам В.К. Арсеньев выражал неприятие редакторского вмешательства, с которым была издана эта книга. Кроме весьма значительных сокращений, о чём более подробно будет сказано ниже, первоначальные тексты были отредактированы без всякого уважения к авторскому праву и порой даже обессмыслены. В письме 1926 года В.К. Арсеньев сообщал профессору-этнографу Московского университета Ф.Ф. Аристову: «Как знак признательности и уважения к Вам не откажите принять от меня авторские экземпляры первого издания «По Уссурийскому краю» и «Дерсу-Узала», напечатанные в 1921 и 1923 гг. Обе эти книги гораздо полнее, хотя изданы значительно хуже, чем в «Дебрях Уссурийского края», которая по существу есть переработанное и сокращенное издание первых двух» [25]. (Все письма здесь и далее цитируются с сохранением авторской стилистики, пунктуации и орфографии).

Ещё более резко высказывался В.К. Арсеньев в письме в издательство «Молодая Гвардия» (июнь 1929 года): «Пролистывая книгу «В дебрях Уссур. края», изданную Книжным Делом, я сделал ряд неприятных для себя открытий. Эта книга является сокращённым содержанием двух моих книг «По уссурийскому краю» – 1921 г. и «Дерсу-Узала» – 1923 г. Книжное дело, без моего ведома, выпуская целые абзацы и даже страницы, не позаботилось сгладить переход от одной мысли к другой. Мало того, вместо выпускаемых абзацев, ка-

кой-то, неведомый мне, гражданин, по поручению Книжного дела, вставлял мостики, совершенно безграмотные. В следствии этого получились частые повторения одного и того-же слова, нелепые и бессмысленные выражения... Всё это при том условии, что я живу и нахожусь рядом. Кроме того, такое бесцеремонное обращение с чужой книгой, иллюстрирует невнимание, как то пренебрежение к читателю и аттестует издательство. Меня это даже как то расстроило, потому что лицо, позволившее себе такое отношение к моей рукописи, спряталось за моей фамилией...» [21].

Таким образом, самые первые, владивостокские издания своих книг В.К. Арсеньев считал более удачными, чем последующие. Надо сказать, что веские причины для недовольства у автора имелись. В первую очередь следует принять во внимание общий объём сокращения текстов. Так, в первоначальном варианте книги «По Уссурийскому краю» было 40 глав – после правки в 1926 году осталось 29. Повесть «Дерсу Узала» в 1923 году насчитывала 30 глав, после редактуры их стало 24. Правка была жёсткой и во многом непродуманной: некоторые главы сокращены более чем на треть, иные две и даже три соединены в одну, из-за чего сменилась нумерация глав и они были переименованы; порой между отдельными эпизодами переброшены вполне произвольные «мостики», заменившие (явно неудачно) целые абзацы авторского текста. Кроме политических мотивов, рукой редактора водили и мысли о сокращении «ненужных» длиннот и подробностей. Поэтому были массово выброшены описания природы и погоды, ландшафтов, местных достопримечательностей, притоков рек, а также все латинские названия животных и растений.

Порой логика редакторского вмешательства понятна – с учётом реалий того исторического периода. Так, были ис-

ключены все «идеологически неверные» (с точки зрения советской цензуры) фрагменты. Например, глава «Рождественские праздники» из повести «Дерсу Узала» переименована в «Зимние праздники», убрано само упоминание Рождества Христова и текст беседы В.К. Арсеньева с членами его отряда о религиозных истоках этого празднества. В издании 1921 года подзаголовок XI главы книги «По Уссурийскому краю» обещал читателю огласить «Признаки приближения антихриста». Это была цитата, взятая автором из сочинений старообрядцев: «...На приближение антихриста есть приметы. Станут люди бросать свою прежнюю жизнь и одеваться по иностранному, станут брить бороду и усы... Воины оденут на головы фуражки и станут сражаться не мечом и копьем, а огнем на далекие расстояния. Они уже не будут называться «воинами», как раньше, а «солдатами» – слово, начинающееся на одну букву со словом «сатана» [6]. Разумеется, в 1926 году и позже этого уже нельзя было прочесть, и даже само упоминание о старообрядческих книгах из последующих изданий исчезло.

Тогда же были выброшены из последней главы книги «Дерсу Узала» мысли, которые невольно посетили В.К. Арсеньева во время похорон своего проводника. Были они, надо сказать, весьма крамольными, но вполне современными: «Цивилизация рождает преступников. Созирай свое благополучие за счет другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом, в последовательном порядке, идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!» [2]. Понятно, что подобные рассуждения в существовавшие цензурные требования не вписывались, и потому их без сомнений удалили из текста. В 1980-х годах одно московское издательство почти восстановило этот абзац, но смелость ре-

дакторов дошла только до слова «война». Дальнейшее суждение В.К. Арсеньева бесцеремонно оборвали...

Кроме крупных изъятий, книги основательно испортила и правка «по мелочам», обусловленная свершившейся сменой политической системы в стране (напомню, что Советская власть во Владивостоке утвердила позже издания первых двух повестей). Разумеется, было вычеркнуто обращение стрелков к В.К. Арсеньеву как офицеру: «Ваше благородие!». Сибирские стрелки переименованы в безликих «солдат», упоминания о китайцах и корейцах по возможности исключены, заметно отредактированы – в сторону «лакировки» общего впечатления – заметки автора о быте и нравах местных жителях края. Сами они из «инородцев» (так было принято говорить в дореволюционное время) стали «туземцами» (что звучит, надо заметить, ничуть не корректнее). Были «поправлены» даже описания внешности людей, причём порой без всякого смысла (или с неким умыслом?). Как сенсацию можно воспринимать описание внешности Дерсу Узала из книги 1921 года: у него были не только тёмно-русые усы и рыжеватая бородка, но и «густые русые волосы». Впрочем, во всех более поздних изданиях он потемнел...

Много раз переписывались и сокращались предисловия автора к своим первым книгам – из них были убраны упоминания о генерал-губернаторе П.Ф. Унтербергерсе, о морских офицерах, о соратниках В.К. Арсеньева (например, исключили вроде бы нейтральную фразу «Многие из них погибли в войну 1914–1917 г.г., защищая свою Родину»). Видимо, посчитали, что не могло быть Родины при самодержавии. Убраны любые обращения к богу и поминания его – даже из устной речи старообрядцев, где подобные выражения являлись речевой характеристикой персонажей. Именно в таком «урезанном» виде эти произведения и печатали позже, вплоть до

нашего времени. В разные годы предпринимались отдельные попытки восстановить тексты 1921 и 1923 годов издания, но все они не были доведены до конца в связи с субъективными и объективными обстоятельствами. Так что изначального, полного варианта самых известных арсеньевских книг не читал никто, кроме специалистов.

В сентябре 1945 года исполнилось 15 лет со дня смерти В.К. Арсеньева. Распоряжением Совета народных комиссаров РСФСР от 25 октября 1945 года улица Производственная во Владивостоке, где в последние годы жил учёный и путешественник, была переименована в улицу Арсеньева; его имя было присвоено Приморскому краеведческому музею. Тогда же Приморским филиалом Географического общества СССР (ПФГО) был поднят вопрос об издании собрания сочинений писателя. Почему инициатором был ПФГО – объясняется достаточно просто: именно там, в бывшем Обществе изучения Амурского края, хранился обширный личный архив В.К. Арсеньева. В конце января 1946 года бюро Приморского крайкома ВКП /б/, «учитывая большую научную ценность и познавательность произведений и деловой переписки ученого-географа, исследователя природы Приморского края и писателя», постановило: «Обязать «Примиздат» в течение 1946 и 1947 г.г. издать полное собрание сочинений и деловой переписки В.К. Арсеньева» [29]. При этом надо заметить, что Приморское краевое издательство было ещё совсем юным – решение о его создании появилось в сентябре 1945 года.

Для подготовки издания была создана комиссия, возглавил которую учёный секретарь ПФГО Н.А. Навицковский. В неё также вошли сотрудники Приморского краеведческого музея З.И. Мясникова и А.И. Мерзляков (соратник В.К. Арсеньева по экспедициям), В.Т. Кучерявенко из краевой газеты «Красное Знамя» и В.П. Солиццева из крайрадиокомитета. Вся

предварительная работа велась непосредственно в Приморском филиале Географического общества СССР под общим руководством Н.А. Навиндовского. Ему как председателю комиссии приходилось решать не только организационные, научные, творческие, но и текущие, порой даже бытовые вопросы, — например, о выделении продуктовых и хлебных карточек привлечённым сотрудникам, о приобретении новой пишущей машинки.

Членами комиссии и штатными сотрудниками ПФГО была произведена «инвентаризация» научных и художественных работ В.К. Арсеньева (в том числе ранее неопубликованных), его дневников и отчётов, обширной переписки, хранившегося в архиве фотофонда. К работе над собранием сочинений был привлечен приморский учёный-биолог Н.Е. Кабанов, формально не входивший в состав редакционной комиссии. Он в это время находился в Москве, где готовился к защите докторской диссертации и одновременно занимался изданием своей книги о В.К. Арсеньеве, которая вышла в свет в 1947 году (Кабанов Н.Е., «Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872–1930». М., 1947). Тем не менее при всей своей занятости Н.Е. Кабанов нашёл время помочь комиссии, поделившись собранными им биографическими сведениями. Что из этого получилось — будет сказано ниже.

Все шесть томов собрания сочинений планировалось выпустить ударными темпами, в течение одного 1947 года. По разным причинам выполнить такую задачу в столь сжатые сроки не удалось (на взгляд автора статьи, это было фактически невозможно). Надо полагать, что для такой работы не хватило бы и мощностей издательства; но, несомненно, были и другие обстоятельства субъективного характера. Об этом свидетельствует письмо Н.А. Навиндовского Н.Е. Кабанову,

отправленное из Владивостока 26 мая 1947 года, значимый фрагмент которого публикуется ниже.

«... В первом томе много ляпсусов, допущенных случайно и неслучайно. К последним относится вольность в обращении с названиями работ автора. Так, работа «По Уссурийскому краю»... названа в 1-м томе «По Уссурийской тайге». Много опечаток. Материалом к биографическому очерку послужила Ваша работа. Я, откровенно говоря не хотел её передавать в издательство, но получилось так, что меня за это крепко пребрали и в Обществе, и в издательстве, обвинив чуть ли не в срыве печати сочинений. Наконец, передав материалы, я был уверен, что под очерком не появится та фамилия, которая появилась. Обо всем этом поговорим подробно, когда Вы вернетесь домой.

В ближайшее время выходит 3-й том сочинений. Все 6 задуманных томов выйдут в этом году. Большое несчастье: лит режет нещадно. Целиком «зарезал» поездку на Командоры (???!!!). Уверен, что зарежет и Военно-географическое описание. Зарезал часть «Дельфиньего промысла», покушается на «Китайцы в Уссурийском крае». Волниуюсь, переживаю, доказываю, но это производит впечатление такое же, как крики о помощи бедуина, засыпаемого песками в пустыне. Но... может быть, в самом деле «нет добра без худа». Хоть в таком виде, но Арсеньев появится в этом году» [10].

Видимо, требуются некоторые пояснения к этому письму. Относительно биографических материалов: в первом томе собрания сочинений помещён «Краткий биографический очерк» за подписью М.Н. Самунина, члена редколлегии и ответственного редактора. Теперь понятно, что этот очерк был основан на сведениях, собранных Н.Е. Кабановым для своей книги. Как Н.А. Навиндовский сумел уладить этот вопрос – одному ему известно... И по поводу фразы «лит режет нещад-

но»: «лит» (или «крайлит») – это обиходное наименование Комитета по охране государственных тайн в печати. Какие тайны увидели цензоры в арсеньевских произведениях – ведомо только им, но в итоге тексты действительно оказались основательно порезанными. Н.А. Навиндовский предугадал некоторые события: работа «Китайцы в Уссурийском крае» так и не вошла в собрание сочинений, а «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» стал ещё более кратким, лишившись почти половины текста и своего оригинального названия. Тем не менее в 1947 году с небольшими интервалами вышли в свет первые четыре тома (каждый тиражом в 10 тысяч экземпляров); ещё один том был издан в 1948 году.

Заметим, что на конференции ПФГО, проходившей 2 июня 1948 года, это издание критиковалось. Вот выписка из протокола:

«Касаясь вопроса издания сочинений В.К. Арсеньева, Левицкий (В.Л. Левицкий, член редколлегии, работник «Примиздата» – И.Е.) отмечает большую помощь, оказанную Примиздату Географическим обществом. Большая часть работ Арсеньева была сличена по ранним изданиям трудов Арсеньева, сохранившимся только в научной библиотеке ПФГО и по рукописям, хранящимся в архиве Филиала Общества. Безусловно, подготовка нашего первого собрания сочинений Арсеньева была бы невозможной без активной помощи Филиала общества, в частности его учёного секретаря тов. Навиндовского.

Тов. Навиндовский... говорит, что хотя тов. Левицкий и отметил большую работу, проделанную Филиалом Общества..., но Левицкий почему-то ни слова не сказал о том, как Примиздат умудрился, вопреки всем рекомендациям Филиала, испортить издание. Тов. Навиндовский приводит несколько

примеров, характеризующих невнимательность, формальное отношение работников Примиздата к подготовке сочинений Арсеньева» [11].

Всё издание было завершено в январе 1949 года выходом последнего, шестого тома. Это было первое собрание сочинений В.К. Арсеньева – разумеется, далеко не полное, как планировалось изначально. Недостатки этого шеститомника были очевидны ещё тогда, хотя многие из них вполне сознательно умалчивались. М.К. Азадовский, известный литературовед, живший в то время в Ленинграде и также собирающий материалы для книги о В.К. Арсеньеве, писал в 1951 году своему коллеге Г.Ф. Кунгуротову: «Видели ли мою рецензию на «Сочинения Арсеньева» в «Советской книге» (1951, № 2)? К сожалению, её невероятно обкорнали и она вышла недостаточно острой, – в особенности снята эта острота в отношении к Примор. Изд-ву и Географизу. Ряд крупнейших промахов Прим. Издата (Владивосток), отмеченных мною, почему-то оказался зачеркнутым редакцией. Опущены и почти все мои библиографические дополнения и проч. и проч.» [1].

В последующие годы выходили или отдельные произведения В.К. Арсеньева, или двухтомники – во Владивостоке, в Хабаровске, в Москве. О необходимости нового, более полного издания собрания сочинений самого известного дальневосточного писателя многие авторы говорили и писали давно. Выявленные в последние годы служебные документы, письма, черновики, отредактированные тексты и даже новые работы позволяют максимально учесть авторскую волю В.К. Арсеньева, его истинные художественные замыслы. Но только в 2005 году во Владивостоке, в Приморском краевом отделении Русского географического общества – Общество изучения Амурского края развернулась трудоёмкая работа по восстановлению изначальных арсе-

ньевских текстов. Учёным советом ОИАК было принято решение об издании собрания сочинений В.К. Арсеньева в шести томах; создан редакционный совет, возглавил который председатель Общества, профессор, доктор географических наук П.Ф. Бровко. В совет вошли исследователи биографии и творчества В.К. Арсеньева из Владивостока (А.Г. Брюханов, И.Н. Егорчев, А.В. Колесов, А.М. Кузинцов, Ю.К. Луганский, В.Н. Соколов), Санкт-Петербурга (литературный критик И.С. Кузьмичев), Москвы (научный сотрудник А.И. Тарасова).

В первый том было решено включить наиболее популярные произведения автора: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», причём с внесением авторской правки. Это оказалось возможным, поскольку современным исследователям творчества В.К. Арсеньева известны не только оригинальные тексты двух первых книг, но и, как можно полагать, окончательный замысел автора. Во Владивостоке, в уникальной библиотеке Общества изучения Амурского края, сохранился экземпляр книги «В дебрях Уссурийского края» 1928 года издания из личной библиотеки писателя, переданной в ОИАК в 1938 году дочерью В.К. Арсеньева Натальей. В тексте этой книги рукой писателя выполнена значительная по объёму правка, ранее никем полностью не учтённая. Это раритетное издание, включающее, как уже говорилось, две самые известные работы В.К. Арсеньева – «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», имеет множество авторских пометок, сделанных в основном красным и синим карандашами.

Красные пометки – вставки изъятий из текстов изданий 1921 и 1923 годов; В.К. Арсеньев восстановил почти все из них. Синие – окончательная правка текста. В целом лично автором сделано 370 вставок красным карандашом и мно-

гие сотни поправок – синим. Последние не поддаются точному подсчёту, так как есть исправления отдельных слов, букв, цифр, знаков препинания, а также вычеркнутые или заменённые части текста, порой довольно большие. Таких поправок – от 10 до 70 в каждой главе. Если ещё учесть заново созданные В.К. Арсеньевым и вклеснныи им прямо в книгу фрагменты текста, написанные от руки на отдельных листочках, то получается совершенно иной, «новый Арсеньев». А самое главное: именно такими хотел видеть свои произведения автор – с учётом уже ощутимой самоцензуры, конечно.

Вся тщательная работа по исправлению арсеньевского текста проделана автором этой статьи как редактором первого тома, все значимые поправки и варианты текстов оговорены в примечаниях. Так что, несмотря на определённую «традиционность» содержания этого тома, он стал во многом неожиданным для широкого читателя. Первый том нового собрания сочинений В.К. Арсеньева вышел из печати в издательстве «Рубеж» (Владивосток) в начале 2008 года. Его объём – 704 страницы; том включает две фототетради с редкими снимками, подготовленными председателем Приморского отделения Союза фотохудожников РФ Ю.К. Луганским; предисловие написал известный исследователь творчества В.К. Арсеньева И.С. Кузьмичев из Санкт-Петербурга. Книга напечатана в издательско-полиграфическом комплексе «Дальпресс» (г. Владивосток).

Уже упомянутая А.И. Тарасова, получив в подарок первый том, прислала из Москвы такие добрые и проникновенные слова (письмо от 26 мая 2008 года): «Внешний вид – дивный переплет, чудесная бумага, изумительные иллюстрации. А содержание?! – одно слово – Арсеньев! Представляю, какую радость он испытал бы, увидев своё сочинение. Ему не могло и

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ

присниться такое великолепие. И мне – тоже. Текстологическая работа исполнена просто фантастически. Сверено, выверено, сравнено с прежними изданиями не только каждое слово, но, кажется, и каждая буква, причем по правилам самой последней строгой науки... Одним словом – образец для всех издателей и издательств...» [31].

К настоящему времени (2015 год) издательством «Рубеж» выпущены в свет три тома собрания сочинений В.К. Арсеньева, и работа над его творческим наследием продолжается.

ДЕРСУ УЗАЛА БОРДАКОВА

Несколько лет назад, просматривая подшивку газеты «Приамурье» вековой давности, издававшуюся в Хабаровске, автор обнаружил большую статью с заглавием «Дерсу Узала». Она была напечатана в четырёх номерах: от 24 и 30 мая и от 14 и 21 июня 1909 года. Общий объём – около 16 страниц текста формата А-4, набранного 12-м размером шрифта. Статья имела подзаголовок «Таёжный рассказ» и подпись «Старый таёжник» (в то время подписываться псевдонимом было распространённой газетной традицией). Конечно, так себя мог назвать практически любой человек, но к В.К. Арсеньеву, к имени которого сложившийся у читателей образ Дерсу Узала имеет самое непосредственное отношение, такое определение подходило как нельзя лучше.

Исходя из этого, вполне логичным было подумать, что найдено ранее неизвестное произведение В.К. Арсеньева, содержащее первое публичное упоминание Дерсу Узала, ставшего знаменитым литературным персонажем значительно позже. Как известно, первая художественная книга В.К. Арсеньева, изданная в 1921 году во Владивостоке, имела полное название «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь», а собственно повесть «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» увидела свет в 1923 году также во Владивостоке. Поэтому упоминание имени гольда-проводника более чем за 10 лет до появления арсеньевских книг вполне могло считаться открытием. Разумеется, требовалось документальное подтверждение или опровержение такого факта.

Начинался рассказ (это было явно художественное произведение, а не документальный очерк) так:

«Как ни бушевала вокруг разыгравшаяся к ночи пурга, как ни обсыпала лицо и шею сбивающая ветром с ветвей снежная пыль и ни пронизывал сквозь изношенную охотничью куртку

леденящий холод, старый гольд Дерсу Узала сидел неподвижно, поджав под себя обутые в тарбаза ноги и глубоко втянув голову в плечи, как будто это могло защитить его от захватившей его в тайге непогоды. И если бы не легкое движение губ под редкими, смерзшимися усами и невольное временами передергивание от холода плечей, можно было бы подумать, что он давно уже умер.

О чем думал стариk в эту бурную рождественскую ночь, один, перед своим костром, в тайге? И по нахмуренному лицу его было видно, что не радостные мысли занимали его. От колеблемого налетавшим ветром пламени костра, словно фантастические привидения, выступали из мрака облепленные снегом стволы кедров и пихт, и их темные ветви, как огромные руки, размахивали над головой Дерсу и то исчезали, то снова появлялись и с жестким шумом сталкивались своими иглами. Временами, когда огонь вспыхивал особенно ярко, освещались росшие по сторонам молодые зандевельные елки и мириады разноцветных искр рассыпались по ним, и казалось тогда, что это не снежинки, а бесценные каменья, и что никакие сокровища мира не сравняются с ними.

Но Дерсу не видел и не смотрел на них. Он крепко зажмурил глаза и даже вплотную надвинул на них картуз, как будто то, что он мог бы увидеть, не могло доставить ему ничего, кроме ненужных страданий и бесконечного отвращения».

Ниже в тексте шла речь о смерти гольда — он якобы замёрз в тайге в рождественскую ночь, о его традиционном путешествии в мир мёртвых вместе с великим шаманом, описание шаманских обрядов и так далее — вплоть до счастливого конца, когда Дерсу Узала наконец-то обретал покой в загробном мире. Но имелся и другой кандидат на авторство этого рассказа. Тем, кто знаком с первыми книгами В.К. Арсеньева, известно, что повесть «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путе-

шествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» (издание 1923 года) заканчивалась следующим абзацем:

«П.П. Бордаков, мой спутник, о котором я уже говорил, узнав о смерти Дерсу, обратился ко мне с просьбой позволить ему описать воззрения гольда на загробный мир. Зная, с какой симпатией П.П. Бордаков относился к покойному, я одобрил его намерение и просил не откладывать эту работу в долгий ящик. П.П. Бордаков не знал, при каких обстоятельствах умер Дерсу, и описал его замерзшим в тайге в Рождественскую ночь. Читателей, желающих узнать, что ожидал Дерсу встретить по ту сторону смерти, я отсылаю к книжке П.П. Бордакова «Дерсу Узала. Рождественский рассказ» [2]. К слову, из всех последующих изданий повести «Дерсу Узала» этот фрагмент текста по непонятной причине был удалён.

Хотя название материала, опубликованного в «Приамурье» в 1909 году, звучит несколько иначе («Дерсу Узала. Таёжный рассказ»), можно было предположить, что это и есть упомянутый В.К. Арсеньевым рассказ П.П. Бордакова. Оставалось найти такой версии документальное подтверждение, а попутно отыскать сведения о личности автора. Как писал сам В.К. Арсеньев, П.П. Бордаков был студентом Киевского университета (сведения из первой главы «Дерсу Узала»). Других упоминаний о нём не имелось, и в последующих экспедициях В.К. Арсеньева он участия не принимал. В библиотеках г. Владивостока никаких произведений П.П. Бордакова в настоящее время не числится.

Любопытные воспоминания об этом человеке можно найти в записи более подробно описанных ниже бесед А.К. Арсеньевой, первой супруги В.К. Арсеньева, с хабаровским исследователем Г.Г. Пермяковым. Там имеется целый абзац, так и названный – «О Петре Бордакове»; приводим его содержание полностью.

«Он был с Арсеньевым в его походе 1907 года на Сихотэ-Алинь. Подтверждаю, что Пётр Петрович бывал у нас в 23 стрелковом полку в Хабаровске, когда там жил Дерсу Узала. Они разговаривали и сидели за столом. Бордаков страдал от чудовищной махорки Дерсу, но терпел. Есть фотографии, где Пётр Петрович снят с Арсеньевым и Дерсу. Володя всегда помнил и вспоминал Бордакова, рядом с Десулави и Мерзляковым. «Самоотверженные помощники» называл он их. Володя до смерти переписывался с Петром Бордаковым, богачом, который написал книгу и в ней много страниц уделил своему походу с Арсеньевым в 1907 году. Пётр слал ему свои фото.

Теперь расскажу то, что мало кто знает. Пётр Петрович был очень богат, точнее была богата его мать. Она щедро отпускала средства на его путешествия и издание его трудов. Позднее Бордаков стал учёным и даже профессором. У него были редкие материалы по Арсеньеву, по Дерсу и по экспедициям Арсеньева в первом десятилетии 1900 года (так в тексте – И.Е.). У Г.П. (имеется в виду Г.Г. Пермяков – И.Е.) была возможность поехать в Алма-Ату и там забрать названные материалы Бордакова, встретить его близких и, быть может, его самого. Но Хабаровск не смог выделить автору этих записей небольшой суммы, и материал был утрачен из-за чьей-то косности и скучности. Быть может, и ныне где-то в архивах Алма-Аты лежат драгоценные записи Бордакова, соратника и друга Владимира Клавдиевича» [9].

Вот такой немного странный отрывок, заключительная часть которого, по-видимому, принадлежит третьему лицу, но в публикации в альманахе «Рубеж» № 6 (Владивосток, 2006) составляет единый текст с воспоминаниями А.К. Арсеньевой. К сожалению, внести уточнения в данный вопрос не удалось, так как Г.Г. Пермяков ушёл от нас в декабре 2005 года.

После поисков в центральных российских библиотеках и архивах удалось установить, что Пётр Петрович Бордаков (1882–1945) в период совместной экспедиции с В.К. Арсеньевым (1907 год) действительно был студентом Университета Св. Владимира в Киеве (судя по дальнейшей карьере, ботаником; сам В.К. Арсеньев называл его палеонтологом). В 1908 году П.П. Бордаков, по некоторым сведениям, стал заведовать Гродековским музеем в г. Хабаровске (видимо, закончив университетский курс). К концу 1920-х – началу 1930-х годов относится публикация многих научных статей П.П. Бордакова, преимущественно о сое как сельскохозяйственной культуре. В 1936–1938 годах он заведовал кафедрой ботаники Белорусского государственного университета, затем переехал в Алма-Ату. П.П. Бордаков также известен публикациями под псевдонимами А.Г. Петров, П. Петров, проф. П. Петров.

Писать и публиковаться он начал довольно рано. В личной библиотеке В.К. Арсеньева, находящейся в составе общего библиотечного фонда Общества изучения Амурского края во Владивостоке, хранится книга П.П. Бордакова под названием «Моя юность. Повесть в трех отрывках», изданная в Санкт-Петербурге в 1910 году (384 страницы). На ней имеется дарственная надпись: «Многоуважаемому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву от автора. 12 Дек. 1910 г.». В составе этой же библиотеки сохранился конволют (так называются сброшюрованные и переплетённые в отдельные тома различные печатные материалы, объединённые по сходной тематике – в данном случае одним авторством) общим объёмом в 255 страниц. Это сборник рассказов и повестей без общего заглавия; на форзаце имеется надпись: «Многоуважаемому и дорогому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву на добрую память от П. Бордакова. 23 Янв. 1910 г.».

Содержание этого конволюта следующее.

1. Эскиз. Рассказ. С. 1–2. Нумерация типографская.
2. Лисьи норы. Рассказ археолога. С. 2–45.
3. Дерсу Узала. Рождественский рассказ. С. 1–33.
4. Моя юность. Повесть П.Б. Отрывок первый. С. 1–96.
5. Моя юность. Повесть П.Б. Отрывок второй. С. 1–81.

Бумага всех отрывков идентичная, шрифт одинаковый, имеются заставки перед заглавием (различные по рисунку, но сходные по графическому исполнению и расположению). Возможно, это отдельные оттиски статей, сделанные в одно время и в одной типографии. Нет сомнений, что все эти произведения принадлежат П.П. Бордакову и подарены им В.К. Арсеньеву. Большинство материалов имеет штамп «В.К. Арсеньев», свидетельствующий о принадлежности к его личной библиотеке.

Отрывки из повести «Моя юность» соответствуют тексту книги под тем же названием, однозначно принадлежащей авторству П.П. Бордакова. То же самое относится к рассказу «Дерсу Узала»: его содержание практически (за исключением незначительных деталей) совпадает с тем, что было напечатано в газете «Приамурье» в мае и июне 1909 года. Принципиальное отличие состоит только в одном: книжный вариант имеет в два раза большее количество подстраничных примечаний. Если в газете были разъяснены только термины, в основном связанные с шаманским ритуалом и религиозными представлениями нанайцев, то в типографском оттиске имеются примечания даже к таким словам, как гольды, изюбрь, тигр, кэта, панты, жэнь-шень, гнус и другим, явно хорошо известным жителям Дальнего Востока. Косвенно это свидетельствует о том, что книжный текст был предназначен для «европейского» читателя.

Итак, первым поведал широкой читающей публике о персонаже по имени Дерсу Узала Пётр Петрович Борда-

ков, соратник В.К. Арсеньева по экспедиции 1907 года. Данный факт почему-то затерялся в обширной «околоарсеньевской» литературе, хотя впервые о нём сообщил ещё И.С. Кузьмичёв в книге «Писатель Арсеньев», изданной в 1977 году. Разумеется, эти сведения отнюдь не умаляют значение В.К. Арсеньева как талантливого писателя, благодаря произведениям которого сначала Россия, а потом и весь мир узнали об Уссурийской тайге и «таёжном человеке» Дерсу Узала.

Следует также отметить, что имеются следующие публикации П.П. Бордакова о совместной работе с В.К. Арсеньевым:

Бордаков П.П. На побережье Японского моря. Журнал «Юная Россия», 1914, №№ 1–12.

Бордаков П.П. День с Арсеньевым. Журнал «Вокруг Света», 1947, № 9, с. 36–37. – В конце текста: Проф. П. Петров.

Бордаков П.П. В тайге (под загл.: С В.К. Арсеньевым на реке Иодзыхэ). Алма-Ата, 1949.

Ещё раз процитируем фрагмент из повести В.К. Арсеньева «Дерсу Узала...» 1923 года издания: «П.П. Бордаков, мой спутник, ... узнав о смерти Дерсу, обратился ко мне с просьбой позволить ему описать возврения гольда на загробный мир. Зная, с какой симпатией П.П. Бордаков относился к покойному, я одобрил его намерение и просил не откладывать эту работу в долгий ящик...».

Итак, П.П. Бордаков спрашивал у В.К. Арсеньева позволения написать о Дерсу. Поскольку гольд погиб в марте 1908 года, а рассказ П.П. Бордакова начинает печататься из газетных страниц в мае 1909-го, понятно, что разговор на данную тему происходил в указанный период времени. Из этого также следует, что уже тогда некие – пусть даже понимаемые только как намерения – права на художественный образ Дерсу Узала признавались за В.К. Арсеньевым.

Очевидно, П.П. Бордаков знал о творческих планах Владимира Клавдиевича, задумавшего некое произведение, главным героем которого должен был стать именно Дерсу Узала. Заметим, что П.П. Бордаков не стал откладывать написание своего рассказа «в долгий ящик», сделав это достаточно оперативно.

Более того, задолго до В.К. Арсеньева П.П. Бордаков описал и саму экспедицию 1907 года (естественно, уделив немало внимания Дерсу Узала, причём «реальному» гольду). Речь идёт об уже упомянутой достаточно крупной публикации под названием «На побережье Японского моря» (журнал «Юная Россия», №№ 1–12 за 1914 год). Сам Владимир Клавдиевич оценивал её так:

«Мой спутник П.П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Южная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П.П. Бордакова вкрадась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине» [2].

Понятно, что название журнала «Южная Россия» – вполне объяснимая опечатка, а вот определение «живо и правдиво» очень справедливо. Дело в том, что П.П. Бордаков неставил перед собой каких-то заранее определённых художественных задач, а просто и добросовестно описал конкретный отрезок экспедиционной жизни, участником которого он был. Поэтому в его тексте тот же Дерсу Узала даже более живой, чем у В.К. Арсеньева, – не исключено, что благодаря недостаткам, о которых умолчал писатель спустя полтора десятка лет. Из очерка П.П. Бордакова мы можем узнать, что проводник не отказывался от спиртного, не был «спокойно» трудолюбивым, мог заблудиться в тайге и даже употреблял опиум. Знакомство с этим материалом позволяет

Неизвестный Арсеньев

получить и дополнительные сведения о самом Дерсу Узала, его жизни, взглядах, характере: сообщаются некоторые факты о его родственниках (смерти жены от оспы, гибели старшего сына и племянника), убийстве им самим «семи или восьми тигров», схватке гольда с медведем; со слов Дерсу приведены сведения о мировоззрении гольдов, легенды и охотничьи байки.

Более подробно о П.П. Бордакове, его взаимоотношениях с проводником экспедиции, а также о «реальном» и «виртуальном» образе Дерсу Узала можно прочитать в книге автора «Загадки» Дерсу Узала» (Владивосток, 2014 год).

«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА

После завершения «Юбилейной» экспедиции 1908–1910 годов В.К. Арсеньев совершил длительную поездку в европейскую часть России. С ноября 1910 года по апрель 1911-го он выступал в Санкт-Петербурге и Москве с сообщениями о своих походах в горную страну Сихотэ-Алинь; в том числе в феврале 1911 года в ИРГО прочёл доклад «Китайцы в Уссурийском крае», а в марте там же – доклад «Орохи-удэхе». В тот период у В.К. Арсеньева были определённые планы на 1911 год, связанные с продолжением исследований Сихотэ-Алиня. Однако они кардинально переменились, поскольку 26 марта 1911 года «по Высочайшему повелению» и «в изъятие из закона» он был переведён на гражданскую службу с сохранением военного чинопроизводства.

С 28 апреля 1911 года В.К. Арсеньев получил новую должность старшего производителя работ Уссурийской межевой партии в ведомстве Переселенческого управления и формально расстался с воинской службой, которой отдал уже 20 лет. Тем не менее в последующий период ему были присвоены звания капитана (в 1912 году) и подполковника (в 1913 году) [56]. Хотя многие исследователи до сих пор называют экспедиции В.К. Арсеньева 1911–1913 годов «археологическими» или «научными», они были посвящены борьбе с хунхузами (китайскими бандитами) и таёжными браконьерами и совершены непосредственно по поручению Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти.

6 июня 1911 года В.К. Арсеньев направил на его имя обширный доклад, подлинник которого сохранился в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). По всему тексту имеются многочисленные рукописные пометки генерал-губернатора и общая резолюция в конце: «Согласно отметкам. Н. Гондатти. 16 июня 1911 г.». Ниже документ приводится с минимальными сокращениями

и сохранением всех его особенностей; выделение заглавными буквами – авторское.

«Согласно личного приказания Вашего Высокопревосходительства представляю доклад о мероприятиях необходимых для вырешения вопроса о выселении китайцев из Уссурийского края...

В китайском засилье Уссурийского края не второстепенную роль играют китайцы, поселившиеся в городах (Никольск, Владивосток и Хабаровск) и на левом берегу р. Уссури главным образом против Имана. Отсюда ежегодно с наступлением осени целые толпы их идут в Уссурийский край ради охоты и соболевания, отсюда идут и искатели жень-шена и скупщики пушнины.

За последние года деятельность хунхузов особенно сильно проявилась в Южно-Уссурийском крае, начиная к востоку от Уссурийского залива по всему побережью моря к заливу Св. Ольги и далее на север до мыса Олимпиады, а также в истоках р. Уссури и по верховьям р.р. Ула-хэ, Фудзин и Ното.

Работы по выселению китайцев из описанных мест не могут быть выполнены в течении одного лета и осени на это требуется не менее 2-х лет. Самая работа разделяется на два периода – подготовительный и исполнительный.

Подготовительный период

1) В первую очередь необходимо собрать СОВЕЩАНИЕ из сведущих лиц, лесничих, юриста, для выработки строго определенной инструкции.

(Пометка Гондатти: «Сделано»).

2) В настоящем докладе все мероприятия изложены лишь схематично. Подробная разработка каждого пункта в отдельности будет сделана на Совещании.

(Пометка Гондатти: «Даны указания»).

3) Широкое объявление на китайском языке по всему Краю о том, что китайцам, живущим в горах и занимающимся земле-

делием и звероловством и т.п., предлагается к 1-му марта окончательно ликвидировать все свои дела в Уссурийском крае, так как после этого срока они будут выдворяться силой и что в этом отношении никаких отсрочек делать не будет.

(Пометка Гондатти: «Все это было уже сделано и теперь надо выселить до 15 октября текущего года»).

Важно, чтобы китайцы поняли, что выселяют их не по личному произволу какого либо чиновника, а что есть государственное распоряжение. Поэтому исполнителям следует обращаться с китайцами возможно мягче, гуманнее отнюдь не применяя насилия если только нет с их стороны сопротивления.

(Пометка Гондатти: «Конечно»).

...

5) Необходимо также удостовериться на месте, как будут реагировать на выселение китайцев крестьяне, согласны ли они помочь в этом деле, так как ценно, чтобы они хорошо уяснили-бы себе необходимость этой меры и помогли-бы сознательно. Лишь такая помощь может принести плоды. Для сбора таких сведений и для работы в учреждениях Владивостока и Хабаровска нужны три человека помощников, с которыми и можно будет вести все подготовительные работы.

(Пометка Гондатти: «Даны соответств. указания»).

6) Непременно надо назначить одного окончившего Восточный Институт «китаиста». Может быть Штабс-Капитан Федоров, состоящий в прикомандировании к Штабу Примурского военного округа за денежное вознаграждение согласился бы принять участие в работе. Переводчики из инородцев не только не надежны, но и прямо опасны – тут необходим человек образованный.

(Пометка Гондатти: «Будет избран переводчик самим Арсеньевым»).

7) Надо точно отделить тазов от китайцев и выдать им удостоверения. По этим удостоверениям они безотлагательно должны получить билеты от полицейских властей, которые в свою очередь не должны им в этом отказывать, и задерживать регистрацию тазов.

(Пометка Гондатти: «Конечно»).

8) Воспрещение полиции выдавать билеты на право покупки соболей, пантов, жень-шения и т.п.

(Пометка Гондатти: «Полиция не должна выдавать таких билетов»).

...

Исполнительный период

1) На прилагаемой при сем 100 верстной схематической карте цветными красками показаны 13 районов, из которых надлежит удалить китайцев.

2) Нужно иметь вооруженную команду солдат или полицейских стражников и лесников в числе 25-ти человек при одном офицере.

(Пометка Гондатти: «Указания даны»).

3) При воинской команде непременно должен быть постоянный наряд в качестве проводников 2-3 охотников из числа местных крестьян по районно.

(Пометка Гондатти: «Указания даны»).

(Местные крестьяне стоят впереди солдат, так как они хорошо знают местность и пункты, где живут китайцы, и потому что вопрос выселения китайцев касается их личной жизни их личных интересов).

(Пометка Гондатти: «Будут использованы насколько только будут полезны»).

4) Для того, чтобы поощрить крестьян к такой работе, следует им назначить суточные деньги, что же касается до лесников, полицейских и нижних чинов то для особо энэрг-

гичных и выдающихся следует назначить особые денежные награды.

(Пометка Гондатти: «Даны указания»).

5) Выселение китайцев из тайги должно быть произведено по районно начиная с первого.

(Пометка Гондатти: «Даны указания»).

6) Китайцы должны быть доставлены в определенные пункты, где их должны ждать пароходы с запасом продовольствия для отвоза на родину.

(Пометка Гондатти: «Должны быть отправлены в Китай»).

7) Все документы добывшие во время этих экспедиций должны быть доставлены в гор. Хабаровск для перевода их на русский язык, для приобщения к делу.

(Пометка Гондатти: «Все должно быть отправлено в Канцелярию Ген. Губ»).

8) Необходимы печати для составления актов и машины для пломбирования конфискованной пушнины, пантов и жень-шена.

(Пометка Гондатти: «Печать будет у Пристава»).

9) Ловушки и Лудевы должны быть разрушаемы и орудия хищнического лова зверей – конфискованы.

(Пометка Гондатти: «Безусловно»).

10) Пустые фанзы, никому не принадлежащие, как притоны хунхузов должны быть сжигаемы.

(Пометка Гондатти: «Конечно»).

...

11) Такие выселения должны производиться ежегодно подряд в течении 3-х лет, так как одно выселение не достигнет цели.

(Пометка Гондатти: «Сколько понадобится»).

...

Штабс-Капитан Арсеньев» [50].

В рапорте имеется смета расходов; к документу приложена карта, охватывающая территорию от Владивостока до Николаевска и от Амура до побережья Японского моря – на ней обозначены направления рейдов по рекам и маршруты прибрежных пароходных рейсов с пунктами захода.

Отметим, что практически все пометки генерал-губернатора одобрительны; более того, упоминаемое в первом пункте совещание «из сведущих лиц, лесничих, юриста, для выработки строго определенной инструкции» к этому числу уже состоялось. Видимо, были заранее определены основные цели и задачи предстоящего похода по выселению китайцев и решён вопрос о его финансировании. 10 июня 1911 года В.К. Арсеньев подал Н.Л. Гондатти ещё один доклад под грифом «Секретно», с приложением более подробной сметы в двух вариантах: с воинской командой и при условии использования местных охотников.

17 июня 1911 года В.К. Арсеньев получил на руки секретное письменное предписание от генерал-губернатора, в котором было сформулировано особое задание: во главе вооружённого отряда отправиться в Иманский и Никольск-Уссурийский уезды, в Ольгинский и Заольгинский станицы, «для выяснения условий проживания там китайцев и для принятия соответствующих мер к аресту и выселению не имеющих там права жительства» [50]. Кроме того, было выдано и открытое предписание для предъявления на местах, в котором нет упоминания ни о вооружённом отряде, ни об арестах и выселении китайцев. Тем же числом, 17 июня, Н.Л. Гондатти утвердил большую по объёму секретную инструкцию. Ограничимся цитированием лишь первого пункта, состоящего из 9 подпунктов.

«По прибытии на место (в ожидании захода парохода на обратном пути) собрать самые обстоятельные сведения о китайцах по следующей программе:

«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА

- I. Хунхузы, район их деятельности, численность.
- II. Кто из китайцев дает у себя приют хунхузам и бездомным бродягам.
- III. Где есть опиекурильни и игорные притоны.
- IV. Элемент наиболее беспокойный, подозрительный.
- V. У кого и какое есть оружие.
- VI. Выяснить личные отношения между русскими, китаяцами и инородцами.
- VII. Предметы занятий и промыслы.
- VIII. Эксплоатация инородцев.
- IX. Организовать тайную агентуру с денежным вознаграждением» [50].

Инструкцией, в которой всего 38 пунктов, предусматривался арест «наиболее вредного элемента» из китайцев и представителей власти китайской нелегальной организации; при получения сведений о близком нахождении хунхузов следовало заниматься их розыском; «от всех китайцев без исключения» было необходимо отобрать оружие и отправить его во Владивосток; пустые фанзы, особенно находящиеся вдали от селений, требовалось сжигать как потенциальные притоны хунхузов. В то же время арестованным китайцам не следовало «препятствовать устроить свои дела с фанзой и с имуществом»; стариков, «если они не являются агитаторами среди бродяг и хунхузов», оставить на месте; тяжело больных людей не арестовывать, однако взять подписку о том, что они сами уедут после выздоровления; курильщиков опия не лишать наркотика, а позволить взять с собой в дорогу необходимое количество его. Обыск в фанзах должен был производить пристав, ему же поручалось арестовывать китайцев; найденные меха, панты и жень-шень требовалось отбирать, опечатывать и при актах с подписями свидетелей отправлять во Владивосток, военному губернатору Приморской области.

Членам отряда запрещалось ходить по китайским фанзам в одиночку; все акты и расписки должны быть составлены полицейским приставом и подписаны начальником экспедиции и двумя понятыми.

То есть, судя по особой тщательности составления документа, были приняты все превентивные меры для того, чтобы избежать ненужных волнений китайцев и возможных обвинений в некоей жестокости при проведении столь деликатной операции. Заметим, что в инструкцию вошли многие предварительные предложения В.К. Арсеньева, изложенные им в докладных на имя генерал-губернатора.

Через несколько дней В.К. Арсеньев подал (опять же лично генерал-губернатору) ещё один документ под грифом «Секретно» – на этот раз окончательный вариант сметы, в котором был предусмотрен и такой пункт, как «разведка и тайная агентура» (там же). 20 июня 1911 года Н.Л. Гондатти утвердил его; в тот же день В.К. Арсеньев поездом выехал из Хабаровска во Владивосток. В состав его экспедиции были включены переводчик канцелярии генерал-губернатора А.А. Шильников, пристав Заольгинского стана К.И. Михайлов, ботаник Н.А. Десулави, три помощника-студента, 13 нижних чинов полицейской и лесной стражи, а также проводник-удэгеец Сале. Всего 20 человек – не считая тех, кто находился на местах.

24 июня 1911 года В.К. Арсеньев отправил морем из Владивостока на север студента Бутлерова и Десулави: первого с припасами, второго для сбора коллекций. Сам он отбыл из Владивостока на борту парохода «Трувор» 5 июля, и в середине июля 1911 года все члены экспедиции собрались в устье реки Нахтоху (Кабанья) в современном Тернейском районе Приморского края. От этого места предстояло обследовать побережье Японского моря, двигаясь на юг до залива Св. Оль-

«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА

ги и тщательно проверяя все реки от устьев до верховий. Если учесть бездорожье, отсутствие переправ через реки, вспомнить, что в июле-августе стоит жара, духота, идут дожди, до-нимает гнус – условия продвижения были весьма сложными. Тем не менее реки до Кусуна включительно были обследованы в срок до 4 августа.

Что касается именно Кусуна – крупной реки, называемой позже Кхуцин, а теперь Максимовка – то имеется секретный машинописный доклад В.К. Арсеньева военному губернатору Приморской области генерал-майору М.М. Манакину № 59 от 4 августа 1911 года. Приводим его в сокращении, что тем не менее позволяет представить обстановку и условия, в которых действовал отряд.

«... Доношу Вашему Превосходительству, что 15 Июня (следует читать «июля» – И.Е.) вместе с приставом Михайловым я высадился на р. Нахтоху. Отсюда мы двинулись к югу, попутно осматривая все большие и малые реки, подымаясь вверх к истокам до тех пор, пока попадались следы жилья. Таким образом мы осмотрели р.р. Нахтоху, Холонку, Сунерх, Каңчжу, Кумуху, Тахобэ, Кусун и Соен. Здесь мы сожгли четыре фанзы, пятую отдали на хранение старообрядцам, отобрали две лодки, арестовали 25 китайцев и 13 корейцев, уничтожили около 3-х тысяч снастей на соболя и разрушили значительное число ловушек и загородей.

Я нарочно начал работы от мыса Гиляк (крайний пункт куда проникли китайцы соболевщики) с намерением идти к югу чтобы осенью около залива Св. Ольги можно было, не опасаясь холодов, идти в горы к Сихотэ-Алинию. Поэтому чем южнее, тем больше будет китайцев... В северном районе по долинам рек указанных выше, мы выбрали всех китайцев, оставили только пять человек глубоких стариков и одного больного.

На реке Кусуне пришлось подыматься далеко в горы, без дорог, целиною. Китайцы бежали. Преследование их длилось четверо суток. Беглецов удалось настигнуть и разыскать, благодаря исключительно помощи со стороны орочей. Китайцы пробирались по воде, шли по гальке, по лежащим на земле буреломным деревьям, прыгали с круч в низины и вообще употребляли все усилия, чтобы скрыть свои следы. Орохи с реки Кусуна (Сунцай, Чонси и Логада), как ищёйки выискивали их следы и наконец поймали около реки в болоте. Арестованные китайцы поклялись рассчитаться с орочами, как только их выпустят на свободу. Они глубоко убеждены, что вернутся назад на р. Кусун. Орохи начинают верить им и отказываются помогать в дальнейшей работе. Страх орочей вполне понятен и угроза китайцев не есть пустой звук. Если арестованные мною и приставом Михайловым китайцы будут снабжены билетами и выпущены на свободу – все три ороча, которых я назвал выше, погибли. На р. Кусуне среди инородцев еще живо воспоминание о том, как два китайца перебили семь человек и ушли через Сихот-Алинь на Бикин...» [50].

8 сентября 1911 года В.К. Арсеньев отправил рукописный рапорт № 70 Приамурскому генерал-губернатору о дальнейших экспедиционных событиях; приводим его также с небольшими сокращениями.

«...Доношу Вашему Высокопревосходительству, что 23-го Августа я выступил вверх по реке Великой Кэме на поиски китайцев, бежавших от моего преследования... Оповещенные китайцы и корейцы бегут в горы, унося с собою посильные запасы продовольствия. Поэтому мне приходится вместе с чинами лесной и полицейской стражи идти в глубь страны за хребет Сихотэ-Алинь и там ловить безбилетных хищников. Так было и на реке Великой Кэме (Кема в Тернейском районе Приморского края – И.Е.).

23-го числа я выступил от моря. Палатки, топоры, оружие и двухнедельный запас продовольствия мы несли на себе в котомках. Поднявшись вверх по реке верст шестьдесят, мы свернули на р. Такунчи (возможно, Порожистая – И.Е.) влево ... и прошли её до самых истоков у хребта Сихотэ-Алиня, перевалили водораздел и вышли на реку Арму в бассейн Имана (Большая Уссурка – И.Е.). В общем от моря мы углубились внутрь страны на сто пятьдесят верст. Пришлось руководствоваться тропками людей, то зверовыми дорогами, то идти целиною. Опорными пунктами и указателями путей мне служили следы оставленные беглецами китайцами. Иногда эти следы мы теряли, тогда стояли на месте и искали их во все стороны в разных направлениях... Труды наши не пропали даром: здесь мы настигли беглецов и арестовали их. Они разбились на маленькие группы по два и по три человека и занялись приготовлением ловушек и снастей для ловли соболя, кабарги и белки. Китайцы были убеждены, что мы никак не пойдем так далеко и без дорог никак их не розыщем. Надо было видеть их удивление. Здесь в самой глухой тайге, вдали от какого бы то ни было жилья, в стороне от дорог и троп у них всюду построены фанзочки (зверовые) и завезены большие запасы продовольствия... В прошлом году одна только фанзочка добыла 32 соболя, 102 головы кабарги и 422 белки. На реке Такэме, в бассейне Такунчи и на Арму мною сожжено 26 зверовых фанз. Девять из них были с запасами продовольствия, уничтожено 4824 соболиных ловушки (их надо считать десятками тысяч). За неимением времени ломать их, все встречающиеся нам на пути и находящиеся в стороне – было невозможно. Сожжено 6552 снасти для ловли соболя и 489 веревочных петель для ловли кабарги. Что же касается до деревянных заготовок для всякого рода хищнической ловли зверей ..., то эти последние вследствие их огромного количества

сжигались нами вместе с фанзами без счета. Продовольствие какое могли взять сами китайцы, оставшееся за дальностью расстояния было сожжено тоже. В каждой фанзе было приблизительно 2-3 пуда муки и 3-4 пуда чумизы. Задержанные в горах китайцы все мною были арестованы как хищники и соболевщики...

В этих же зверовых фанзах найдено было при обыске 12 железных капканов для ловли выдр. Эти капканы донесены до моря и сданы старосте деревни Великая Кэма на хранение под расписку... К морю обратно мы возвратились 8 Сентября с.г., пробыв в горах таким образом 17 суток. Если-бы я не имел бы задачей обследование побережья и если-бы у моря не было бы моего имущества и людей, окрауливающих арестованных ранее, я пошел бы вниз по течению Арму к Иману, уничтожая на пути китайские и корейские зверовые фанзы. С тем количеством людей, которые были со мною на р. Арму арестовывать и собирать много китайцев хотя бы и безоружных – довольно рискованно. На их глазах горят фанзы, тосятся топоры, ножи, отбирается оружие, ломаются ловушки и сжигается продовольствие и снасти для ловли соболя, белки и выдры. Китайцы были сильно возбуждены.

Мы усилили за ними надзор и не расставались с оружием. Из 13 человек лесной и полицейской стражи ... со мной осталось только шесть человек. Ночами мы (в том числе и я сам) стояли по двое – караулили арестованных и оберегали спящих. При таком малом количестве людей ходить по тайге, таскать за собой толпу арестованных китайцев и набирать их еще более – стало рискованным и потому я вернулся к морю. Однажды мы заметили что китайцы всё время о чем то сговариваются, шепчутся между собою. Оказалось что они сговаривались совершить побег и действительно бросились бежать, но стрельба по беглецам остановила их. Стреляли

нарочно мимо. Тем не менее пятерым удалось скрыться (три китайца и два корейца). Никто ранен не был... В отряде все люди здоровы и, вообще, всё обстоит благополучно.

Начальник Экспедиции Штабс Капитан Арсеньев» [50].

О ходе экспедиции В.К. Арсеньев докладывал рапортами на имя генерал-губернатора из залива Святой Ольги, бухт Джигит и Пластун, с рек Самарги, Соён, Такэма, Санхобэ (названия прежние; все пункты – современный Тернейский район Приморья). Они сохранились в РГИА ДВ и снабжены цветными схемами местности, выполненными рукой В.К. Арсеньева. Порой его доклады принимали форму обширных многостраничных отчётов, в которых не только сообщались собранные оперативные сведения, но и высказывались обобщения, формулировались теоретические выводы и практические предложения на будущее. Впоследствии многие фрагменты этих докладов вошли в печатные работы В.К. Арсеньева – «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (1912 год), «Вымирание инородцев Амурского края» (1914 год) и «Китайцы в Уссурийском крае» (1914 год).

Как и планировал В.К. Арсеньев, работа экспедиции продолжалась вплоть до выпадения снега, хотя первоначальные намерения приходилось корректировать в зависимости от меняющихся обстоятельств. Например, 20 августа, попав в густой туман, на камнях около залива Святой Ольги разбился пароход «Трувор», и некоторые грузы не дошли до экспедиции; сам В.К. Арсеньев в конце экспедиции не мог совершать продолжительные походы по тайге из-за больной ноги и потому сосредоточился на районе Терней – Пластун – Джигит.

Последним из написанных непосредственно в экспедиции рапортов стал отправленный из залива Джигит 1 ноября 1911 года; вот его сокращённое содержание.

«Доношу Вашему Высокопревосходительству, что в текущем году я дошел до Зал. Джигит и здесь закончил свою работу... За эти три месяца с половиной мною в глубине страны, вдали от моря, в стороне от дорог, сожжено 58 фанз с запасами продовольствия. Арестовывались только те китайцы и корейцы, которые были задержаны в этих фанзах и те, которые бежали в горы, скрываясь от преследования отряда. Таких беглецов арестовано 136 человек.

В общем я полагаю, что всё-же мне удалось удалить из прибрежного района не более 40% китайского и корейского населения. В одной фанзе найден был склад оружия (4 винтовки) и 12 фунтов пороха, 18 патронов бердановских и 90 шт. боевых трехлинейных патронов» [50].

Из залива Джигит экспедиция на пароходе добралась до Владивостока, а оттуда поездом прибыла в Хабаровск в 20-х числах ноября 1911 года. Весьма важными представляются научные итоги этого похода. Трудно себе представить, как при такой занятости можно было найти время для каких-либо исследований, но В.К. Арсеньев сумел сделать это. За 3.5 месяца работы он лично составил гербарий из 768 растений охотской флоры, который затем выслал в Петербург, профессору-ботанику И.В. Палибину. Н.А. Десулави собрал более 800 растений и совместно с В.К. Арсеньевым установил границу маньчжурской и охотской флоры – на 25 вёрст севернее мыса Олимпиады. Было собрано много фольклорных материалов, продолжено составление орочского словаря, произведены раскопки старых могил, откуда извлечено 6 скелетов, привезена коллекция религиозных предметов и минералогических образцов. В.К. Арсеньев составил описания всех укреплений, колодцев, валов, дорог и других памятников старины Уссурийского края, снял их планы, нанёс на карту более 20 таких пунктов; раскопал две стоянки времён неолита

«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА

и собрал коллекцию каменных топоров, наконечников стрел, орудий труда, костей, зубов и раковин [56].

После возвращения в Хабаровск В.К. Арсеньев, используя данные только что окончившейся экспедиции, оперативно закончил обширную работу под названием «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901-1911 гг.». Её основное содержание было доведено автором до сведения членов Приамурского отдела ИРГО в докладах 9, 14 и 24 декабря 1911 года под общим названием «Физико-географический очерк Уссурийского края», а в 1912 году она была издана штабом Приамурского военного округа в двух томах с приложением в виде карт. Это была первая столь подробная сводка энциклопедического характера, содержащая практически все известные к тому времени обще-географические сведения о крае (в том числе о его китайском населении). Одновременно В.К. Арсеньев продолжил написание другого обширного труда – «Китайцы в Уссурийском крае», в котором также использовал данные, накопленные в своих экспедициях, включая только что оконченную.

9 января 1912 года Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия В.К. Арсеньев был откомандирован в распоряжение Приамурского генерал-губернатора в качестве чиновника особых поручений «для исполнения поручений по рабочему вопросу», а ещё через две недели получил иное назначение – штаб-офицером для поручений при Переселенческом управлении. 13 января 1912 года В.К. Арсеньев представил генерал-губернатору доклад с маршрутами четырёх различных экспедиций, предусматривающих продолжение борьбы с хунхузами. Н.Л. Гондатти наложил такую резолюцию: «Лично даны Арсеньеву соответствующие указания. В начале весны состоится его отправка по первому маршруту вплоть до начала лета; относительно

других районов поручено выработать общий план действий с Управл. Государственн. Имущ.» [50].

Обстоятельный доклад В.К. Арсеньева по поводу средств и методов борьбы с хунхузами был представлен генерал-губернатору 6 февраля 1912 года, а на следующий день на его первой странице появилась письменная резолюция Н.Л. Гондатти: «Совершенно согласен с высказанными здесь взглядами». Практически арсеньевский документ имел форму и признаки боевой инструкции по противодействию хунхузам; при этом в нём были затронуты не только тактические, но и стратегические аспекты такой борьбы [52].

Данный доклад был настолько продуман В.К. Арсеньевым, что прямые цитаты из него вошли в текст работы «Китайцы в Уссурийском крае», изданной через два года. 7 февраля 1912 года В.К. Арсеньев подал очередной доклад, в котором подробно расписал маршрут новой экспедиции, количество отрядов (два) и людей в них, порядок действий, силы и средства, необходимые для осуществления похода, взаимодействие с судами, планируемые результаты. Он также просил выдать ему открытый лист и инструкцию, аналогичные документам 1911 года, прилагал смету расходов; все эти требования и условия Н.Л. Гондатти утвердил.

Наконец, подписано предписание: «... Предлагаю Вам немедленно отправиться в экспедицию ... 4 апреля 1912 г. Гондатти» [50]. В тот же день, 4 апреля 1912 года, буквально накануне отъезда, В.К. Арсеньев получил бумаги о производстве его в капитаны (в предыдущем звании штабс-капитана он пробыл 7 лет).

6 апреля 1912 года В.К. Арсеньев отбыл из Хабаровска во Владивосток, где уладил оставшиеся дела; затем прибыл к месту сбора экспедиции, в село Кремово (название сохранилось, Михайловский район Приморского края). С 16 по 21 апреля

других районов поручено выработать общий план действий с Управл. Государственн. Имущ.» [50].

Обстоятельный доклад В.К. Арсеньева по поводу средств и методов борьбы с хунхузами был представлен генерал-губернатору 6 февраля 1912 года, а на следующий день на его первой странице появилась письменная резолюция Н.Л. Гондатти: «Совершенно согласен с высказанными здесь взглядами». Практически арсеньевский документ имел форму и признаки боевой инструкции по противодействию хунхузам; при этом в нём были затронуты не только тактические, но и стратегические аспекты такой борьбы [52].

Данный доклад был настолько продуман В.К. Арсеньевым, что прямые цитаты из него вошли в текст работы «Китайцы в Уссурийском крае», изданной через два года. 7 февраля 1912 года В.К. Арсеньев подал очередной доклад, в котором подробно расписал маршрут новой экспедиции, количество отрядов (два) и людей в них, порядок действий, силы и средства, необходимые для осуществления похода, взаимодействие с судами, планируемые результаты. Он также просил выдать ему открытый лист и инструкцию, аналогичные документам 1911 года, прилагал смету расходов; все эти требования и условия Н.Л. Гондатти утвердил.

Наконец, подписано предписание: «... Предлагаю Вам немедленно отправиться в экспедицию ... 4 апреля 1912 г. Гондатти» [50]. В тот же день, 4 апреля 1912 года, буквально накануне отъезда, В.К. Арсеньев получил бумаги о производстве его в капитаны (в предыдущем звании штабс-капитана он пробыл 7 лет).

6 апреля 1912 года В.К. Арсеньев отбыл из Хабаровска во Владивосток, где уладил оставшиеся дела; затем прибыл к месту сбора экспедиции, в село Кремово (название сохранилось, Михайловский район Приморского края). С 16 по 21 апреля

1912 года личный состав находился в Кремово, завершая приготовления к походу, а сам В.К. Арсеньев исследовал ближние окрестности, в том числе и в археологическом отношении. В его основной отряд вошли: переводчик А.А. Шильников, Н.М. Ощепков, в качестве препараторов – студент Н.М. Усов и младший брат В.К. Арсеньева, Александр. Он в 1911 году окончил Межевой институт в Москве и в марте 1912 года вместе с В.К. Арсеньевым приехал на Дальний Восток, где потом работал топографом.

К сожалению, документов, отражающих ход экспедиции 1912 года, найдено сравнительно мало. Но в отличие от 1911 года сохранился арсеньевский полевой дневник, записи в котором охватывают небольшой период с 20 декабря 1912 года до 15 января 1913-го [17]. Отдельные сведения о заключительном этапе экспедиции можно извлечь из секретного доклада военного губернатора Приморской области Приамурскому генерал-губернатору от 21 марта 1913 года [52]. Если суммировать все эти сведения (что впервые сделала А.И. Тарасова в работе 1985 года издания), то общий ход экспедиции 1912 года представляется следующим.

22 апреля 1912 года экспедиция стартовала из села Кремово. Обоз пошёл к деревне Лефинка (теперь Горбатка, Михайловский район Приморского края) по дороге через деревню Осиновку (название сохранилось, также Михайловский район). Остальные члены основного отряда во главе с В.К. Арсеньевым отправились пешим порядком напрямик к реке Лефу (Илистая), затем свернули на почтовый тракт и 30 апреля прибыли в урочище Анучино (теперь селение Анучино, центр Анучинского района Приморского края). Из Анучино по реке Даубихэ (Арсеньевка) дошли до села Семёновка (теперь г. Арсеньев Приморского края). Всю первую половину мая 1912 года отряд В.К. Арсеньева провёл в районе Семёновки,

в том числе базируясь в 12–14 верстах от неё на так называемой Первой Поляне (название не идентифицировано), а также обследовал ближние окрестности.

В июне 1912 года через село Чугуевка (теперь центр Чугуевского района Приморского края) и деревню Антоновка (название сохранилось) по реке Ляо-Квандагоу, притоку Ли-Фудзина (предположительно р. Антоновка), экспедиция таёжными тропами двинулась через Сихотэ-Алинь в Харченкину Падь (теперь Харченкова Падь, приток реки Аввакумовки в Ольгинском районе Приморского края) и далее на р. Аввакумовку. Этот переход длился с 6 по 10 июня 1912 года и полностью нанесён на 15 листах маршрутных съёмок, подлинники которых с указанием ориентиров, азимутов, пройденного пути, направления течения рек и их притоков сохранились в архиве ОИАК [15].

Таким маршрутом экспедиция добралась до залива Святой Ольги на побережье Японского моря (теперь посёлок Ольга, центр Ольгинского района Приморского края). На этом пути отряд В.К. Арсеньева задержал около 800 китайских браконьеров [56], которых в июне в посту Святой Ольги сдали на пароход для отправки во Владивосток. В течение июля месяца 1912 года экспедиционный отряд, следуя вдоль побережья Японского моря, от залива Святой Ольги дошёл до реки Кема (Териейский район Приморья), откуда в августе, опять же пешим ходом, снова спустился к югу – до реки Тетюхе (Рудная в Дальнегорском районе Приморского края). Во время этого рейда было задержано до 200 таёжных браконьеров [56].

На реке Тетюхе экспедиция разделилась на две группы. В.К. Арсеньев с частью людей пошёл по её долине вверх, до истоков, где пробыл почти до конца октября. А.А. Шильников с оставшимися членами экспедиции отправился на обследование долины реки Тадуши (Зеркальная в Кавалеровском районе

Приморского края). В ноябре оба отряда снова встретились в заливе Святой Ольги, откуда во Владивосток были отправлены ещё 250 задержанных китайцев [56]. После 1 декабря 1912 года В.К. Арсеньев отправился в верховья реки Аввакумовки, продвинувшись оттуда на север, в район Тетюхе – Терней – Кема. А.А. Шильников в это время обследовал долину реки Пхусун (она же Пфусунг, теперь Маргаритовка в Ольгинском районе Приморья) и затем пошёл на юг, в долину реки Сучан (Партизанская), где и завершил свой маршрут уже в январе следующего, 1913 года.

Для самого В.К. Арсеньева экспедиция в 1912 году также не закончилась: он с горным инженером С.К. Петровым, восемью нижними чинами и проводником-удэгейцем по имени Сунцай Геонка совершил зимний переход от побережья Японского моря по рекам Кема, Арму и Иман (Большая Уссурка) до железнодорожной станции Иман (теперь Дальнереченск). Документально известно, что 20 декабря 1912 года небольшой отряд В.К. Арсеньева выступил от реки Кема вверх по р. Такунчи (предположительно Порожистая) и перевалил Сихотэ-Алинь 24 декабря. Далее они пошли на лыжах по реке Тунца (название не идентифицировано – И.Е.), 26 декабря достигли реки Арму, продолжая двигаться по её течению вниз, к реке Иман.

Именно на Арму были найдены и уничтожены первые браконьерские фанзы, что позже нашло своё отражение в статье В.К. Арсеньева о соболе: «О размерах хищничества китайских зверопромышленников можно судить из следующего перечня вещей, найденных в четырех зверовых фанзах на р. Арму (приток Имана) в 1912 году после оставления их соболевщиками. Все дорогие меха, панты и жень-шень унесены китайцами. В дуй-фанзах было найдено только то, что охотники, повидимому, считали малоценным: Три винтовки

Приморского края). В ноябре оба отряда снова встретились в заливе Святой Ольги, откуда во Владивосток были отправлены ещё 250 задержанных китайцев [56]. После 1 декабря 1912 года В.К. Арсеньев отправился в верховья реки Аввакумовки, продвинувшись оттуда на север, в район Тетюхе – Терней – Кема. А.А. Шильников в это время обследовал долину реки Пхусун (она же Пфусунг, теперь Маргаритовка в Ольгинском районе Приморья) и затем пошёл на юг, в долину реки Сучан (Партизанская), где и завершил свой маршрут уже в январе следующего, 1913 года.

Для самого В.К. Арсеньева экспедиция в 1912 году также не закончилась: он с горным инженером С.К. Петровым, восемью нижними чинами и проводником-удэгейцем по имени Сунцай Геонка совершил зимний переход от побережья Японского моря по рекам Кема, Арму и Иман (Большая Уссурка) до железнодорожной станции Иман (теперь Дальнереченск). Документально известно, что 20 декабря 1912 года небольшой отряд В.К. Арсеньева выступил от реки Кема вверх по р. Такунчи (предположительно Порожистая) и перевалил Сихотэ-Алинь 24 декабря. Далее они пошли на лыжах по реке Тунца (название не идентифицировано – И.Е.), 26 декабря достигли реки Арму, продолжая двигаться по её течению вниз, к реке Иман.

Именно на Арму были найдены и уничтожены первые браконьерские фанзы, что позже нашло своё отражение в статье В.К. Арсеньева о соболе: «О размерах хищничества китайских зверопромышленников можно судить из следующего перечня вещей, найденных в четырех зверовых фанзах на р. Арму (приток Имана) в 1912 году после оставления их соболевщиками. Все дорогие меха, панты и жень-шень унесены китайцами. В дуй-фанзах было найдено только то, что охотники, повидимому, считали малоценным: Три винтовки

«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА

ного (теперь посёлок Новопокровка, центр Красноармейского района) [17].

В полевом дневнике В.К. Арсеньева, включающем погодные записи с 20 декабря 1912 года по 15 января 1913-го, имеются тщательно зачёркнутые автором отдельные слова и фразы [17]. Насколько можно разобрать остатки текста, удалены выражения типа «Зверовая фанза сожжена», «Её (фанзу) сожгли», «Имущество уничтожено». Также из дневника вырезана половина листа, касающаяся описания селения Сидатун, ранее известного как пристанище хунхузов. Можно предположить, что данные изъятия выполнены В.К. Арсеньевым значительно позже – скорее всего, во второй половине 1920-х годов, когда наступивший этап «дружбы с китайским народом» вовсе не предполагал сожжения китайских фанз – пусть даже и бандитов...

В 20-х числах января арсеньевский отряд прошёл вниз по Иману до Уссурийской железной дороги и поездом прибыл в Хабаровск в конце января 1913 года. Масштабы проведённой антихунхузнической деятельности были впечатляющими: за время экспедиции уничтожены 204 китайские зверовые фанзы, конфисковано оружия – 21 штука, козьих кож – 175, кабарожных – 120, собольих – 8, беличьих – 150, опия – 1 пуд 36 фунтов. Уничтожено ловушек собольих – до 8000 штук, петель – 900, кабарожных – 350, сетей на соболя – 36 больших и 75 малых [50].

Научные результаты экспедиции 1912–1913 годов также значительны. За без малого 10 месяцев В.К. Арсеньев смог, хотя и поверхностно – только по ходу маршрутов – обследовать в археологическом плане Никольск-Уссурийский, Иманский и Ольгинский уезды Приморской области; лично вычертил планы встретившихся ему на побережье Японского моря от Кемы до Тетюхе археологических памятников; около

100 ящиков артефактов каменного века были привезены им в Хабаровский музей [56]. Собранные сведения впоследствии были использованы в работах «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» (1913 год), «Китайцы в Уссурийском крае» (1914 год) и «Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии» (1916 год).

Богатая этнографическая коллекция, собранная лично В.К. Арсеньевым, относилась к быту удэгейцев, тазов, китайцев и корейцев. Часть её он отправил в дар этнографическому отделу Русского музея, часть — Казанскому университету; антропологические сборы были посланы Д.Н. Анучину в музей Московского университета и Б.Ф. Адлеру в Казань; собранные самим В.К. Арсеньевым растения опять поступили в распоряжение профессора И.В. Палибина [56].

После завершения экспедиций 1911–1913 годов, основной целью которых была борьба с шайками хунхузов, В.К. Арсеньев планировал продолжение этих работ. Но в 1913 году он занимался проведением выставки достижений Приамурского края, посвящённой 55-летию города Хабаровск и 300-летию царствования Дома Романовых в России. Выставочный комитет возглавил лично генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти, а заместителем комиссара научного дела был В.К. Арсеньев. Освободившись от этого поручения, в 1914 году он также намеревался заняться антихунхузской деятельностью. В РГИА ДВ имеется доклад подполковника В.К. Арсеньева от 12 февраля 1914 года в адрес Приамурского генерал-губернатора с предложением о проведении очередной экспедиции продолжительностью около пяти месяцев [49]; однако никаких пометок и резолюций на этом документе не имеется.

В следующем, 1915 году В.К. Арсеньев, как недавно выяснилось, снова осуществлял подобную экспедиционную дея-

тельность. Об этом свидетельствует другое дело из РГИА ДВ [51], в котором находятся документы о нападениях хунхузов на селения и борьбе с ними, в основном в районе города Никольска-Уссурийского (теперь Уссурийск), в том числе касающиеся В.К. Арсеньева. Так, 4 сентября 1915 года канцелярия Приамурского генерал-губернатора пересыпает подполковнику Арсеньеву в г. Никольск-Уссурийский 1500 рублей, «отпущенные Вам Главным Начальником Края на расходы по указаниям Его Высокопревосходительства». 9 сентября 1915 года Уссурийский казачий дивизион (с. Раздольное) отправляет в распоряжение подполковника Арсеньева 20 человек с указанием звания, имени, фамилии и срока службы из станиц Бикинской, Полтавской, Гродековской, Платоново-Александровской, Донской и Гленовской [51].

14 октября 1915 года из Уссурийского казачьего дивизиона поступает письмо на имя подполковника Арсеньева, адресованное в г. Хабаровск, в Гродековский музей, в котором предлагается на подпись кормовая тетрадь на «выданные кормовые деньги казакам, участвовавшим с Вами в экспедиции». Но из других документов выясняется, что этим периодом (9 сентября – 4 октября 1915 года) деятельность В.К. Арсеньева по борьбе с хунхузскими шайками в районе Никольск-Уссурийского не ограничивается.

Так, например, имеются следующие печатные тексты без подписи (предположительно шифротелеграммы от В.К. Арсеньева), адресованные в Хабаровск, генерал-губернатору: «Большая шайка хунхузов напала около Прокопьевки объезд корчемников в четырнадцать человек один стражник ранен прибыл Никольск сообщить Судьба остальных неизвестна Вместе Мельгуновым отрядом 25 казаков выехал к месту происшествия» [51] и «Доношу результат преследования совместно Мельгуновым дошли до границы шайка хунхузов

100 человек имевшая перестрелку корчемниками состояла исключительно корейцев Хунхузов убит один несколько ранено один задержан остальные бежали границу Во время поисков еще убит [пропуск в тексте] ранено два корейца убегавших сопки задержано два оружием три подозрению участия шайке 29 октября казаки имели безрезультатную перестрелку китайскими хунхузами. Подробный доклад посыпало Расход 81 рубль» (там же).

Уточнить дату отправки этих докладов и то, что они исходили от В.К. Арсеньева, позволяет следующий протокол: «1915 года 28 октября. Я нижеподписавшийся Начальник Никольск-Уссурийского уезда Мельгунов, в присутствии Штаб-офицера при Генерал-Губернаторе подполковника Арсеньева, Пристава Суйфунского Стана Пикара и ... составил настоящий протокол в корейской фанзе, находящейся на казенной земле, в пади «Пушиницан», о ниже следующем». Далее в черновике документа [51] подробно описано боестолкновение с корейцами-хунхузами, кратко изложенное в телеграмме. Там же упоминаются «20 казаков 1-й особой сотни Никольска-Уссурийского войска», но приведённые фамилии не встречаются в списке казаков, откомандированных ранее в распоряжение В.К. Арсеньева. Отметим, что это самый конец октября 1915 года, и В.К. Арсеньев по-прежнему находится в окрестностях Никольска-Уссурийского.

Особый интерес представляет черновик, написанный от руки, без даты, частного характера, адресованный Н.Л. Гондатти. Текст имеет большое количество исправлений и дополнений, в конце есть подпись В.К. Арсеньева; скорее всего, это запись под его диктовку. Приводится окончательный (исправлений) вариант текста; неясные фрагменты взяты в квадратные скобки.

«Ваше Высокопревосходительство,
Глубокоуважаемый Николай Львович!

Чем больше нахожусь в Никольске Уссурийском, тем больше я прихожу к выводу, что борьба с дефектами местной полиции не может дать каких-либо устойчивых результатов, так как эти дефекты являются прямым следствием того ненормального положения, в котором вообще находится полиция в нашем Государстве. Основной чертой жизни служителей этой отрасли управления в Никольске являются взаимное недоброжелательство и непрерывные дрязги, клевета, которая на фоне общей нравственной распущенности образует такой клубок, пытаться разматывать который, сознавая безуспешность этого труда, для меня крайне неприятно. Бог с ними!..

Я дорожу своим именем и опасаюсь попасть в какую-нибудь грязную историю, что вполне возможно при наклонности агентов полиции к провокации как оружию самозащиты. Мне передали, что полицейские агенты, узнав, что я имею желание поглубже изучить жизнь местного «Китайского базара», решили во что бы то ни стало создать какую-нибудь историю и впутать в нее меня. Нижеподложенный факт служит прекрасной иллюстрацией серьезных настроений полиции в этом направлении.

У меня работал китаец Ли-тун-сян, о котором я уже имел честь докладывать Вам. Однажды этот Ли-тун-сян был послан мною из Раздольного в Манчжурию, причем, опираясь на данные мне предписания, я выдал Ли-тун-сяну записку, в которой прошу властей не задерживать его в пути. Сам же я отправился с г. Мельгуновым на р. [Нечши-бейца] для преследования хунхузов. В мое отсутствие записка эта попала в руки другого какого-то китайца, совершенно мне неизвестного, который назывался Лин-ко-гю. Этот Лин-ко-

гю совместно с околот. надзирателем №... и казаком Тарасовым в ночь на 29 Октября ограбили одну из лавок на Китайском базаре. Теперь производится дознание на предмет привлечения к ответственности этого околоточного надзирателя. Мой китаец Ли-тун-сян арестован с моего согласия. Благодаря этому случаю мое имя уже и теперь треплется между полицейскими агентами и, конечно, китайским базаром. И еще один факт: приезжал чиновник особых поручений при военном губернаторе [Кн. Меньшиков] и производил негласное расследование, зачем я приехал в гор. Никольск Уссурийский, у кого бываю, где остановился, что говорил, чем занимаюсь и т. п. ...

~~К тому же дело сыска мне совсем не по душе, к нему я совершенно не обнаруживаю способностей — я предпочту помириться с пулгою хунхузом, чем фигурировать в тяжких историях, созданных полицейскими.~~

Вследствие вышеприведенному хотел бы устранить себя от производства всякого рода расследований в районе г. Никольска, т. к. таковые не могут быть продуктивны в создавшихся условиях, а потому и прошу Ваше Высочайшее Превосходительство о командировке кого либо из чинов Вашей канцелярии для этой работы, а в помощь [здесь] этому лицу назначить г. Шильникова, прекрасно осведомленного как о Никольском китайском базаре, так и о методах полиции; он окажет расследованию своим знанием ценную услугу.

Настоящее письмо к Вашему Превосходительству вызвано моим желанием не ввести Вас в заблуждение относительно своей работы, а также и стремлением откровенно изложить те условия, при которых моя работа в Никольске не может принести в той мере положительных результатов, которые можно было бы считать удовлетворительными: здесь придется вести энергичную борьбу с полицией и с хунхузами. К первой я

чувствую себя не подготовленным совершенно, т. к. дело сыска мне совсем не по душе, к нему я не обнаруживаю никаких способностей» [51].

В конце текста почерком В.К. Арсеньева: «пулю получить» и его подпись (автограф).

Таким образом, В.К. Арсеньев в 1915 году лично занимался активной борьбой с хунхузами, в том числе в районе г. Никольска-Уссурийского, и подробно описывал генерал-губернатору обстановку в городской среде, критически относясь к полицейским. По крайней мере два других документа (телеграммы из Хабаровска, адресованные на имя В.К. Арсеньева в Ольгу и Барабаш) позволяют нам сделать вывод, что он в ходе этой деятельности перемещался по Приморской области. На общий масштаб событий указывает и ещё один рукописный документ, исполненный простым карандашом; он адресован В.К. Арсеньеву из села Крыловка (современный Кировский район Приморского края) 21 сентября 1915 года и представляет собой оперативный доклад одного из отрядов. Вот его полный текст.

«Многоуважаемый Владимир Клавдиевич!

Посылая настоящее письмо с нашим проводником Ф. Русским, сообщаю, что в настоящее время я нахожусь в с. Крыловке.

С партией прошел с раз. Кауль через с. Тихменево, монастырь, Уссурийская, Евгеньевка; от Еленовки, мимо д. Преображенки тайгой по р. малой Шитахэ, затем перевалил в р. б. Шитахэ и прибыл в Крыловку 20 числа в 8 ч. вечера. На всем пройденном пути не было замечено даже признаков фунфузов. В настоящее [так в тексте], пользуясь остановкой предполагаю поработать в этом районе до получения от Вас известий с Фролом. В случае надобности Вам навстречу будет послан отряд. С выступлением Вашим из Ното-Кауза по-

Неизвестный Арсеньев

шлите мне известие с Фролом, лучше известить меня о дне выхода раньше, тогда я выйду Вам на встречу. По видимому дело будет, т. к. мною получены сведения о том, что в районе Мариановки и в Улахинских сопках находятся фуифузы. Я сам в данное время совершенно разбился на ноги, но до получения известий от Вас думаю поправиться совершенно. С Фролом пошлите мне рублей 200 денег т. к. на одно снаряжение 38 человек пошло около 400 рублей. Фрола покорнейшая просьба не задерживать, т. к. он мне нужен, да и известия от Вас также очень нужны.

Ваш покорный слуга [Нобозов] (подпись)

21/IX сел. Крыловка» [51].

И ёщё одна телеграмма в Хабаровск в два адреса, написанная почерком В.К. Арсеньева, без даты; судя по особенностям текста, он предназначен для зашифровки; подчёркивание слов – авторское.

«Хабаровск Генгру Вслед Копия Командующему Войсками Воинский Точка Доношу обстоятельная разведка установила существование большой хунхузской организации центром которой является Никольский район и город Точка Дело серьезнее чем это казалось ранее Возможны нападения многих местах Точка Доклад мерах борьбы этими организациями представляю особо Свиягинская шайка является одной из четырех Запятая Она ушла верховья Ного уведя туда заложников Точка Единственный верный план уничтожения этой шайки следующий Маршрут морем Пост Ольгу Тадушу Ного Шитухе Успенка Точка Срок полтора месяца Надо двадцать пеших казаков при одном офицере Расход 2000 рублей Точка Проектированная ранее поездка полторы сотни казаков район Свиягина является теперь совершенно бесполезной Точка Испрашиваю указания Вашего Высокопревосходительства находусь Никольске Уссурийском Подполковник Арсеньев» [51].

«ХУНХУЗИЛДА» АРСЕНЬЕВА

В тексте упоминается обширная территория, включающая современные Спасский, Кировский, Анучинский, Ольгинский, Кавалеровский и Чугуевский районы Приморского края; но была ли осуществлена столь широкомасштабная операция – сведений не имеется. В любом случае точно установлено, что В.К. Арсеньев в 1915 году лично координировал действия нескольких вооружённых отрядов, боровшихся с шайками хунхузов в южной части Приморской области.

ДВЕ ЖЕНЫ – ДВЕ СУДЬБЫ

В первый раз В.К. Арсеньев женился в октябре 1897 года в возрасте 25 лет. В то время он имел звание подпоручика и служил в польском городе Ломжа, недалеко от Варшавы. Избранницей молодого офицера стала знакомая с ним с 10-летнего возраста Анна Константиновна Кадашевич, дочь петербургского колледжского секретаря – она была на 7 лет младше супруга. Обручились они, когда ей было всего 15 лет, а в 17 лет Анна стала офицерской женой. Об этом периоде жизни много подробностей известно из воспоминаний самой А.К. Арсеньевой (Кадашевич). Их съё в 1958 году записал Г.Г. Пермяков, известный краевед и писатель из г. Хабаровска. А.К. Арсеньева умерла в январе 1963 года, Г.Г. Пермяков – в декабре 2005-го; запись бесед была опубликована в шестом номере тихоокеанского альманаха «Рубеж» (Владивосток, 2006 год).

Свадьба прошла в Петербурге и была, по воспоминаниям А.К. Арсеньевой, торжественной: «У меня было 4 шафера, у Володи тоже. Кареты, фата, подвенечный наряд, флёрдоранж, много гостей, почти все военные. Свадьбу провели на квартире отца Арсеньева... Ужин, кортеж длинный, родня, музыка. На другой день после свадьбы мы уехали с Володей в Ломжу... Приехали в полк, нас хорошо приняли, квартира была уже обставлена, офицеры встретили меня с букетами. Я была самой молодой дамой» [9].

Любопытны и её впечатления от жизни в гарнизоне: «Я в Ломже всё время воевала с Володей. Он приносил домой всякую гадость: поставил террариум, там жили жабы ... были ящерицы... Ещё возился он со зверьми – жучки, бабочки, всевозможные насекомые, всех на булавочку, и говорил мне:

– Нуora, посмотри, какая прелесть! Какая красота!

Я же не понимала этой красоты. Ещё он собирал птиц: чучела из них заказывал, гербарий собирал. Много растений знал наизусть» [9].

В мае 1900 года А.К. Арсеньева уехала к родителям в Петербург, 11 июня она родила сына Володю (в семье его обычно звали Волей). Тогда же В.К. Арсеньев был переведён во Владивосток; 17 июня 1900 года он заехал в столицу, а 18 июня отбыл к новому месту назначения. Жена с ребёнком смогли попасть к нему только через год, в мае 1901-го, добирались больше месяца. Когда приехали во Владивосток, Владимир Клавдиевич встретил их на вокзале, взял сына на руки со словами: «Ах, вот ты какой большой! Будем с тобой вместе в тайгу ходить!» (там же). Позже он действительно брал Волю с собой в лес, учил его ориентироваться на местности, ездить верхом, даже стрелять. Поселились Арсеньевы в так называемом «Гнилом углу» (теперь это жилой район города Владивостока), в деревянном домике – две комнаты и кухня, «кругом деревья тайги», по выражению А.К. Арсеньевой.

25 июля 1902 года в семье Арсеньевых во Владивостоке родился сын Олег. В 1904 году, после начала Русско-японской войны, А.К. Арсеньева вместе с детьми поехала в Петербург через Маньчжурию, по Китайской Восточной железной дороге. На Байкале двухлетний Олег простудился, заболел менингитом. В ноябре 1904 года, уже в Петербурге, он умер, был похоронен на Волковом кладбище; у Арсеньевых остался один Воля. Из воспоминаний А.К. Арсеньевой: «Когда Олег умер, Волody сказал: «Не горюй, еще будет ребенок». Но больше детей у нас не было...». Позже, когда В.К. Арсеньев надолго отбывал в очередное путешествие, его супруга брала сына и уезжала на это время к родным в Петербург, так что Воля вырос почти в буквальном смысле в дороге. А.К. Арсеньева вспоминала: «Сколько раз я как жена морского капитана с Волюшкой ехала в Петроград к матери, так как Волody уходил в экспедицию на полгода, год» [9].

В те периоды, когда В.К. Арсеньев бывал дома, он при всей своей занятости находил время для тесного общения с сыном. Ещё из воспоминаний А.К. Арсеньевой: «Арсеньев много времени уделял воспитанию Воли. Каждый вечер, если он был дома, муж закрывался с сыном в спальню или в кабинете и читал ему лекции по краю. Карты, реки, география, растения, животные. Воля хорошо знал географию, в классе был первым. Занимались по расписанию. Даже если были гости, Володя читал час сыну краеведение, извинялся. На уроках прививал Воле любовь к большим людям Дальнего Востока – Беринг, Маак, Шренк, Кропоткин, Комаров, Крашенинников. Особенно выделял Невельского: «Какие земли с царем к России присоединил!» [9].

2 октября 1913 года В.К. Арсеньев составил для сына специальный перечень «заповедей жизни». Этот документ под названием «Вечная памятка для Воли Арсеньева» хранится в Доме-музее В.К. Арсеньева во Владивостоке и состоит из 18 пунктов, в числе которых – своеобразное романтическое дополнение, названное А.К. Арсеньевой «эпитафией». Вот некоторые из них:

«Ничто не имеет такой цены, как настойчивость и терпение: гений медлит, колебляется и утомляется, настойчивость же может быть уверена в достижении цели.

Одно «сегодня» лучше, чем сто «завтра», потому, что «завтра» либо будет, либо нет, а «сегодня» уже существует.

Не жди благоприятной минуты, а создавай ее сам.

Не думай о различных делах, но всегда только об одном, но о нем упорно.

Имей уважение к самому себе и доверие к своим силам, это лучшее средство, чтобы внушить доверие также другим.

Работай или умри – это девиз природы. Если ты перестанешь работать, то умрешь умственно, нравственно и физически.

Привыкай к тщательности и точности. Двадцать дел, на половину сделанных, не стоят одного, доведенного до конца.

Жизнь твоя есть то, что ты из неё делаешь; природа возвращает нам то, что мы ей даем.

Побеждать дурные привычки всегда лучше сегодня, чем завтра.

Не держись устава яко слепой стены, ибо порядки в нем писаны, а времен и случаев нет.

Приводи в исполнение свои решения немедленно. Мысли – только мечты, пока не попытаешься их осуществить.

Ни одного великого дела не совершено нерешительными людьми, стремящимися к обеспеченному успеху.

«Ты мой учитель, мой утешитель и друг – ты мой храм и моя родина – шумящий, шелестящий и тихий лес!» [44].

Что касается последнего абзаца, явно не относящегося к «заповедям жизни», то, по словам супруги, В.К. Арсеньев просил написать эти слова на его могильном памятнике...

Из воспоминаний А.К. Арсеньевой известно, что В.К. Арсеньев начал работать над своими художественными текстами с 1906 года; при этом и она сама, и Воля помогали главе семьи перебелять черновики, делали выписки из книг классиков, а позже Воля даже чертил карты маршрутов. Ещё из впечатлений первой супруги: «Например, книгу «Дерсу Узала» он долго писал, уходил в тайгу, возвращался – и опять за неё, потом в лес – и снова за «Дерсу». Мы с Волей переписали «Дерсу» несколько раз. Перепишем, а он всё перечеркает и разукрасит, и снова переписка» [9].

В последующие годы В.К. Арсеньев приобрёл известность как исследователь Дальнего Востока, опубликовал несколько научных работ и докладов, издал «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901-1911 гг.» (1912) и «Китайцы в Уссурийском крае. Очерк

историко-этнографический» (1914), дослужился до чина подполковника. Жил то в Хабаровске, то во Владивостоке, то в тайге – во время экспедиций; его супруга длительное время проводила в европейской части России. Видимо, все эти обстоятельства не способствовали крепости семейной жизни. Несмотря на достаточно тесные личностные отношения, на стремление А.К. Арсеньевой помогать – по мере возможности – мужу в научной и литературной работе, сказывалась и разница в устремлениях, интересах, даже в обычных житейских вопросах и пристрастиях.

В.К. Арсеньев был хорошо знаком с Николаем Матвеевичем Соловьевым, главным контролёром по строительству Владивостокской крепости; по образованию он был межевым инженером, с 1896 года – действительный член Общества изучения Амурского края, в 1908–1924 годах – председатель ОИАК. Вполне естественно, что во время частых приездов во Владивосток В.К. Арсеньев обратил внимание на одну из дочерей Н.М. Соловьёва – Маргариту, которая была на 20 лет моложе его. Она родилась в Литве, потом училась в Швейцарии, на родине матери, затем на юридическом факультете Высших женских курсов в Петербурге. Видная городская красавица, знавшая несколько иностранных языков, судя по всему, тоже увлеклась известным человеком.

Из воспоминаний А.К. Арсеньевой: «Не могу точно сказать, когда Маргарита покорила моего Володю. Если верить Шуре (младший брат В.К. Арсеньева – И.Е.) ... то любовь между ними началась ещё в 1916 году... Разрыв наш с мужем начался в Хабаровске. Я заметила, что с середины 1918 года Володя частит во Владивосток. Потом переехал туда. «В чем дело?», – спросила я. – «Служба. Там больше зарплаты». И вот в апреле 1919 приезжает оттуда и как мечом по

шее: «Я жениюсь на Маргарите Николаевне Соловьевой». Я с Маргаритой не встречалась, она всегда была за границей, а вот её отца и мать хорошо знала. Соловьев был генерал контроля над крепостью Владивосток. Действительный статский советник, то есть чин 4-го класса. Жена его нерусская, швейцарская француженка, очень смешно с акцентом говорила по-русски, толстая... Слова Володи больно ударили по мне. 22 года вместе, и вдруг разрыв! «Мы не виноваты, – сказал Володя. – Так надо» [9].

Действительно, в конце апреля 1919 года В.К. Арсеньев сообщил жене о намерении развестись с ней. Тогда же он дал супруге следующую расписку (незаверенный документ написан почерком В.К. Арсеньева, с его подписью):

«Г. Владивосток 1919 г. Апреля 25го дня. Я нижеподпісавшийся В.К. Арсеньев даю настоящее обязательство Анне Константиновне Арсеньевой в том, что со дня развода с нею я обязуюсь выдавать ей из получаемого мною оклада 550 (пятьсот пятьдесят рублей) ежемесячно в начале каждого месяца не позже десятого числа в продолжении десяти лет. По окончании образования сыном ся Владимиром или если он по отбытию службы в войсках не пожелает дальше учиться и поступит на государственную или частную службу, содержание ей Анне Константиновне Арсеньевой выдается в половинном размере. В случае выхода ся замуж выдача содержания прекращается. По выходе со службы в отставку, обязуюсь выдавать ей половину получаемой мною пенсии. Все движимое имущество кроме библиотеки и картографических материалов переходит в ее полную собственность. Весь доход с первого издания книги «Дерсу Узала» переходит ей А.К. Арсеньевой. Мои путевые дневники по миновании в них необходимости также переходят к Анне Константиновне Арсеньевой с тем, однако, что после ся смерти они поступают в

библиотеку Приамурского Отдела Русского Географического Общества.

В. Арсеньев /подпись/» [19].

Как можно видеть из текста расписки, расставание супругов произошло вполне цивилизованно, однако сама процедура церковного развода оказалась сложной. Чтобы получить его, В.К. Арсеньев... инсценировал свою измену жене. Всё устроил тот же младший брат Шура, пригласив в номер на окраине Владивостока молодую проститутку и фотографа, который сделал снимок В.К. Арсеньева с ней в постели. Это и послужило формальным поводом для развода. Любопытно, что А.К. Арсеньева позже узнала от Шуры буквально все подробности этой фальсификации и привела их в воспоминаниях, хотя была уверена, что «Володя никогда мне не изменял, он был твёрдый однолюб».

4 июня 1919 года Владивостокский Епархиальный Совет выдал В.К. Арсеньеву удостоверение – А.К. Арсеньева в своих воспоминаниях называет его «разводной грамотой» – о том, что брак расторгнут. Вот полный текст этого документа.

«Владивостокский Епархиальный Совет

Стол 3. 4 Июня 1919 г.

№ 1834/3576 г. Владивосток

Удостоверение.

Дано сие удостоверение от Владивостокского Епархиального Совета за надлежащим подписом и приложением казенной печати Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву в том, что решением Владивостокского Епархиального Начальства, от 27 Мая с/г., вошедшем в законную силу 4 Июня н/ст. 1919 года, брак Владимира Клавдиева Арсеньева – с женой Анной Константиновной Арсеньевой – РАСТОРГНУТЬ, по его прелюбодеянию, с дозволением Анне Арсеньевой, вступить в новый второй брак, если она, Анна

Арсеньева, не преступила еще предельного возраста для сего, с преданием Владимира Арсеньева – за прелюбодеяние, семилетнему церковному покаянию, с сокращением сего срока, в случае искренности раскаяния виновного – до двух лет и с разрешением также и ему, Владимиру Арсеньеву, 46 лет, вступить в новый второй брак, но лишь только по выполнении им спитимии.

Гербовый сбор – уплачен.

Председатель Владивостокского Епархиального Совета (далее от руки) Протодиакон Д. [Шерстеников]

Вр. и. д. Секретаря /подпись/

Делопроизводитель /подпись/» [19].

Копия справки, напечатанной на пишущей машинке, заверена круглой печатью Владивостокской Духовной Консистории.

Срок, отведённый для церковного покаяния, В.К.Арсеньев каким-то образом смог проигнорировать и вскоре женился на Маргарите Николаевне Соловьёвой. Точная дата их свадьбы неизвестна; М.А. Иванова, приморский краевед, известный исследователь биографии В.К. Арсеньева из г. Находка, указывает на 16 июля 1919 года [37]. А.К. Арсеньева, полагаясь на свою память, утверждает: «Была свадьба в мае, чтобы «маяться»; данное утверждение вряд ли соответствует истине, поскольку бракосочетание не могло состояться ранее 4 июня 1919 года. Впрочем, в другом месте тех же воспоминаний она сообщала: «Позднее он дал мне телеграмму: «В такой-то день июня жениюсь». Видимо, венчались они в храме на Первой Речке, ныне не существующем (А.К. Арсеньева говорит о «небольшой деревянной церкви» на Второй Речке, но это очевидная ошибка или её, или записывавшего текст – жилого района Вторая Речка в то время во Владивостоке не существовало).»

26 августа 1920 года у них родилась дочь Наталья.

«Выпись из метрической книги о родившихся за 1920-й год, выданная Причтом Градо-Владивостокского Кафедрального Успенского Собора, по личному требованию В.К.Арсеньева. Марта 11-го дня 1921 г. г. Владивосток. №-75.

Наталья (26 авг.). Гражданин города Владивостока Владимир Клавдиевич Арсеньев и законная жена его Маргарита Николаевна, оба православного вероисповедания. Воспреемники: Гражданин города Владивостока Николай Иванович Чернецкий и гражданка города Владивостока Параскева Захарьевна Соловьева.

Сотворил таинство крещения священник Иуда Приходько с диаконом Петром Поповым» [31].

Проживали Владимир Клавдиевич и Маргарита Николаевна Арсеньевы во Владивостоке; в том же 1920 году туда из Хабаровска перебрались и А.К. Арсеньева (оставившая себе фамилию мужа) с сыном Волей. Следует помнить, что это было смутное и тревожное время Гражданской войны в Приморье, причём власть во Владивостоке, например, менялась не менее 10 раз до 1922 года, пока в крае не утвердились Советы. Надо полагать, что и жизнь в этих условиях была очень нелёгкой...

Забежим немного вперёд; А.К. Арсеньева вспоминала: «В начале 1928 года, месяц не помню, я прочитала во Владивостоке в газете «Красное Знамя» статью о том, что Горький похвалил книгу Володи. Мне было приятно, ведь я тоже кусочек арсеньевских книг. Переносила одиночество, ждала его, переживала за его жизнь, помогала ему с Волей, переписывая рукописи. Через несколько дней после этой статьи Володя был у нас. Воли не было, он учился в университете, на вечернем. Володя сиял: «Как приятно, что в далекой Италии Горький заметил меня и мои труды»... Для утешенья он позднее

перевез меня во Владивосток. Туда я уехала насовсем в 1920 году. Хотя мы развелись, наши отношения не изменились. Володя помогал Воле и мне деньгами, бывал у нас, целовал мне руку, обнимал Волю, хотя Воля на него дулся» [9].

Действительно, во всех книгах о В.К. Арсеньеве сказано, что он продолжал заботиться о первой супруге, помогал сыну, в том числе и материально. Об этом также постоянно вспоминали Анна Константиновна и Воля... Но архивные документы говорят о другом. Вот одно из писем Владимира Клавдиевича сыну, 1924 год.

«Дорогой Воля!

Сегодня был у меня Александр Дмитриевич Иванов. Из переговоров с ним, о моей задолженности ему выяснилось следующее: Долг этот образовался из тех сумм, которые Алекс. Дмитриевич выплачивал Анне Константиновне в разное время начиная с 1918 года. Это он сам тебе подтвердит. Лично для себя я у него никогда ничего не брал.

Алекс. Дмитр. считает, что он выдал Анне Константиновне за время с конца 1918 по 1921 год включительно 990 рубл., из которых 270 рубл. я ему вернул, когда он приезжал в Хабаровск. Итого по его подсчету за мной числится 720 рублей, а по моим подсчетам я должен 540 рубл. Это с помощью писем и старых подсчетов мы постараемся выяснить. Я начну погашать этот долг Алекс. Дмитр. Иванову как только он представит мне расписку от Анны Константиновны в получении этих денег от него. Вследствие этого передай Анне Константиновне чтобы она выдала Александру Дмитриевичу расписку в получении денег от него, дабы я мог приступить к погашению суммы взятой ею у него. Что же касается ее угроз в письме присланном мне с Алекс. Дмитр., то передай, что никаких угроз ее я не боюсь и что пока я не расплачусь с А.Д. Ивановым за ее долги, она от меня ничего не получит.

Тебе уже 24 года и тебе надо самому позаботиться о матери. Если Вам не хватает одного твоего жалованья, я готов помочь тебе подысканием побочного заработка. Если же ты будешь продолжать свое образование в Университете, то я по мере возможности материально поддержу тебя. Поверь, что лично против тебя я ничего не имею и не хочу прерывать с тобой связи.

Твой В. Арсеньев.

8 VIII 1924 г.

Г. Владивосток» [26].

Примерно в то же время А.К. Арсеньева решила уладить финансовые разногласия с бывшим супругом обращением к правосудию. В архиве ОИАК сохранился текст, выполненный рукой В.К. Арсеньева, который, очевидно, является переписанной с оригинала копией искового заявления, поданного А.К. Арсеньевой в уже советский народный суд.

«Бывший мой муж Владимир Клавдиевич Арсеньев согласно данной им подписки от 25 Апреля 1919 года обязался выдавать мне после нашего развода половину получаемого им содержания. С момента выдачи им означенного обязательства до 1го Мая 1924 года он выплату по своей подписке мне производил аккуратно, причем последнее время размер выдач нами определен в 45 руб. золотом. Начиная с 1го Мая сего года он, ответчик, прекратил совершенно мне выплату денег на существование. На основание изложенного прошу Народный Суд поставить решение, которым взыскать с ответчика В.К. Арсеньева в мою пользу по 45 руб. золотом ежемесячно, начиная с 1го Мая 1924 г. и возложить на ответчика судебные и за ведение дела издержки. Прошение доверяю подать А.Ф. Попко.

14го Октября 1924 г. Г. Владивосток. Подпись» [19].

Следовательно, бывшей супруге всё-таки пришлось прибегнуть к помощи суда в этом деликатном вопросе. Разумеет-

ся, свои аргументы были и у В.К. Арсеньева. Многие из них изложены в рукописных набросках, сделанных к судебному заседанию и хранящихся в том же деле в архиве ОИАК. Судя по повестке, выписанной В.К. Арсеньеву на 27 октября 1924 года «в качестве ответчика по иску А.К. Арсеньевой к Вам об алиментах», суд состоялся, и его решение было не в пользу бывшей супруги. Но А.К. Арсеньева не согласилась с вердиктом и снова обратилась в суд; его постановление сохранилось.

«Приговор. Именем Р.С.Ф.С.Р.

1925 года, января 7-го дня, Народный Суд 2-го участка гор. Владивостока, в открытом судебном заседании, в составе ..., слушал: гражданское дело по иску Аины Константиновны Арсеньевой к Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву об алиментах и принимая во внимание объяснение сторон, представленные по делу документы и приобщенные к делу уже разрешенное дело за № 1210 по иску той же Арсеньевой к тому же ответчику, Суд находит иск об алиментах в том и другом деле обосновывается различно, в данном деле истница указывает на неспособность к труду, в разрешенном же деле она обосновывалась на подпись ответчика. В данном деле истцей представлено удостоверение частного врача об ее болезни, каковое удостоверение не может иметь доказательной силы, сама же истница проживает на иждивении своего сына и по делу не представила никаких доказательств своей нетрудоспособности, дающей право на получение от другого супруга содержания, почему исковые требования Арсеньевой по делу следует признать недоказанными в своем основании, руководствуясь 118, 176 ст. УПК, ОПРЕДЕЛЯЕТ: в иске Аине Константиновне Арсеньевой к Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву об алиментах по бездоказательности отказать. Срок и порядок обжалования объявлен» (там же).

19 февраля 1925 года и Приморский Губернский Суд кассационную жалобу Арсеньевой оставил «без последствий» (там же).

Обратимся к жизни новой семьи В.К. Арсеньева. Несмотря на значительную разницу в возрасте между Владимиром Клавдиевичем и Маргаритой Николаевной, многие отмечали родство их душ, общность интересов и устремлений. Новая жена сразу же занялась делами супруга, в том числе и финансовыми, перепиской с заграницей, переговорами с редакциями и литературными агентами, даже вычиткой и правкой его текстов. Позже выяснилось, что именно энергичными стараниями Маргариты Николаевны работы В.К. Арсеньева были изданы в Германии (в переводе на немецкий язык), планировались к выходу в США. И только после этого его художественными произведениями заинтересовались в России. 1920-е годы вполне могут считаться самыми продуктивными в жизни исследователя. Он вполне «вписался» в советскую действительность, продолжая трудиться на пользу Родине, по-прежнему много времени проводя в экспедициях.

Считается, что В.К. Арсеньев начал работать над своими научно-популярными произведениями с 1906 года (судя по уже приведенным воспоминаниям А.К. Арсеньевой). Но только в 1920 году в Никольск-Уссурийском (теперь город Уссурийск Приморского края) была издана его первая художественная работа под названием «Амба. – Ли Цун-бин. Рассказы из путешествий по Уссурийскому краю». В 1921 году во Владивостоке вышла его первая крупная прозаическая книга «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную страну Сихотэ-Алинь в 1906 г.». Деньги на это издание, по некоторым сведениям, ему выделил Н.М. Соловьев, отец его второй супруги. В 1923 году тоже во Владивостоке была издана повесть «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году». В 1924 и 1926 годах выходят хорошо иллюстрированные переводы двух его книг в Германии.

Затем издавались другие литературные произведения, и в относительно короткое время В.К. Арсеньев стал довольно популярным писателем (не прерывая своей исследовательской и научной деятельности). Он много работал: в Государственном Дальневосточном университете и в музее во Владивостоке, в управлении рыбными и звериными промыслами, участвовал в переписи населения Дальнего Востока, в составлении пятилетних планов развития края, выступал с научными докладами. Но следует отметить, что у В.К. Арсеньева были и недоброжелатели, и откровенные враги. Так, много неприятностей доставили ему обвинения в «продаже за границу музеиных коллекций» в годы интервенции, неправомерность которых удалось доказать с большим трудом. А вскоре после установления на Дальнем Востоке России власти Советов В.К. Арсеньева стали учить «единственно правильной» марксистской научной методологии.

А.И. Тарасова, известная исследовательница его биографии и творчества, замечала по этому поводу: «Особенно сильным нападкам В.К. Арсеньев подвергался в 1927–1928 гг. со стороны этнографа А.Н. Липского, всячески пытавшегося доказать научную «неконостью» этнографических трудов путешественника. После того как местные раппоповцы-догматики взяли на себя «труд» огульного охвата Арсеньева-писателя, кампания по «развенчиванию» его авторитета приняла характер полного «изничтожения» его трудов. Атмосфера накалилась до такой степени, что В.К. Арсеньев в 1929 г. собирался оставить Дальний Восток, отказался от предложения отметить свой 30-летний юбилей исследовательской деятельности» [56]. Учёного обвиняли в использовании методов «буржуазной» этнографии, в «отставании» от советской действительности, даже в неуважении к коренным народам Дальнего Востока (что уж никак не относилось

к В.К. Арсеньеву). Особенно много подобной критики было высказано по поводу его работ 1926–1928 годов, написанных в соавторстве с Е.И. Титовым: «Население Дальнего Востока как производительный фактор» и «Быт и характер народностей Дальневосточного края».

В июле 1930 года В.К. Арсеньев выехал в низовья Амура с целью инспекции нескольких экспедиционных отрядов, которые вели разведку направлений будущих железных дорог. Там он простудился и, вернувшись во Владивосток, умер от сердечного приступа 4 сентября 1930 года, в возрасте 58 лет... М.Н. Арсеньева осталась с 10-летней Наташей в доме на улице Фёдоровской (позже Производственная, теперь улица Арсеньева, 7б), где семья жила с июня 1929 года. Отойдя от несчастья, она тут же принялась приводить в порядок научное и литературное наследие мужа, хлопотала о выходе его новых книг, вела активную переписку. Но менее чем через год после смерти учёного, в июле 1931 года, в официальной краевой газете «Красное Знамя» появилась большая статья под «говорящим» заголовком «В.К. Арсеньев, как выражитель великодержавного шовинизма» [33].

Упомянув, что «имя В.К. Арсеньева хорошо известно не только в ДВК, но и далеко за пределами его», что учёный «пользовался широкой популярностью» и «ему создана слава глубокого исследователя национальных отношений», автор статьи Г.В. Ефимов, историк-китаевед, впоследствии ставший профессором, задавал вопрос: «Однако, все ли так приемлемо в сочинениях Арсеньева, и действительно ли его произведения являются исследованиями, а не талантливо написанными впечатлениями путешественника?». Используя для разбора с марксистских позиций работу «Китайцы в Уссурийском крае», изданную в 1914 году (то есть 17 лет назад!), Г.В. Ефимов назвал её «книгой о «жел-

той опасности», о задачах русского империализма на Дальнем Востоке».

Далее он продолжал: «Мы хотим разобрать взгляды Арсеньева только по национальному вопросу и показать, что его высказывания в этой области... показывают Арсеньева, как личность, преданную интересам враждебного пролетариата класса, как личность, которая не только не пересмотрела своих взглядов в условиях Советского Союза, но и сумела прощатить их в советские издания, где сидели те самые «святыни коммунисты», о которых в свое время писал Ильич... Жесткую, неумолимую, империалистическую политику проповедывал Арсеньев, – только это, и ничего другое... Ни малейшей попытки, ни малейшего желания овладеть методомialectического материализма у Арсеньева нет... Лицо Арсеньева, лицо верного сторонника российского империализма, достаточно ясно видно» (там же).

В конце обстоятельной статьи был сделан однозначный вывод, для правильного понимания набранный жирным шрифтом: «Мы имеем право квалифицировать взгляды Арсеньева в области национального вопроса, как откровенно шовинистические, идеалистические, уходящие своими корнями в активную пропаганду империалистических идей и защиту интересов русской буржуазии... Нужна полная, неустанная работа по разоблачению чуждой нам идеологии Арсеньева. Только на основе этого мы сумеем с выгодой использовать то действительно ценное, что есть в произведениях Арсеньева. Поменьше либерального примиренчества и сюсюкания, побольше марксистского анализа, товарищи, использующие сочинения Арсеньева для работы по исследованию ДВК» (там же).

Любопытно, что в этой же статье – наряду с рассмотрением научных работ В.К. Арсеньева – была подвергнута критике и книга стихов под названием «Сихотэ-Алин», посвящённая

памяти учёного. Вышедшая в 1931 году небольшая книжка собрала под своей обложкой творения приморских поэтов Всеволода Козловского и Николая Толпегина, писавших о дальневосточной природе. Возмущение Г.В. Ефимова вызвало в основном предисловие профессора А.П. Георгиевского, в котором В.К. Арсеньев был охарактеризован как «яркая и преданная делу рабочего класса личность», а также было сказано, что он «с полнейшей готовностью и исключительной преданностью отдал Советскому союзу и здоровье, и знания, и силы, и жизнь» [39].

23 августа 1931 года в газете «Красное Знамя» под рубрикой «Письма в редакцию» появились отклики на разгромную статью Г.В. Ефимова. Первым было напечатано покаяние поэта Всеволода Козловского, быстро понявшего, что срифмовал политически неверные стихи:

«Тов. Ефимов... квалифицировал факт выпуска владивостокским советом ОПТЭ сборника стихов «Сихотэ-Алинь», посвященного памяти Арсеньева, как грубейшую политическую ошибку, как вылазку классового врага.

В связи с этим, как один из авторов сборника, прошу поместить в газете следующее.

Давая осенью прошлого года свое согласие посвятить сборник памяти Арсеньева, я исходил из личного впечатления от книги «В дебрях Уссурийского края», из того общественного мнения, об Арсеньеве, которое имелось в момент его смерти и из той оценки его работ, как краеведа и художника слова, которую дал М. Горький.

Признаю, что в сборнике дана неверная оценка роли Арсеньева, поэтому сборник по своему объективному значению мог явиться одним из препятствий к развертыванию марксистской критики взглядов Арсеньева. С этой точки зрения квалификация выпуска сборника, как грубой политической

ошибки, вполне верна. Вторую часть оценки, где выпуск сборника рассматривается как «вылазка классового врага», считаю неправильной. Моя ошибка явилась следствием той общей неверной оценки роли Арсеньева, которая имелась в 1930 году.

Кроме того, нужно сказать, что оценка сборника только как «попытки отметить память Арсеньева», не является оценкой содержания самого сборника. К сожалению, до сих пор конкретной и вдумчивой критики произведений, вошедших в сборник, не сделано» [38].

Ещё более самокритичен был профессор А.П. Георгиевский, написавший в том же номере газеты:

«Уважаемый гр. редактор!

Прошу не отказать поместить в «Красном Знамени» следующее письмо.

Ознакомившись по возвращении из командировки со статьей Г. Ефимова... заявляю следующее.

В предисловии к сборнику стихов т. Козловского и Толпегина..., посвященному исследователю и краеведу ДВК В.К. Арсеньеву, я, характеризуя В.К. Арсеньева как «яркую и преданную делу рабочего класса личность», без критического учета тех грубых извращений в вопросе о национальной политике на ДВ, выразителем которых был В.К. Арсеньев, и без отмежевания от этих извращений, допустил крупную политическую ошибку, которую полностью признаю.

Принципы национальной ленинской политики являются единственно правильными, и проведение их в жизнь есть дело каждого специалиста, желающего идти в ногу с пролетариатом и коммунистической партией» (там же).

Думается, из этих заявлений вполне понятна атмосфера, сложившаяся вокруг личности В.К. Арсеньева вскоре после его смерти – по крайней мере, на Дальнем Востоке. Мож-

но было предположить, что только словесными обвинениями дело не закончится, а поскольку самого учёного не было в живых, в порядке вещей было обратить внимание на его супругу. 42-летнюю Маргариту Николаевну, работавшую в Дальгэотресте, арестовали 1 апреля 1934 года и увезли в Хабаровск. Через год у НКВД накопилось 15 томов дела, из которых следовало: «В 1931–34 годы ... были ликвидированы несколько контрреволюционных шпионско-вредительских организаций... По показаниям осужденных по этому делу ... членами контрреволюционной организации, принимавшими активное участие в ее шпионско-вредительской деятельности, являлись и привлекаемые по настоящему делу:

АРСЕНЬЕВА Маргарита Николаевна, жена главы организации В.К. Арсеньева, научная сотрудница Дальгеологического треста...» [41].

Данная организация, по версии следствия, пыталась свергнуть Советскую власть в Дальневосточном крае путём вооружённого восстания и последующей японской интервенции. При этом все улики против М.Н. Арсеньевой заключались в обнаруженному при обыске в её служебном столе списке месторождений полезных ископаемых Дальнего Востока и написанным ею очерком – обзором Райчихинского угольного бассейна. По заключению экспертов, эти документы могли представлять интерес для иностранных разведок... Дело было направлено на рассмотрение в Особое совещание при НКВД СССР, в итоге несколько человек получили по 10 лет, а друг Арсеньева А.Д. Батурина расстрелян. В отношении «жены руководителя», которая твёрдо отрицала все обвинения, в январе 1936 года ограничились постановлением: «Арсеньевой Маргарите Николаевне зачесть в наказание срок предварительного заключения, из-под стражи освободить» [41]; кроме того, было рекомендовано снять её с работы как «антисовет-

ского элемента и политически неблагонадежную» с лишением паспорта.

Уехать из Приморья – возможно, это помогло бы скрыться от дальнейших преследований – Маргарита Николаевна не решилась. Взяв у родственников в Москве дочь Наташу (на всё время следствия её отправлял туда Анатолий Клавдиевич, брат Владимира Клавдиевича, позднее тоже репрессированный), она вернулась во Владивосток. Но... 2 июля 1937 года её снова арестовали; на этот раз следствие шло чуть больше года. Обвинительное заключение гласило: «Арсеньева М.Н. ... с 1923 по 1934 год состояла в приморской шпионской организации. С 1936 года по день ареста являлась участницей троцкистской организации в ДВФАНе (Дальневосточный филиал Академии наук – И.Е.) и занималась шпионской деятельностью» [41].

21 августа 1938 года во Владивостоке состоялось судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, занявшее ровно 10 минут. В протоколе указано, что на вопрос председательствующего подсудимая ответила: «Виновной себя не признает и показания, данные на предварительном следствии, отрицают, участником контрреволюционной организации не была и ложно себя оговорила» [41]. Но это уже ничего не могло изменить – похоже, всё было решено заранее:

«... Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила: Арсеньеву Маргариту Николаевну к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. подлежит немедленному исполнению» (там же).

Судьба 17-летней на этот момент Натальи Владимировны Арсеньевой, конечно, тоже была изломана. Она работала

ла посудницей в столовой, завхозом в роддоме, на почтамте, официанткой во владивостокском ресторане «Челюскин», буфетчицей на пароходах «Ударник» и «Комсомольск» Дальневосточного пароходства. Именно в тот период, в 1938 году, Н.В. Арсеньева частью продала, а частично передала обширный архив своего отца местному отделению Географического общества СССР (переименованного Общества изучения Амурского края), благодаря чему это ценнейшее собрание сохранилось. К сожалению, какого-либо описания поступивших в ОИАК документов не сохранилось или не найдено; о самом факте передачи свидетельствует следующее письмо по этому поводу, отправленное из Общества в адрес Н.В. Арсеньевой, приводимое полностью, с сохранением пунктуации и орфографии.

«Срочно.

1-Мая 4

5-16

10-Сентября 38

АРСЕНЬЕВОЙ Н.В.

Г. Владивосток Федоровская д. № 7 кв. 4

Просмотрев имеющиеся в литературном наследстве книги быв. члена Приморского Географического О-ва, исследователя Д/В Края В.К. Арсеньева, мы установили, что из сохранившегося книжного фонда может быть использовано около 200 книг с общей оценкой их 1100-1150 руб.

Кроме сего Общество может приобрести стилаж и этажерки за 350 руб. т.е. всего на сумму 1500 руб.

Франц. литература, беллетристика и авторские экз. книги «Дерсу-Узала» Вы можете предложить КОГИЗу, или любой библиотеке.

Карты, имеющие специальное назначение, мы передадим в особый фонд, а различные дневники и сводки, как я Вам

уже говорил, нуждаются в обработке. Если что либо из них будет напечатано, то авторский гонорар будет передан Вам, как наследнице.

Ваше согласие и ответ о том, когда мы можем с Вами встретиться и переговорить лично, сообщите немедленно.

Ученый Секретарь О-ва /Краснопеев/
Секретарь /Селиванова/» [22].

Почему имеются выражения «срочно» и «немедленно» – не вполне понятно; возможно, поспешность связана с тем, что, как мы теперь знаем, за 20 дней до этого, 21 августа 1938 года, Маргарита Николаевна была расстреляна. Были об этом осведомлены в ОИАК и знала ли об этом дочь, теперь трудно судить. Но вероятность полной потери арсеньевского архива была очень велика, и это прекрасно понимало руководство Приморского отделения географического общества. 17 ноября 1938 года в краевой газете «Красное Знамя» была напечатана заметка, подтверждавшая состоявшуюся продажу и передачу документов В.К. Арсеньева в архив Географического общества (разумеется, без упоминания его вдовы и дочери).

Наталья Владимировна пыталась вести самостоятельную жизнь: вышла замуж за шофера, который вскоре, задавив человека, получил срок; их новорожденный сын Виктор умер. В 1939 году, в возрасте 19 лет, её осудили на три года «за содержание притона», но затем вроде бы разобрались и освободили. Н.В. Арсеньева снова вышла замуж – за моряка; 26 апреля 1941 года, когда муж находился на переподготовке, – новый арест, теперь уже по более серьёзной статье, за контрреволюционную агитацию. Обвинение гласило: «Будучи враждебно настроена к Советской власти, среди граждан распространяла антисоветские шивенистические анегдоты (так в оригинале – И.Е.) и в извращенной форме расшифровывала СССР» [41]. По словам одной из её подруг, «извращение» звучало

как «смерть Сталина спасёт Россию». Во время суда муж от Н.В. Арсеньевой отказался, и она получила реальный срок: 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Прошение в Верховный Совет СССР об изменении меры наказания осталось без последствий.

Наталья Владимировна отбыла наказание полностью, освободилась в 1951 году. Потом скиталась, судя по отрывочным сведениям, чуть ли не по всей стране; по крайней мере, работала каменщиком в Северной Осетии, жила в Молдавии, где через три года снова попала в заключение на 10 лет – за кражу 5 тысяч рублей из закусочной, где она работала [31]. В 1959 году младший брат В.К. Арсеньева, Александр Клавдиевич, проживавший в Новосибирской области, запрашивал Верховный Суд СССР относительно судьбы Маргариты Николаевны и Натальи Владимировны. Ему пришёл такой ответ:

«На Ваш запрос сообщаю, что дело по обвинению Арсеньевой Маргариты Николаевны, 1892 года рождения, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 27 февраля 1958 года.

Приговор Военной коллегии от 21 января 1938 года и Постановление от 31 января 1936 года в отношении Арсеньевой М.Н. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Арсеньева М.Н. реабилитирована посмертно.

Дочь Арсеньевой М.Н. – Арсеньева Наталья Владимировна – по сведениям, полученным из МВД СССР, была осуждена Нарсудом Окницкого района, Молдавской ССР и 26/XI-1958 г. освобождена из мест заключения. Об избранном ею месте жительства после отбытия наказания Вы можете запросить МВД СССР.

Военной коллегией устанавливается ее местонахождение. Если Вы установите ее адрес, прошу сообщить его в Военную коллегию Верховного Суда СССР.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЕКРЕТАРИАТА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
КАПИТАН ЮСТИЦИИ /подпись/ А. МАРКОВ» [31].

Весной 1960 года Н.В. Арсеньева вернулась во Владивосток, где был похоронен отец, и попыталась получить свою бывшую квартиру в доме на улице Производственной. Однако здесь произошло странное событие – дочери В.К. Арсеньева отказали по явно формальным причинам. Вся неприятная история достаточно подробно была описана известным приморским писателем Г.Г. Халилецким в «Литературной газете», собкором которой он тогда был, в номере от 26 июля 1960 года. Его статья приводится без изъятий.

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ СПРАВКИ

Нужна была справка. Обыкновенная справка с печатью, штампом и подписью. О том, что после смерти известного писателя, исследователя Дальнего Востока, Владимира Клавдиевича Арсеньева за его семьей решением Владивостокского горсовета была закреплена квартира. Вот и все.

Решение такое в самом деле было. Всемирная известность Арсеньева ни у кого не вызывает сомнения. Вот почему дочь писателя – Наталья Владимировна без колебаний обратилась за такой справкой во Владивостокский горсовет: она была убеждена, что ни ее отца, ни его заслуг там не забыли.

И верно: вскоре пришел ответ. Вернее, даже два: справка Приморского Государственного архива с печатью, штампом и подписями и письмо секретаря горисполкома. В справке говорилось, что решение такое в фондах архива имеется, но что в обозначении инициалов Арсеньева обнаруживается иссование: вместо В.К. значится А.К.

Письмо же – оно оказалось коротким – мы приводим полностью:

«19.III-60, № 111.

Направляю Вам архивную справку Приморского Госархива. Другими материалами Владивостокский горисполком не располагает.

Секретарь Владивостокского Горисполкома А. Рассадников».

Я посетил Алексея Кирилловича Рассадникова. Молодой обаятельный человек с приветливой, милой улыбкой неподдельно удивился:

— Вы же сами видите, мы послали справку. Что же еще надо?

— Это не справка — робко возразил я. — Это отписка.

Улыбка погасла.

— Не знаю, не знаю, — сухо произнес Алексей Кириллович. — Справка с полным основанием!..

Совершенно верно: в конце справки приведено это основание. Там так и сказано: «ОСНОВАНИЕ: ф. 85, оп. 1, д. 16, л. 50».

— А что, нельзя было вместо всех этих «ф, оп, д» — написать членораздельно: квартира писателя такого-то и тогда-то действительно была закреплена за его семьей?

— Но ведь инициалы в постановлении не совпадают!

— Ну квартира-то, о которой идет речь, та же самая?

— Та же самая. Производственная, 7, квартира 4. Я и сам помню, что он там жил...

— Ну так в чем же дело?

— А буква! Ведь инициалы-то не совпадают. Это ж документ! Иначе нельзя...

Иначе? Нет, можно иначе. Успокоим совесть Алексея Кирилловича Рассадникова на случай, если она будет тревожить его: дочь писателя Арсеньева уже устроена. В соседнем городе Хабаровске от нее не потребовали вообще никаких справок. Там ее душевно встретили, обласкали, 16 мая она получила хорошую квартиру, местные писатели

помогли ей устроиться на новоселье. А сейчас Хабаровский крайисполком озабочен еще и тем, чтобы построить на станции Корфовской, близ могилы легендарного Дерсу, два хороших просторных дома, где бы поселились родственники Арсеньева: это их давнишняя мечта.

И все это, заметьте, невзирая ни на какие инициалы!» [61].

Действительно, в Государственном архиве Приморского края имеется соответствующий протокол № 27 заседания Президиума Владивостокского Городского Совета Р.К.К. и К.Д. (рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов) от 6 октября 1930 года. Правда, фонд теперь носит название Р-85; подписей в документе не имеется. Цитируем его § 10: «О закреплении квартиры за семьей умершего А.К. АРСЕНЬЕВА. ПОСТАНОВILI: Подтвердить постановление Окрайисполкома о закреплении квартиры за семьей А.К. АРСЕНЬЕВА. Предложить Комтресту оформить настоящее постановление».

Н.В. Арсеньеву, как видим, не обманули – инициалы оказались «не те». То есть простая опечатка (буквы А и В на клавиатуре находятся, как известно, рядом) привела к тому, что Н.В. Арсеньеву лишили возможности вновь поселиться в доме родителей. Вот она, сила бюрократии в действии... Владивосток в этом вопросе оказался вызывающе негостепримен. В отличие от Хабаровска. Итак, Наталья Владимировна наконец-то – в возрасте 40 лет – получила свою квартиру и работу, но жизнь её, конечно, была омрачена пережитым. Правда, Президиум Верховного Суда СССР наконец-то реабилитировал и её. В постановлении от 3 сентября 1960 года было сказано: «Обвинение Арсеньевой основано на показаниях свидетелей и самой Арсеньевой... Между тем показания свидетелей и признание вины Арсеньевой не могли служить основанием для признания ее виновной в проведении контр-

революционной агитации... Дело прекратить за отсутствием состава преступления» [31].

Наталья Владимировна очень переживала, что «официальной» вдовой В.К. Арсеньева считалась его первая супруга, Анна Константиновна, а Воля, сын от первого брака, получал гонорары за книги отца как единственный наследник. Сестре пришлось даже судиться с братом, и в итоге В.В. Арсеньева обязали выплачивать ей 20 процентов от его доходов. После этого отношения Н.В. Арсеньевой со второй семьёй отца окончательно нарушились. Работала она во время проживания в Хабаровске в самых разных организациях на достаточно случайных должностях: каменщиком и нормировщиком на стройке, кондуктором трамвая и автобуса, санитаркой в больнице.

По воспоминаниям тех, кто знал её в хабаровский период жизни, Н.В. Арсеньева злоупотребляла спиртным, постоянно скандализала на работе и дома, в её квартире устраивались выпивки. На неё поступали доносы такого содержания: «По общему совету коллег, считаю долгом предупредить вас о Наташе. Она обещала учиться, забыть прошлое, быть человеком, достойным своего великого отца. К сожалению, Союз писателей имел и имеет из-за нее одни неприятности. Она отвергла всех добрых и приличных знакомых, и вместо этого стала частить по кабакам. Она завела себе женщин непотребного поведения, из которых одна уже посажена, а вторая на грани высылки за проституцию. Она взяла себе в содержанки запойного алкоголика Репку 26 лет, который вот-вот будет удален из Хабаровска. На ее квартире начались систематические коллективные пьянки и прочее. Была коллективная жалоба на нее от жильцов дома...» [55].

В ответ заведующий отделом пропаганды и агитации Хабаровского крайкома КПСС писал: «К сожалению, неудачно

ДВЕ ЖЕНЫ – ДВЕ СУДЬБЫ

сложившаяся жизнь и пребывание в заключении Натальи Владимировны Арсеньевой так ее озлобили, что она рассматривает все хорошее, что дал ей Хабаровск, как получение крох в счет неоплатного долга, в котором пребывает перед ней советское общество. Обследование условий жизни и работы Н.В. Арсеньевой подтвердило хорошие квартирные условия (отдельная секция в благоустроенном и газифицированном доме). Заработка ее в автобусном парке составляет от 60 до 100 рублей в месяц, плюс 18 рублей, получаемых по приговору суда с пенсии брата – В.В. Арсеньева. Было бы хорошо, если бы родственники Н.В. Арсеньевой сумели убедить ее изменить образ жизни, вылечиться от дурных наклонностей, учиться и приобрести квалификацию, к чему прилагает все усилия профсоюзная организация автобусного парка» [55].

Конечно, эмоциональное и даже психическое состояние Н.В. Арсеньевой было неустойчивым, и «усилия профсоюзной организации» тут помочь не могли. Наверное, многое проясняет её письмо Т.А. Фиалко, живущей в Москве двоюродной сестре, от 7 августа 1966 года. Даже по самому тексту видно, насколько волновали Наталью Владимировну и прошлые обиды, и нерадостное настоящее, и отношения с самыми разными людьми, включая литератора Г.Г. Пермякова и брата В.В. Арсеньева, и даже прочитанные книги. Письмо публикуется с значительными сокращениями, в основном касающимися бытовых вопросов.

«Милые дорогие мои тетя Женя и Тамара. С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями к Вам Ваша Наташа. Тамарочка хочу тебе сообщить, милая что я никак к сожалению не могла выполнить твою просьбу о фото. Мне музей сделал портреты с мамы и с меня, а маленькие фото я оставила им. Знаю, что когда-то много фото маминых было в семейном альбоме у Красевых. Наверное в 37 году с перепугу все

уничижили. Надо сказать, что мама очень редко фотографировалась. Считала, что у нее лицо не фотогенично...

... Теперь о себе: работаю попрежнему в автобусном парке кондуктором. С 12 апреля по 5^е мая пролежала в больнице в неврологической, лечили аменизином, дуплексом, током, глюкозой и еще всякими укрепляющими. Из больницы хотела написать, но врач (чудесный человек и психиатр – зав. отделением) меня всё время отговаривала: не надо волноваться, выпишитесь – напишите...

... 5^е числа я была выходная во вторую смену вышла выносить мусор и по лестнице подымается Пермяков – увидел меня, и как в дешевом детективном фильме натянул шляпу до подбородка, голову вниз и крадучись проскочил мимо. Черт его принес к моим соседям Пичугиным из 32 кв. Зачем – не знаю. Очевидно замышляет какую-то пакость, – опять наверно состряпал кляузу и бегает, что бы собрать какие-нибудь подписи или так что-то вынюхивает. Не может успокоиться, что я в квартире, которую он «выхлапотал» – ух сволочь. Пичугины ... оба на пенсии... Спрашивать зачем он шляется у них я не хочу – мы не ходим друг к другу, да и к тому же в тот день т.е. 5^е он не застал их дома. Его отношение ко мне более, чем пристрастное. Он гадина живет на другом конце города а ездит натравливать против меня соседей, и милицию. У меня в конце июля был участковый (новый) – ничего не сказал, но был в 11 часов вечера и я поняла, что он что то или кого то хотел увидеть или проверить, хоть и спрашивал о самых невинных вещах. Когда я этого гада увидела, я так разболтавшись и беда не приходит одна: – Первый раз заработала неприятность по работе: – нагрубила одному черту – а он оказался трестовским (нашего авто-пассажирского треста) работником, записал фамилию – наверно теперь прогрессивки лишат, и у кассы в этот день погрызлась, потому, что я не помню когда я

была такая взвинченая, с 61го года не было у меня такого состояния. Я же не знаю, что этот гад стряпает, с какой стороны меня ужалит. Ведь ничего за мной нет, кроме работы нигде не бываю, у меня по неделям никто не заходит, а самочувствие после визита этого пса, как в 38 году: «помилуй господи не «ворон» ли за мной»... Я до того взбешена появлением этого гада, (ведь это меня выбивает из колеи совершенно) что если еще раз увижу его на лестнице – хвачу калуном – пусть потом судят. Я обалдела, когда увидела его, а так удобно было отгреть его, когда он крался вниз по лестнице... Поверь мне Тамара, что труднее всего оправдываться или доказывать свою невиновность, когда тебя станут обвинять в том, о чем ты ни сном ни духом не знаешь. Прятать следы преступков легче в 10 раз, чем отрицать «нахаловку». Ну ладно, сейчас напишу тебе о книге Дьякова. Знаешь Томочка, «Один день Ивана Денисовича» на меня произвёл более яркое и тяжелое впечатление. Этот «день» описан так точно, так живо, что я будто снова очутилась в зоне. Как живые стоят передо мной «кавто-ранг», псы-надзиратели, степь, проволока, холод, голод, безвыходность и произвол. «Один день» – страшная вещь – по своей правдивости. И еще знаешь что? – Встречала я и таких вот, как Дьяков и ему подобные. Тут не «стойкость» нет, Тамара, – это своего рода были фанатики, среди «жён» (т. е. Ч.С.И.Р.) – «члены семей изменников родины», тоже были такие «дьяковцы». Ох как я их ненавидела! За всё! За то, что они вскачивали и вытягивались в струнку перед «начальниками», за то, что в большинстве случаев были «придурками» т. е., говоря лагерным языком «придурки» – это обслуга: – повара, сторожа, медики, санитары, конторщики. За то, что те кто и был из них на общих работах, то так уж добросовестно, так качественно выполняли любую работу, что я их убить была готова. Какая-то собачья преданность. И потом, Тамара, этим фрук-

там сидеть было легче: и посыпочки они получали и кантовались, а главное у них у всех был свой «Христос», фанатичная вера какая-то, как у баптистов всё равно. Я их в глаза называла тюремными патриотами. У меня и у большинства – этого «Христа» не было и нам тяжелее было поэтому. И эта смесь: рабская покорность, «вылизыванье» любую работу, зная, что сидят ни за что и еще вдобавок «ура» «да здравствует» и с фанатичной верой самым добросовестным образом отбывать незаслуженный срок. Им этим одержимым – легче было. И их меньше было. А основная то масса – это Иваны Денисовичи, кавторанги, я и мне подобные, не успевшие расцвести, терпели произвол и в лагере и после. Эти черти освобождались, даже, после срока в 10-8, лет с радостью, а я с озлоблением. Иду, помню, на пересылку – оглянусь назад и гвоздем в мозгах: – за что? – За что там за проволокой моя молодость осталась? А после срока? ведь загоняли, загоняли обратно в тюрьму. Пустоту создавали – ни прописки, ни работы. 8 лет гудка паровозного не слыхала, а меня только в захолустном селе прописали, да и то травили. Помнишь один (фамилию забыла) из ссылки пишет «жизнерадостное» письмо, что на 450 (старыми) конторщиком работает, живет в проголодь (имея образование высшее и отбыв нахальный срок). Да что это? Отрофирован ум? Собачья покорная радость? Подхалимаж утонченный? или нравственное дегенератство? Этих гусей начальнички в лагерях в пример нам ставили. Да меня на 2⁴ бытовой срок озлобленность и толкнула. Я себя затравленной волчицею чувствовала все 2 года и 8 месяцев после первого срока и жить наконец пришлось по волчьи. Я не забуду склеп на Кишеневском кладбище, товарные платформы – вагоны, вогзалы, где ни за-что ни про что, когда я просила работы, а у меня отбирали подписку, что бы я в 24 часа убралась куда угодно, ибо после 2х таких подписок снова на 2-3 года небо

в крупную клетку. А цементный завод? – Помольное отделение? – туда, видите ли, меня «не опасно было принять. А знала бы ты какой ценой я в эту закусочную попала, из которой, тяпнув выручку, я бежала, на 90 % зная, что меня поймают. И почему я бежала? – Ничего. Я этого никогда не забуду. И никогда не помириюсь с тем, что немецкая переводчица, в прошлом комсомолка, имела только 5 лет сроку, а я за поганые 5.000 (старыми) т. е. за 500 рублей имела 10 лет, не говоря о пре отбытых десяти годах. Ладно! – Словами все равно не выложишь, что в душе. И сейчас находятся сволочи, которые вслух Сталина хвалят, так почему же их не гнут в бараний рог? – Почему не расстреливают?

... Читаю много, иногда перечитываю старое, и впервые читаю лишь для того, чтобы убежать от собственных мыслей. Выбилась из сна, уже 3^й день. Всегда боялась снотворных, а тут меня и нембутал не берет. В больнице поправилась на 7 кг. – поступила 39 – выписалась 46, а сейчас опять похудела. Сшила 3 платья..., а носить – не ношу. Некуда да и лень. Продолжала в больнице анализы – опять лейкоцитоз. Волос снова стал сухой и сыпется, а хна опять исчезла из города... За июнь заработала 117 руб. (чистыми) а в июле села на 60 – машина ломалась и были дни, что вообще не выезжали из-за ремонта. На этом Тамарочка заканчиваю... А что Красевым не пишу, ну Тамара, милая, ну о чем я буду писать им? – Причесаться иногда не хочется, а не то, что строчки выдумывать. Они все жизнь прожили, как у христа за пазухой – о чем нам переписываться? – Мне их интересы безразличны, а о себе не знаешь о чем им писать. На этом до свиданья крепко обнимаю и целую тебя и тетю Женю... Твоя Наташа» [31].

В этом же письме Н.В. Арсеньева высказывает такую невеселую мысль: «... Мне иногда кажется, что черт с ними с пермяковыми и вольками: – мертвые не слышат, а живым ка-

кая прибыль от правды». Но как-то абстрагироваться от недоброжелательного окружения она всё-таки не смогла и в конце концов поменяла жильё в Хабаровске на однокомнатную квартиру в Благовещенске. Надо отметить, что к «выживанию» дочери В.К. Арсеньева из Хабаровска приложили руку и местные журналисты, и краеведы, почему-то писавшие о ней почти исключительно негативно. Её даже судили – по заявлению соседей – товарищеским судом, постановив выселить из квартиры...

В начале 1969 года Н.В. Арсеньева приехала в Благовещенск, где старалась не афишировать своё родство с известным писателем. Но в этом городе ей пришлось прожить недолго – 21 ноября 1970 года она умерла и там же похоронена. Долгое время вокруг жизни Н.В. Арсеньевой в Благовещенске и её смерти нагнетались разного рода домыслы, но теперь мы можем внести в этот вопрос относительную ясность. В октябре 2011 года автор этой книги побывал в Благовещенске и попытался найти людей, знавших Наталью Владимировну, а также её могилу.

В ходе недолгих поисков удалось побывать дома у С.С. Павлюка, бывшего партийного работника, затем начальника управления Амурского УВД, а после выхода на пенсию – начальника музея УВД. В 2011 году Сергею Степановичу, лично знавшему Наталью Владимировну, было 79 лет; в 2012 году он ушёл из жизни. К сожалению, он был болен и не смог показать место захоронения, но счёл возможным ознакомить меня с письменной справкой на Н.В. Арсеньеву, имевшейся в его архиве. Можно полагать, что подлинность этого документа несомненна; наличие у него на руках такой справки С.С. Павлюк объяснил тем, что ему было поручено «присматривать» за дочерью известного человека. Исходило ли это пожелание от УВД, партийных или других органов, выяснить не удалось.

Итак, сведения С.С. Павлюка о трудовой деятельности Н.В. Арсеньевой (после выхода из заключения). С января по июль 1959 года работала каменщиком в строительном Управлении № 3 строительного треста Северо-Осетинского Совнархоза (г. Орджоникидзе). В 1960 году приехала в г. Хабаровск. Работала каменщиком в ремонтных мастерских № 24 Дальневосточного транспортного Управления гражданского воздушного флота (июль 1960 – май 1961 г.), нормировщиком строительного Управления № 2 треста «Хабаровскжилстрой» (май 1961 – апрель 1964 г.), инженером планово-договорного отдела Хабаровского треста «Дальоргтехстрой» (1964 – 1965 г.), кондуктором трамвая в Хабаровском Управлении трамваев (апрель-август 1965 г.), кондуктором автобуса в Хабаровском автобусном парке (октябрь 1965 – декабрь 1967 г.), санитаркой Хабаровской 13-й городской больницы (февраль – сентябрь 1968 г.) [31].

В начале 1969 года Н.В. Арсеньева приехала в г. Благовещенск. С 22 января по 4 июля 1969 года работала санитаркой хирургического отделения 3-й городской больницы, уволилась по собственному желанию. С 4 августа 1969 года по 21 ноября 1970 года – посудница ресторана «Амур». Проживала она по ул. Краснофлотской, дом 153, номер квартиры известен. Причина смерти, как указано в свидетельстве о смерти № 7047 от 24 ноября 1970 г. – алкогольное отравление (по сведениям С.С. Павлюка; в настоящее время в отделе ЗАГСа дать какие-либо сведения отказалось). Н.В. Арсеньева была похоронена на одном из благовещенских городских кладбищ (на 8-м километре) [31].

С.С. Павлюку неоднократно приходилось сталкиваться с Н.В. Арсеньевой; впервые он познакомился с ней зимой 1969 года, когда лежал в 3-м хирургическом отделении городской больницы, где Наталья Владимировна работала санитаркой.

С.С. Павлюк вспоминал: «Она была уборщицей на улице, снег убирала. По характеру это был отзывчивый, доброжелательный, скромный человек. Она никогда и никому не рассказывала о своих родителях; была добрая, все её уважали, но могла посвариться. Она сбежала из ваших краёв, её довели — кто злыми языками, кто за это дело — выпивку... Она была хорошая женщина, но озлобленная. Наталью в городе знали, но она сама не хотела, чтобы её узнавали, тыкали пальцем — мол, дочь Арсеньева. Она говорила: «У меня известный отец», но эту фразу не любила. Знала себе цену, понимала, что не так себя ведёт, поэтому не любила говорить о себе. К такому человеку отношение предвзятое» [31].

Позже, по словам С.С. Павлюка, Н.В. Арсеньева работала в пищеблоке, торговала на улице мороженым (возможно, от ресторана «Амур»). Жила с мальчишкой; он «был похож на девочку, выдавал в этом ресторане продукты, что-то вроде завхоза». Любопытны обстоятельства ухода из жизни Н.В. Арсеньевой, сообщённые С.С. Павлюком: «В день смерти она привела двух кавалеров, пили, грызли семечки. Этот парень, с которым они вместе жили, лёг спать в другой комнате. Когда очнулся — звуков никаких нет, пошёл посмотреть, а она мёртвая» [31]. Конечно, более всего смущает тот точно установленный факт, что данная квартира однокомнатная... Благовещенская газета «Самовар» в № 18 (36) от 30 апреля 1997 года со слов неназванной соседки Н.В. Арсеньевой писала, что этот парень по имени Серёжа якобы в ту ночь не давал ей пить крайне необходимую ввиду болезни воду, что и стало причиной смерти. Он же вроде бы уничтожил архив, документы и фотографии умершей, но сведения эти являются весьма сомнительными.

В том же 2011 году автору по странному совпадению пришлось жить в гостинице «Амур» и прямо на месте убедить-

ся, что бывший ресторан «Амур» – теперь кафе «Фергана», существующее в едином комплексе с гостиницей. Недалеко оказалось и жилой дом – последнее пристанище Н.В. Арсеньевой. А вот могилу дочери Арсеньева в тот раз найти не удалось, и появилось вполне обоснованное мнение, что она утрачена. К сожалению, местные краеведы, сотрудники областных музея и архива также не смогли ничем помочь в поисках. Однако в апреле 2015 года повторные поиски – основываясь на тех же сведениях – привели к успеху. Энергичными усилиями обозревателя отдела социальных проблем и культуры газеты «Амурская правда» В.В. Сияновой и с помощью сотрудников МП «Ритуальные услуги» г. Благовещенска Н.М. Бакаловой и О.В. Коленко захоронение было найдено, причём состояние его оказалось сравнительно хорошим: сохранился и портрет Натальи Владимировны, и табличка на памятнике [31].

В июле 2015 года небольшая группа членов Русского географического общества – Общества изучения Амурского края во главе с председателем ОИАК, профессором П.Ф. Бровко совершила автопробег в Забайкалье, посетив «по пути» Благовещенск. Жителям этого города, помогавшим в розыске могилы Н.В. Арсеньевой, были вручены благодарственные письма от ОИАК. Теперь дело чести Общества изучения Амурского края (да и благовещенцев, наверное?) – достойно обустроить место последнего упокоения Н.В. Арсеньевой...

Вернёмся к первой супруге и сыну В.К. Арсеньева. Воля прямо из стен Хабаровского реального училища в 1919 году был мобилизован в армию (на тот момент – колчаковскую). Затем перешёл на сторону красных, после боёв с японскими войсками попал в плен, потом работал на разных предприятиях города Никольск-Уссурийска. Вместе с матерью переехав

во Владивосток, он в Первом реальном училище для взрослых при Владивостокском народном университете получил аттестат об окончании его. Согласно удостоверению, Владимир Владимирович Арсеньев с 1925 по 1928 годы обучался в Дальневосточном горном институте и выбыл из него с 3-го курса. Поводом для исключения послужила «военная служба отца в царской армии» [37].

С 1921 года В.В. Арсеньев работал в Нарконтроле, в 1923–1925 годах – на Владивостокской лесной заставе, после вынужденного оставления учёбы трудился во Владивостокском лесоустройстве, в 1935 году перешёл работать в лесхоз, в 1937 году – в леспромхоз. В 1939 году Шкотовским лесхозом за успехи в работе был направлен на учёбу в Ленинградскую лесную академию. Но вместо этого В.В. Арсеньеву вместе с родственниками неожиданно, без всяких объяснений было предложено выехать за пределы Дальневосточного края в том же 1939 году [37]. Заметим, что формальных причин для высылки не было – ведь его отца не осудили, хотя, по версии следствия 1934 года, В.К. Арсеньев якобы руководил «шпионско-вредительской организацией». Владимиру Владимировичу было уже 39 лет, к тому времени у него была большая семья: три сына (Юрий, Игорь и Вадим), жена Клавдия Григорьевна и мать Анна Константиновна. Но с органами не поспоришь... Жили на Урале, потом на Алтае, в посёлке Ширпотреб, где В.В. Арсеньев стал работать в лесхозе. С 1941 по 1943 год участвовал в Великой Отечественной войне, получил семь ранений, вернулся домой, то есть на Алтай.

Ещё в ноябре 1956 года Союз писателей СССР приспал извещение: «Уважаемая Анна Константиновна! Сообщаем Вам, что в связи с ходатайством Литературного фонда СССР Вам назначена персональная пенсия союзного значения в

размере 600 руб. пожизненно» [37]. В 1957 году Арсеньевы получили разрешение снова поселиться в пределах Дальневосточного края. В.В. Арсеньев указывал в своей автобиографии: «Крайком ВКП (б) разъяснил мне, что произошла ошибка в моем выселении с ДВК» [45]. Стали жить в Находке; Владимир Владимирович вернулся в этот город с женой, матерью и сыном Игорем. Его старший сын Юрий после службы в армии уехал жить на Украину, работал в шахте, умер в 1972 году. Младший сын Вадим после службы на флоте жил на Украине с Юрием, затем перебрался в Братск, где женился – там живёт его сын Юрий; в Находку переехал в 1963 году [37]. Со временем находкинских Арсеньевых фактически признали единственными наследниками Владимира Клавдиевича.

Анна Константиновна не пыталась уточнять, что она, формально говоря, не является вдовой известного писателя и исследователя, поскольку была с ним в разводе, а он завёл вторую семью. Но... о событиях далёких 1920-х годов старались не говорить, о трагически погибшей Маргарите Николаевне никто не вспоминал, а Наталья Владимировна ещё продолжала отбывать наказание в местах «не столь отдалённых». К Арсеньевым в Находку стали приезжать краеведы и литераторы, пионеры и школьники, корреспонденты, известные люди, различные делегации; Анна Константиновна встречалась с ними, рассказывала о жизни и творчестве Владимира Клавдиевича, показывала сохранившиеся альбомы с фотографиями.

Вот характерная заметка тех лет (без подписи), опубликованная в спецвыпуске «Литературная газета» на Дальнем Востоке» 19 декабря 1959 года.

«В семье певца Дальнего Востока.

В поселке лесхоза, в молодом городе Находка, вырос новый аккуратный домик. Несколько дней назад здесь справи-

ли новоселье Анна Константиновна Арсеньева и Владимир Владимирович Арсеньев – вдова и сын знаменитого исследователя Дальнего Востока, писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева.

В гости к новоселам приехала группа литераторов выездной редакции «Литературной газеты». Сын писателя радушно встречает гостей, приглашает их в теплые уютные комнаты. Навстречу выходит Анна Константиновна.

Гости усаживаются за стол, с интересом рассматривают семейный альбом Арсеньевых. Анна Константиновна медленно листает его, задерживается то на одной, то на другой фотографии, вспоминая свою долгую и такую захватывающе интересную жизнь.

Владимир Владимирович рассказывает о своей работе в находкинском лесном хозяйстве. Этот энергичный пожилой человек унаследовал от отца горячую любовь к родной природе, к родным местам. Ученый-лесовод, он много времени проводит в тайге, пишет очерки и рассказы.

Во время теплой, дружеской беседы гости узнали много интересного о замечательном, вдохновленном певце Дальнего Востока Владимире Клавдиевиче Арсеньеве» [28].

Владимир Владимирович прожил в Находке пять лет, до ноября 1963 года, работал главным лесничим в Находкинском лесхозе. Но 1962 году умерла его жена, в 1963 году – Анна Константиновна; похоронив их, он женился вторично и уехал в Челябинск. Любопытно, что в 1974 году, то есть в возрасте 74 лет, В.В. Арсеньев думал о возвращении на Дальний Восток. Известно письмо председателя Владивостокского горисполкома В.Д. Сафонова от 3 декабря 1974 года, в котором сообщается, что предоставить в этом городе квартиру Владимиру Владимировичу не могут [60]. Имеется и ответ зам. председателя Хабаровского горисполкома

З.В. Завгородней от 24 июня 1976 года на просьбу В.В. Арсеньева, в котором сообщается, что власти рады принять его на жительство в Хабаровске [60]. История с дочерью странным образом повторялась, но В.В. Арсеньев, судя по всему, на переезд не решился... Он ушёл из жизни там же, в Челябинске, в 1987 году.

С 1963 года Игорь и Вадим, внуки Владимира Клавдиевича Арсеньева, стали жить в Находке вместе, в одном доме. В 1964 году Игорь Владимирович женился; в 1965 году в его семье родился сын Владимир, в 1974-м – дочь Елена [37]. Игорь Владимирович Арсеньев в июне 2006 года получил три справки о реабилитации – на себя и своих родителей. Тогда разъяснились и причины выдворения семьи из пределов Дальневосточного края в 1939 году: оказывается, они были политическими, причём припомнили даже «дело» Маргариты Николаевны, которую вопреки очевидным фактам назвали «мачехой», кем она никогда не была.

Вот выдержки из этого документа:

«Уважаемый Игорь Владимирович!

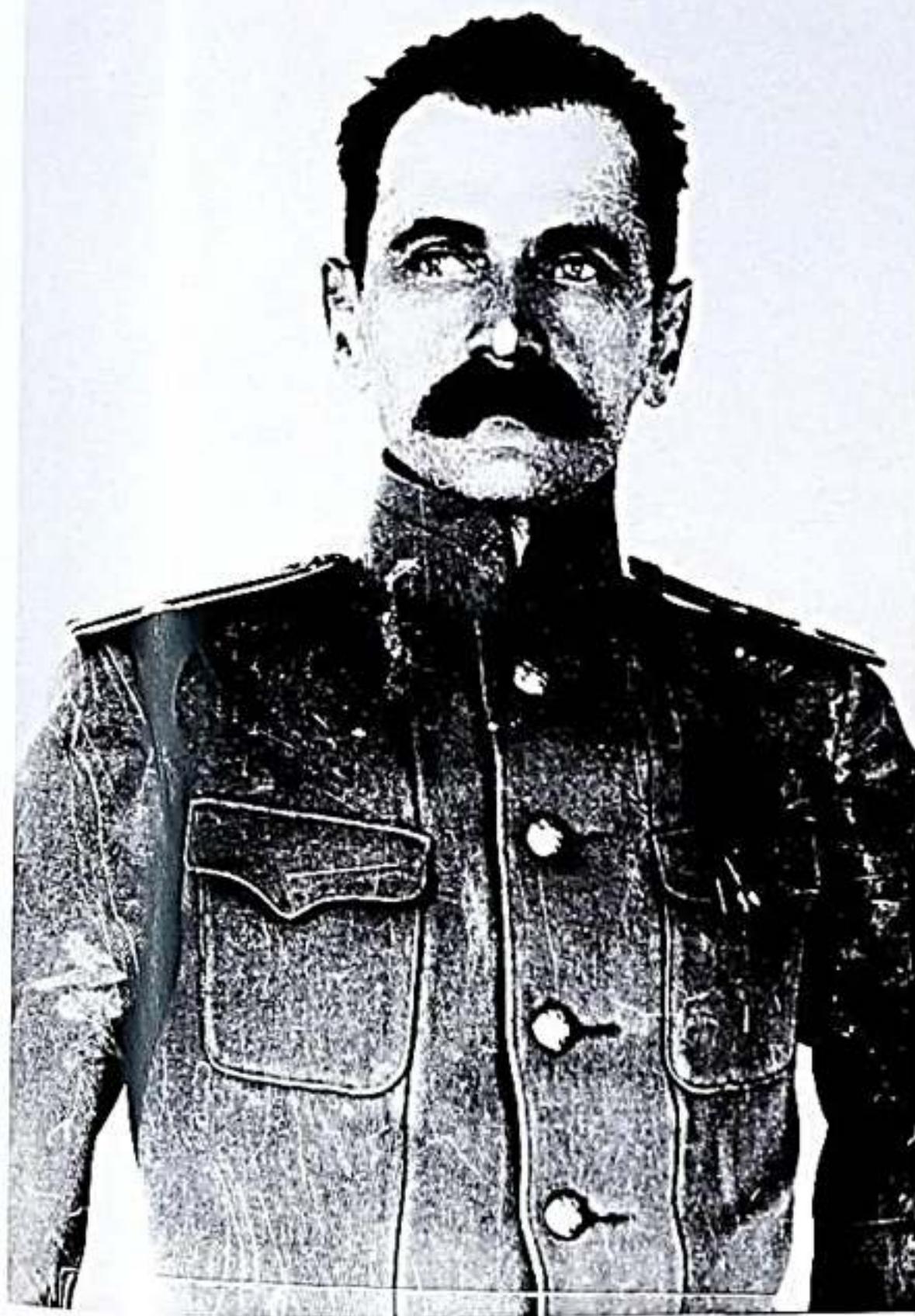
На ваше заявление, поступившее в наш адрес из УФСБ по Приморскому краю, сообщаем, что в архивных фондах Информационного центра УВД Приморского края на хранении находятся списки лиц, выдворенных в 1939 году из Приморского края. В данных списках значится Ваш отец Арсеньев Владимир Владимирович, 1900 г. р., который в 1939 году по политическим мотивам вместе с семьей был выдворен с постоянного места жительства с. Шкотово... Причина выдворения (дословно из архивного документа):

Арсеньев В.В. с апреля 1919 г. по январь 1920 по мобилизации служил в армии Колчака разведчиком при Управлении 1 артдивизиона в городе Никольский Уссурийск (так в документе)... Его мачеха Арсеньева Маргарита Николаевна дочь

генерала, в 1937 году была арестована органами НКВД и в 1938 году осуждена к расстрелу.

Доводим до вашего сведения, что на основании выше-сказанных архивных документов сотрудниками отдела реабилитации Информационного центра УВД Приморского края принято решение о реабилитации вашей семьи...» [37]. Кстати, на Анну Константиновну справки так и не прислали...

В феврале 2012 года в возрасте 75 лет Игорь Владимиевич ушёл из жизни. В настоящее время в Находке проживают: внук В.В. Арсеньева Вадим Владимирович, двое правнуков – Владимир и Елена, четыре праправнука – Александр, Виктор, Михаил и Даниил [37].

В.К. Арсеньев (предположительно 1915 год)

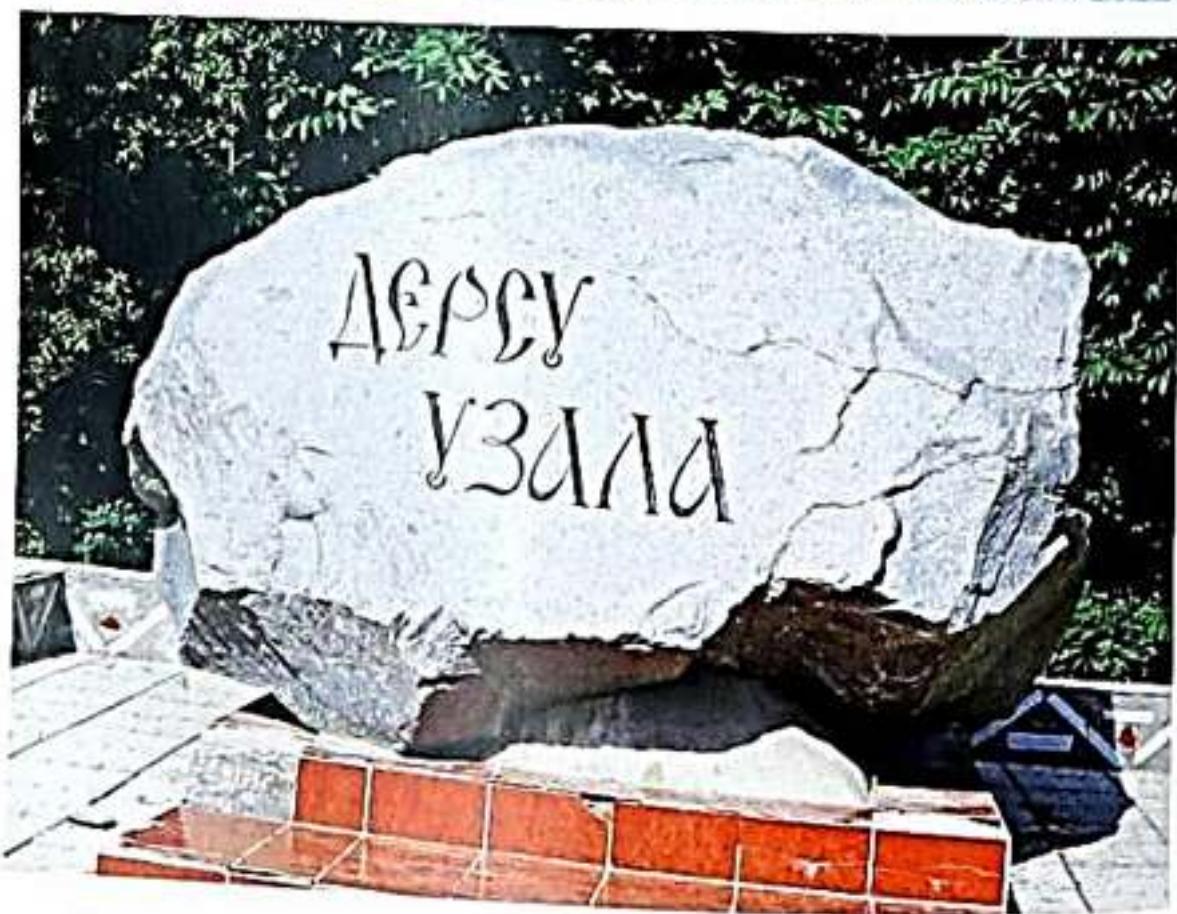

А.К. Арсеньева-Кадашевич (первая супруга)
с сыном Владимиром (предположительно 1901 год)

Дерсу Узала, 1906 г.

ПАМЯТНИК ВОЗДВИГНУТ
НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ В 1908 Г.
ДЕРСУ УЗАЛА
ПРОВОДНИКА В.К. АРСЕНЬЕВА
БЛАГОДАРНЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ
-Россияне 1997 г-

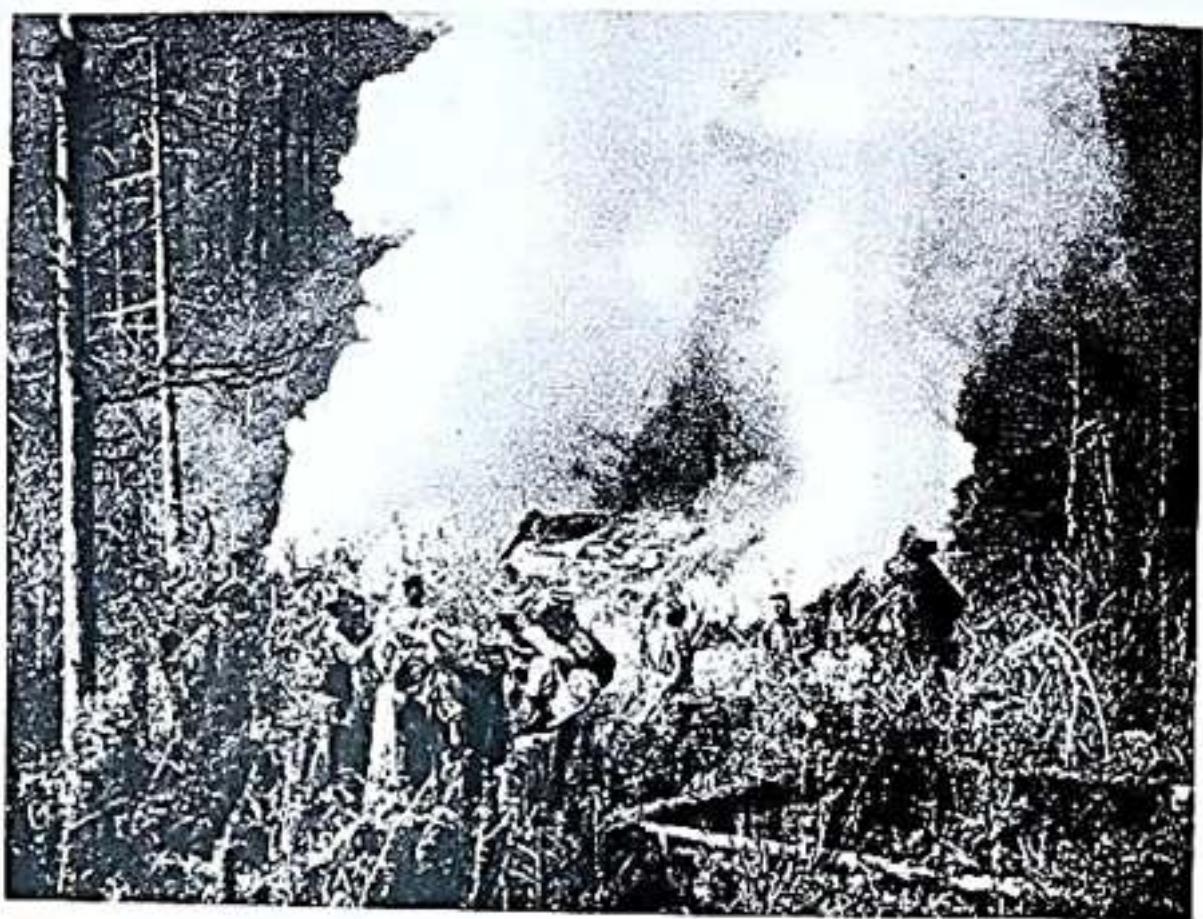
Памятный знак на станции Корфовской, Хабаровский край

Китайцы в Уссурийской тайге

Зверовая фанза соболевщика-китайца

Сжигание фанз хунхузов летом и зимой

Дерсу Узала.

Лесной рассказ.

Был ли бушман волчий разноголовка из волчьего рода, или же обитатель леса в чьем-либо зверье со звуком скрипки или же превращение скрипки волчий разноголовка из волчьего рода, ставший товарищем Дерсу Узала сидя впереди, подняв свой подбородок и перекинув к груди скрипку, погнув ее в сторону, чтобы звуковая волна не доходила до уха, и сказал в тайге, что это звук скрипки, а близко никого, а что дальше говорить пока не приходит в голове.

По Дерсу не видать волчью из-за его кроткого выражения лица и глаз, которые напоминают глаза кролика, и тем более, что было это когда защищать под открытым небом волчью. И если бы не звуки скрипки подобные губам речи, то никто бы не знал, что это было за зверь.

Очень драматичная история о Дерсу Узала, о том, как он

стремился спасти скрипку. Время, когда этого волчью побывало, оставило рюкзак на стороне волчий разноголовка или же волчий разноголовка из волчьего рода, что это из скрипки, а близко никого, а что дальше говорить пока не приходит в голове.

По Дерсу не видеть волчью из-за его кроткого выражения лица и глаз, которые напоминают глаза кролика, и тем более, что было это когда защищать под открытым небом волчью. И если бы не звуки скрипки подобные губам речи, то никто бы не знал, что это было за зверь.

По Дерсу не видеть волчью из-за его кроткого выражения лица и глаз, которые напоминают глаза кролика, и тем более, что было это когда защищать под открытым небом волчью. И если бы не звуки скрипки подобные губам речи, то никто бы не знал, что это было за зверь.

По Дерсу не видеть волчью из-за его кроткого выражения лица и глаз, которые напоминают глаза кролика, и тем более, что было это когда защищать под открытым небом волчью. И если бы не звуки скрипки подобные губам речи, то никто бы не знал, что это было за зверь.

По Дерсу не видеть волчью из-за его кроткого выражения лица и глаз, которые напоминают глаза кролика, и тем более, что было это когда защищать под открытым небом волчью. И если бы не звуки скрипки подобные губам речи, то никто бы не знал, что это было за зверь.

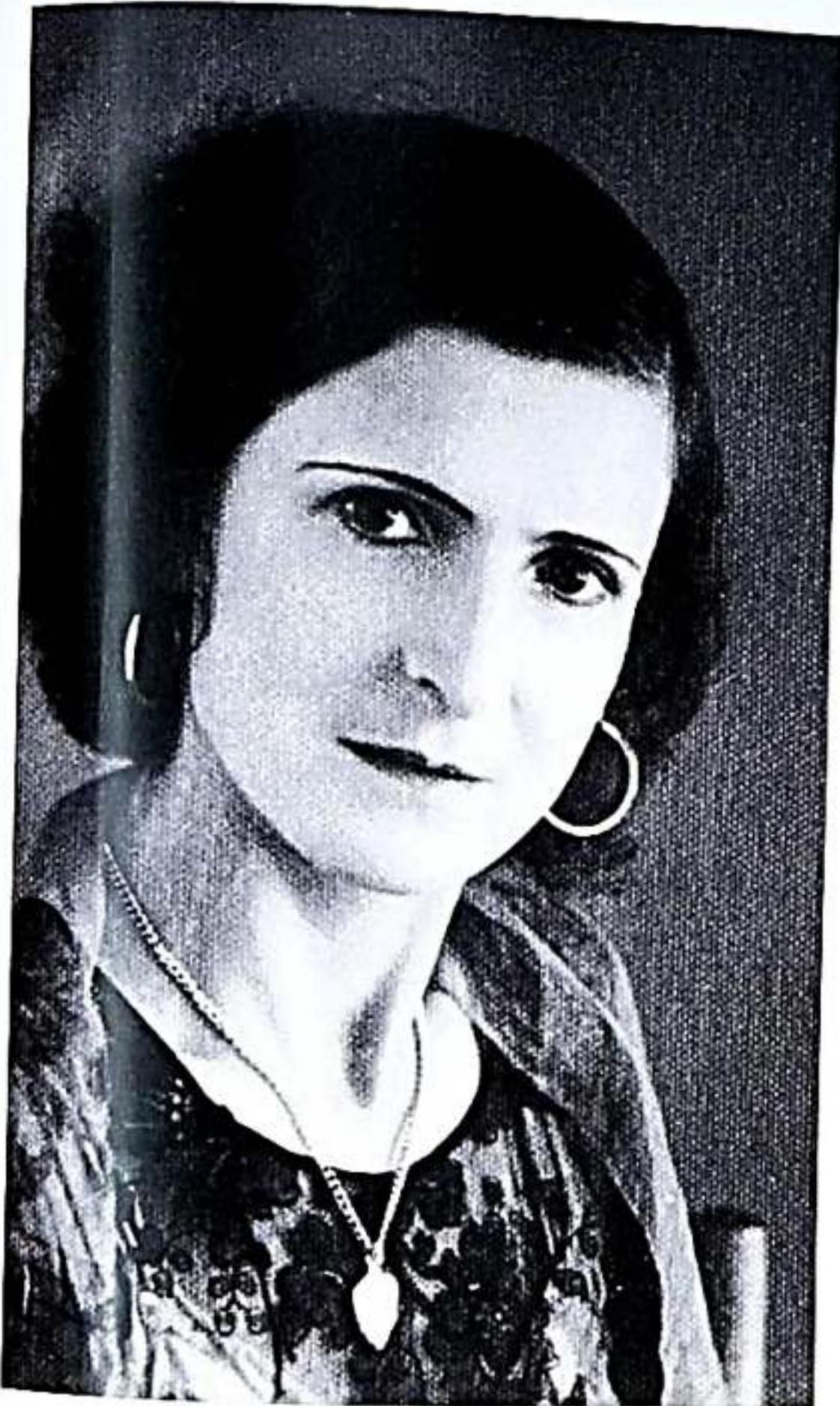
Начало рассказа П.П. Бордакова,
газета «Приамурье» (Хабаровск), 24 мая 1909 г.

Рассказ П.П. Бордакова в его книге;
штамп вверху справа – свидетельство принадлежности
к личной библиотеке В.К. Арсеньева

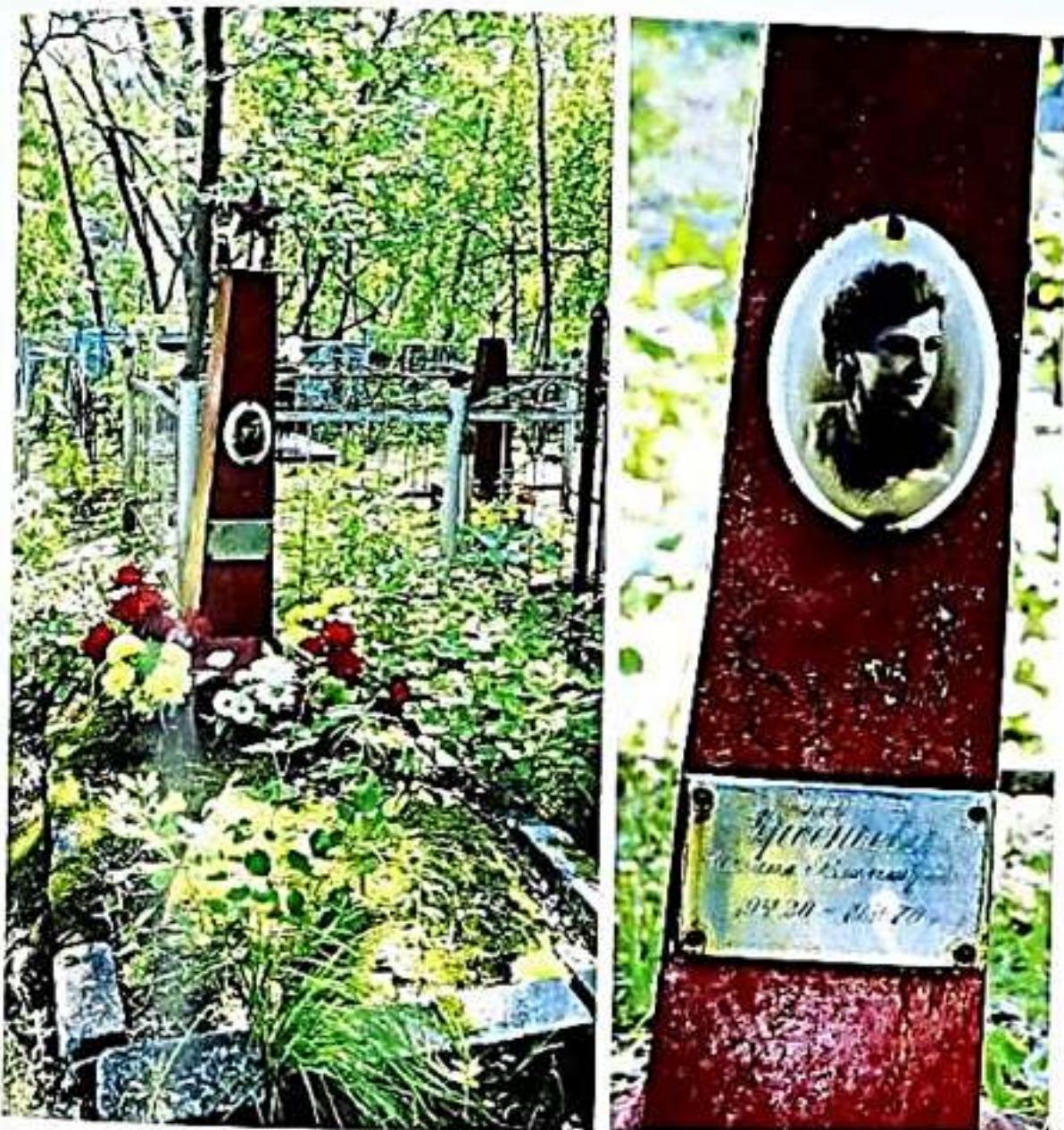
М.Н. Арсеньева (вторая супруга), предположительно 1930-е годы

Н.В. Арсеньева, дочь В.К. Арсеньева (конец 1950-х годов)

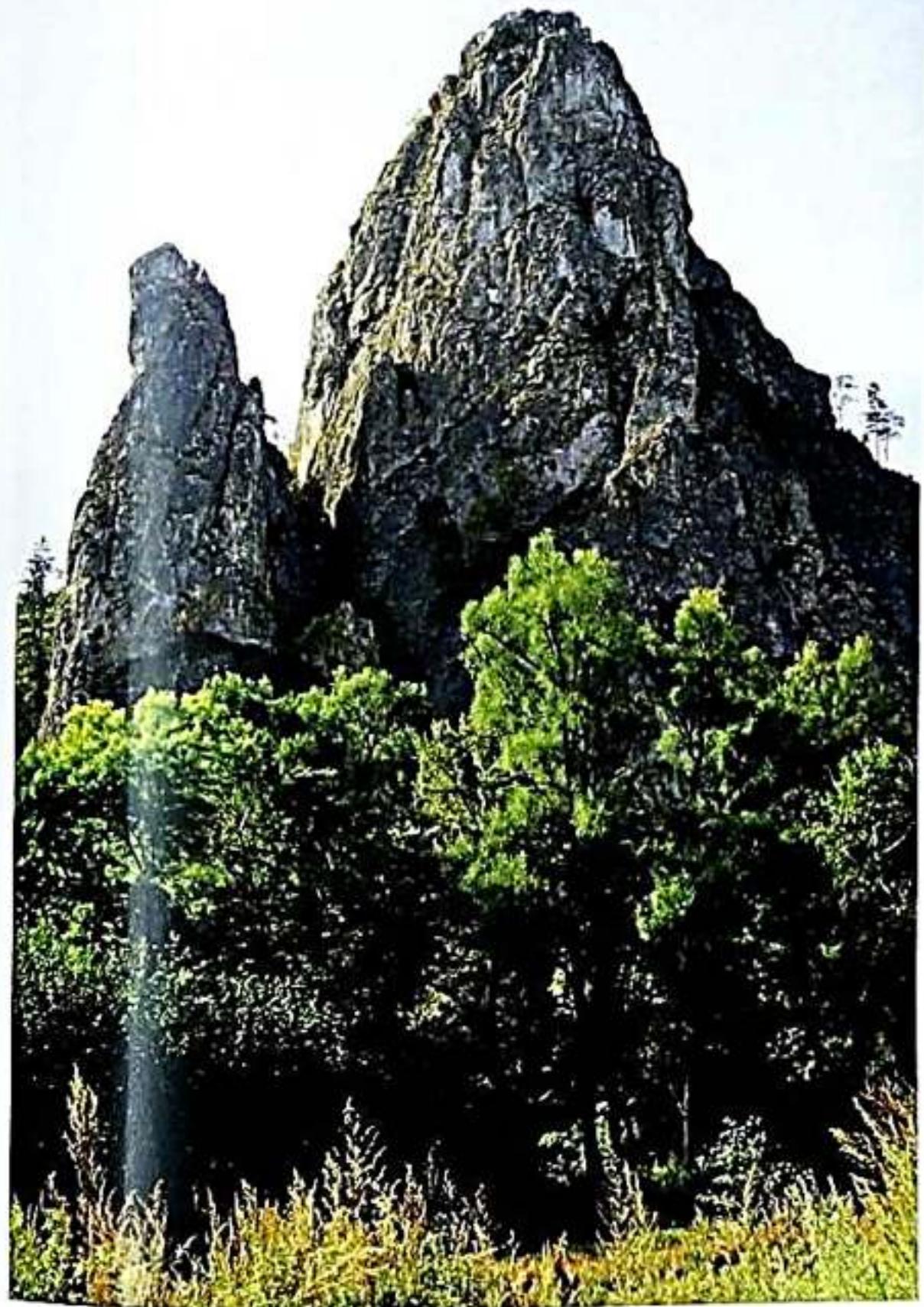
Могила Н. В. Арсеньевой,
Благовещенск, 1970 год

Могила Н.В. Арсеньевой в г. Благовещенске (Амурская область),
современный вид

Скала Дерсу Узала, фото В.К. Арсеньева, 1906 г.

Скала Дерсу Узала – памятник природы, современный вид

91(57.24) - 143

№ 13048

ВЛАДИВОСТОК
Государственное

В. К. АРСЕНЬЕВ.

Дорогому Николаю Матвеевичу Соловьеву
отъ сердечно любящаго его зятя

24 IX 1921.

Т. Владивостокъ.

В. Арсеньевъ

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

(Дерсу Узала).

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРНУЮ ОБЛАСТЬ
СИХОТЭ-АЛИНЬ,

1906 г.

— e-0- —

ЗИБЛЯ

ВЛАДИВОСТОК.

Типография «ЭХО», Дальневосточная.

1921 г.

Книга В.К. Арсеньева «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)»,
первое издание 1921 г.

~~(A)~~ ~~11/1~~
В.К.АРСЕНЬЕВ и Е.И.ТИТОВ

**БЫТ и ХАРАКТЕР
НАРОДНОСТЕЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
КРАЯ**

Книга, вызвавшая критику и нападки на В.К. Арсеньева
(1928 год)

Б. К. Соколов

№ 3

35 УДК
35

Видом на жительство служить не может без предъявления документов не действительно.

С П Р А В К А № 1309

14. июня 1923 г.

Настоящая дана гражданину Арсеньеву
Владимиру Клавдиевичу
в том, что к выезду его на Камчатку в гор.

со стороны ПРИМГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ГПУ препятствий не встречается.

Действительна сроком на один месяц, со дня выдачи.

Нач 7-го Отд. Соч
Примгуботдела ГПУ

Делопроизводитель

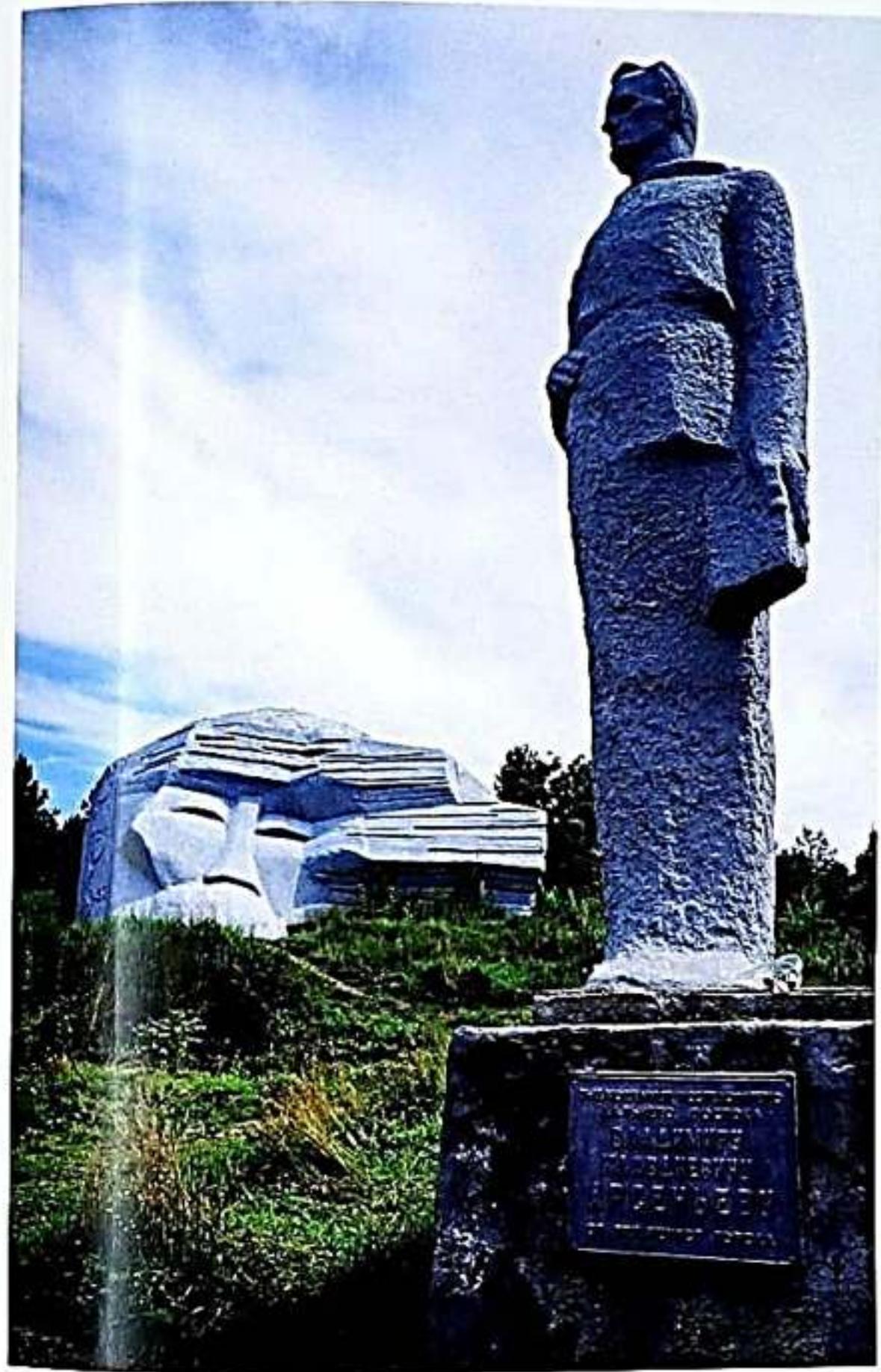

всемерное содействие, в интересе

возложенного на него поручен

Исследовател

Разрешение на выезд на Камчатку, 1923 год

Памятник В.К. Арсеньеву и Дерсу Узала в г. Арсеньеве
(Приморский край)

Один из экспонатов,
поставленных В.К. Арсеньевым в Санкт-Петербург
(из фондов Российского этнографического музея)

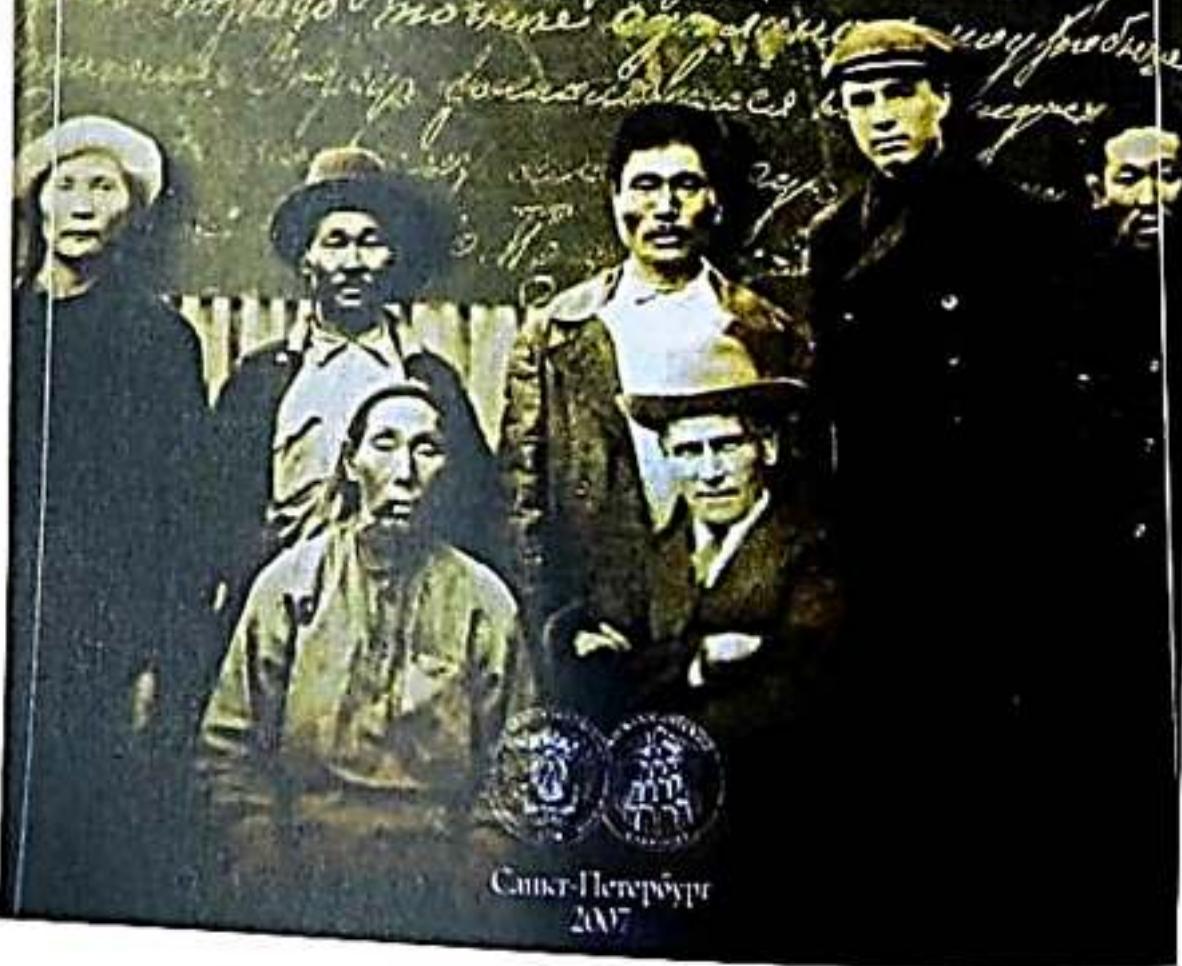
1 Оригинальные	83 Китайские	Русские
Р. Машка	Китайки	Машка
Р. Ичика	Китайки	Ичка
Р. Иса	Китайки	Иса
Р. Ю	Китайки	Ю
Р. Маханя	Китайки	Маханя
Р. Хичика	Китайки	Хичика
Р. Афри	Китайки	Афри
Р. Ямоч	Китайки	Ямоч
Р. Колешка	Китайки	Колешка

Страницы экспедиционных дневников
с записями словарного характера

Учрежденное в 1905 г.
общество изучения Амурского края
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
столичный профessorский педагогический институт
все отечественные иностранные языки
и литературы. В. К. Арсеньев

1905 г.
**РУССКО-
ОРОЧСКИЙ
СЛОВАРЬ**

МАТЕРИАЛЫ ПО ЯЗЫКУ
И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
ОРОЧЕЙ И УДЭГЕЙЦЕВ.

«Русско-орочский словарь» В.К. Арсеньева

И ОРНИТОЛОГ, И ЛИНГВИСТ...

В.К. Арсеньев был разносторонним исследователем, с успехом занимавшимся географией и этнографией, картографией и статистикой, археологией и геологией, гидрологией и биологией, музеинным делом, изучением быта местных народностей. Вдобавок ко всему этому в последние годы выяснилось, что В.К. Арсеньев внёс довольно значительный вклад в такие, казалось бы, далёкие от его интересов и друг от друга науки, как орнитология и языкоизнание.

Напомним воспоминания А.К. Арсеньевой о жизни в Ломже (Польша) в конце 1890-х годов: «Ещё он собирал птиц: чучела из них заказывал...» [9]. То есть уже тогда В.К. Арсеньев в какой-то степени интересовался орнитологией. Как известно из опубликованных дневников 1906 года [34, 35], во время этой экспедиции (первой из крупных) он занимался наблюдениями над встречающимися птицами, отстрелом их в научных целях и консервацией тушек для последующего определения. По итогам экспедиции 1906 года В.К. Арсеньев выслал 60 экземпляров птиц в Зоологический музей Академии наук. Надо заметить, что добывание птиц и изготовление тушек – часть важных для того периода фаунистических исследований, т. е. определения состава фауны птиц данного малоисследованного региона.

В настоящее время в собрании Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гротекова хранится 32 экземпляра тушек и шкурок птиц, относящихся к 30 видам, собранным В.К. Арсеньевым во время экспедиций 1906–1913 годов [40]. Первичное определение образцов проводил сам В.К. Арсеньев – судя по этикеткам, лично им было идентифицировано 17 экземпляров (16 видов); повторное определение проводил С.А. Бутурлин. Некоторые образцы сопровождались сделанным В.К. Арсеньевым описанием повадок и голоса, частоты встречаемо-

сти и других особенностей. Например, на этикетке тулеса (*Squatorola squatorola*) имеется следующая надпись: «Встречается в крае довольно редко, для Уссурийского края это молчаливая птица, резких неприятных криков его, которыми они оглашают ночной воздух в полях Европейской России – никогда не слышно...» [40].

В целом в дневниках разных лет (и последующих книгах) В.К. Арсеньева большое внимание уделено птицам – возможно, как наиболее доступному в природе объекту наблюдения. Имеются единичные сведения об ареалах распространения тех или иных видов, способах их гнездования, повадках и т. д. Всё это, конечно, не позволяет считать его орнитологом в узком понимании данной специальности. В цитируемом ниже письме он сам признаётся: «Орнитологией я специально не занимался и собирал птиц только потому, что попал в места интересные». Однако вклад В.К. Арсеньева в эту науку был достаточно большим, что, например, отмечал такой известный учёный-орнитолог, как С.А. Бутурлин. Безусловно, В.К. Арсеньев был знаком с его работами, которые стали появляться в столичных журналах с 1888 года.

В Ульяновском краеведческом музее им. И.С. Гончарова в фонде С.А. Бутурлина хранится три письма В.К. Арсеньева, адресованных С.А. Бутурлину. Можно предположить, что вступить в переписку с учёным-орнитологом Арсеньеву посоветовал А.И. Черский, консерватор музея ОИАК в 1908–1915 годах, который активно переписывался с С.А. Бутурлиным в 1909–1912 годах (в Ульяновском краеведческом музее хранится 25 писем А.И. Черского, безусловно интересных для Владивостока). А.И. Черский тоже высыпал С.А. Бутурлину тушки птиц для определения; так, в статье Бутурлина «Интересные находки» из журнала

«Наша охота» за ноябрь 1909 г. была описана коллекция птиц из 50 экземпляров, собранная в 1908 году Черским. Всего для Владивостокского музея в разные годы С.А. Бутурлиным было описано 1339 экземпляров птиц, для Хабаровского – 231 экземпляр.

Судя по письмам из Ульяновского краеведческого музея, переписка В.К. Арсеньева с С.А. Бутурлиным началась в конце 1910 или в начале 1911 года, когда дальневосточный исследователь находился в Петербурге. Первое письмо из сохранившихся (недатированное, предположительно вторая половина февраля – март 1911 года) является ответом на послание С.А. Бутурлина от 13 февраля 1911 года – судя по тексту, Бутурлин сам написал Арсеньеву, узнав, что исследователь, приехавший из Приамурья, разыскивает его.

Арсеньев–Бутурлину:

«Милостивый Государь Сергей Александрович

Ваше письмо от 13–26/II 1911 г. получил вчера вечером. Спешу ответить. Я намеревался сам Вам писать, но Вы предупредили меня. Я очень рад этому. Благодарю Вас за готовность помочь мне в обработке материала и указать мне мои ошибки. Ваше письмо написано в таком теплом дружеском тоне, что невольно заставляет меня с удовольствием отрешиться от официальности и писать Вам так, как Вы видите. Ваше письмо прибавило во мне еще духовной энергии. Я с большим старанием стану вновь собирать птиц и направлять их к Вам, так, как это делает А.И. Черский. От А.И. я много слышал об Вас, думал встретить Вас в Петербурге в Географическом Обществе, наводил справки у А.А. Достоевского и в результате просил его написать Вам письмо. Боюсь я только одного – Как бы Вы не разочаровались в моих сборах. Орнитологией я специально не занимался и собирал птиц только потому, что попал в места интересные и думал, что мое коллекционирование

(первый опыт) даст такой материал, который можно будет использовать или как сличительный материал для ученых в дополнение такого же материала имеющего в их распоряжении или для замены негодных дубликатов в музеях. Препаратор я плохой – начинающий и сам знаю, что у меня есть дефекты. Всех птиц в числе 90 экземпляров я перешлю Вам. Должен Вас предупредить, что я в критике не самолюбив и потому прошу Вас, Сергей Александрович, быть критиком самым жестоким, самым беспощадным, прошу указать мне мои ошибки (и таких будет я уверен много), чтобы в будущих работах они не повторились бы снова. Как только окончится выставка в музее Александра III я сейчас же вышлю всех птиц Вам в Везенборг. Если вас некоторые птицы заинтересуют, то они к Вашим услугам. Мне кажется, что мои сборы так невелики и так малоцены, что едва ли их стоит опубликовывать отдельно. Если Вы найдете нужным, вообще, опубликовать их так или иначе, то я очень просил бы прислать мне несколько оттисков. По мниванию надобности в шкурках я буду просить Вас Сергей Александрович переслать их в Зоологический музей Императорской Академии Наук. Свои наблюдения над жизнью птиц я изложу особо (сделаю выборки из дневников) и пришлю их Вам. Вероятно, Вы найдете нужным внести в мои записки свои поправки и свои замечания так сказать если они будут в печати под Вашей редакцией – это только меня устроит – Но я очень сомневаюсь, что они смогут быть настолько полезны.

Очень просил бы Вас, Сергей Александрович, указать мне мои ошибки и дать указания, на что обратить внимание, как Вы пишите в конце своего письма. В начале Апреля я уезжаю снова в Уссурийский Край на работу. До 1го Апреля мой Петербургский Адрес – Херсонская ул. 10 кв. 25. Во Владивостоке пишите по адресу на Переселенческое Управление. Я пе-

рехожу на службу в Переселенческую организацию. В 1911 (настоящем году) выступаю в две небольших экспедиции в Уссурийский Край с Мая по Октябрь, в 1912 году буду на работе весну, лето и осень, а в 1913 году я выступлю в большую экспедицию года на два в Охотско-Камчатский Край.

Очень рад, что имел возможность вступить с Вами в переписку. Искренне глубоко уважающий Вас В. Арсеньев (подпись)» [58].

Следующее письмо – от 19 февраля 1911 года.

Арсеньев-Бутурлину:

«Многоуважаемый Сергей Александрович!

Вместе с сим посылаю Вам письма 1) Г. Холонда моего доброго знакомого из Императорской Гавани и 2) орнитолога Г. Кэмбель из Австралии. Он просит сообщить ему те сведения, которые я имею относительно перелетных птиц из Австралии. Быть может, Вы, Сергей Александрович, найдете возможным ответить ему на интересующие его вопросы. Я думаю, что это дало бы Вам возможность войти в сношения с австралийскими орнитологами и получать оттуда и птиц и необходимые для Вас сведения. Это тем более интересно, что птицы наши перелетные тянутся именно через Уссурийский край к Австралии. Представляю разрешение этого вопроса Вашей компетенции и Вашему усмотрению. Если Вы почему либо не войдете с Г. Кэмпбелем в сношения, не откажите мне переписку эту вернуть обратно, я отвечу сам как умею и как могу.

Извините за небрежность моего писания на обрывке бумаги, не объясните это худо.

С искренним и глубоким уважением В. Арсеньев (подпись).

19 19/II 11

Петербург Херсонская д. 10 кв. 25» [57].

В ОИАК по счастливой случайности сохранился ответ С.А. Бутурлина на это письмо; находится он не в архиве, а в библиотеке Общества – точнее, в составе личной библиотеки В.К. Арсеньева. В ней имеются не только книги, но и конволюты: сброшюрованные и переплетённые в отдельные тома различные печатные материалы, объединённые сходной тематикой. В составе такого конволюта под библиотечным каталожным номером 17073, состоящем из 320 страниц, находятся не только инструкции для собирания биологических коллекций, но и ценные документы, в том числе рукописные. В него входят 6 различных инструкций 1907–1910 годов, одна 1925 года, а также письмо из Русского орнитологического комитета (будет описано ниже) и статья С.А. Бутурлина «Вниманию Амурских охотников» (видимо, из журнала «Наша охота», № 10 за 1915 г., с. 7–8). В конце с. 8 имеется надпись чёрными чернилами почерком Бутурлина: «Адрес: Сергей Александрович Бутурлин гор. Везенберг, Эстл. губ.».

В составе этого конволюта также имеется письмо С.А. Бутурлина к В.К. Арсеньеву от 9–22/III–1911 г. (2 листа бумаги в клетку, рукописный оригинал). Оно является ответом на уже приведённое выше письмо В.К. Арсеньева С.А. Бутурлину из Петербурга от 19 февраля 1911 г., хранящееся в Ульяновском краеведческом музее под инвентарным номером УКМ 2752, Ia–16. В том же конволюте находится «Краткий список птиц более интересных для исследования Уссурийского края» – это 8 листов большого формата, заполненных с одной стороны почерком С.А. Бутурлина. Нумерация листов – видимо, В.К. Арсеньева. Список включает русские и латинские наименования птиц и общее описание их внешнего вида; очевидно, он переслан В.К. Арсеньеву для практического руководства при отборе птиц для их коллектирования.

Бутурлин-Арсеньеву:

«Везенберг Эстл. 19 9-22/ III 11

Глубокоуважаемый Владимир Клавдиевич,

Эти две недели был завален срочной работой, потому не сразу ответил.

Я, конечно, знаю г. Кемпбеля по имени, как выдающегося австралийского натуралиста, и пишу ему одновременно с этим письмом. Я как раз могу дать многие из желательных ему данных.

Как только получу Ваши сборы – напишу Вам откровенно и даже придирчиво насчет их внешности, т. к. такая критика необходима. Но я и сам в свое время начинал собирать без всякой подготовки, работал и в дальних, диких краях, и знаю, что всем требованиям, желательным для кабинетного работника, удовлетворить иногда трудно. Во всяком случае хорошо приготовленная шкурка лучше 3-х плохих, но самая отвратительная – много лучше, чем ничего. В Ю. В. Сибири возможны удивительные находки. Сегодня же я писал Ник. Ефр. Ефремову по поводу собранной им летом в 1910 в Сев. ч. Хабаровского уез. небольшой (97 экз.) и плохо сделанной коллекции: в ней оказалось, к сев. от Амура, несколько видов, известных до сих пор лишь с юж. границы Южно-Усс. края. А одна птица (чешуйчатый крохаль) до сих пор была известна только по 3 (подчеркнуто автором – И.Е.) зимующим в Юж. ч. Центр. Китая экземплярам! Не удивительно ли, что крупная, очень красивая, совершенно своеобразная утка гнездится у нас в неск. десятках верст всего от крупного центра (Хабаровск) – и до сих пор оставалась не замеченной. Что же говорить про разных мелких камышевок и т. п.

Затем в течение 2–3 дней после получения я вышлю Вам список Вашей коллекции, т. к. это Вам конечно будет интересно и вероятно опубликую особой главой в своей серии

заметок по птицам Дальнего Востока — и, конечно, перешлю Вам несколько десятков отд. оттисков. Для опубликования, конечно, дождусь Ваших биологических заметок — выборок из дневников.

По части пожеланий — насчет способа сбора и т. п. не буду распространяться, пока не видел, как Вы это делали теперь. Вообще только скажу, что крайне желательно на ярлыках не писать один только номер — но и полную дату, и место — и хорошо также название [насколько можно — хотя бы «журавль», «маленькая цапля» и т. п. Это бывает очень важно на случай, когда № затрется, а ярлычок оторвется у нескольких птиц. — Тогда и не знаешь, куда что отнести, если нет названия птицы, хотя бы очень туманного].

Затем, желательно наибольшее внимание обращать на мелких птиц, особенно скромных и скрытных камышевок, пеночек и т. п., из более же крупных — прежде всего на хищных.

Более подробный список даю на особом листке.

Затем, существенно брать по возможности не единичные экз., а серии, в крайности хотя бы 2 шт., а не 1. Или, при недостатке времени, 1 экз. получше снятый и еще 1–2–3 хотя бы кое как ободрать. Мне случилось описать новый и весьма замечательный вид голубя из Ю. З. Маньчжурии. Голубь был резко отличен от известных, но один! — мог, значит, быть просто выродком. В этом случае мне дала право посмотреть иначе только запись коллекторов, что такие голуби жили во множестве там, при чем личное мое знакомство с одним из коллекторов давало возможность мне быть уверенным не только в субъективной, но и объективной точности этого.

Прилагаемый лист относится лишь к Уссур. краю, т. к. насчет Охотско-Камчатского мы успеем списаться, а м. б. и переговорить лично в будущем.

Прошу Вас, многоуважаемый Владимир Клавдиевич, не забывать, что на всякого, работающего над изучением природы и населения нашей чудной страны и над возбуждением в нашем обществе надлежащего интереса к этому великому делу, — я всегда смотрю, как на личного друга и глубоко уверен, что только взаимное общение, взаимная помощь и откровенная критика помогут нам, работникам одного дела, успешно двигать его вперед, к конечной пользе и величию нашей общей родины.

С глубоким уважением (подпись) С. Бутурлин».

В личной библиотеке В.К. Арсеньева в Обществе изучения Амурского края находится 20 отдельных статей С.А. Бутурлина и 3 его книги. Практически все эти статьи носят следы тщательной работы над ними: они имеют отдельные письменные примечания и подчёркивания, на большинстве поставлен штами «В. Арсеньев» или автограф учёного. Надо сказать, что С.А. Бутурлин неоднократно упоминал В.К. Арсеньева в своих печатных работах, отмечая его вклад в орнитологию. Так, заметка С.А. Бутурлина в журнале «Орнитологический вестник» за 1913 год «Уссурийская большеклювая ворона» начинается словами: «Энергичный исследователь Уссурийского края штабс-капитан В.К. Арсеньев добыл в долине реки Самарги два экземпляра этой птицы...».

Содержит упоминание о В.К. Арсеньеве и статья С.А. Бутурлина «Птицы Приморской области. Сборы 1906-1910 гг. шт.-кап. В.К. Арсеньева» в журнале «Орнитологический вестник», № 2, 1915 год. Начинается она аналогично: «Энергичный исследователь Уссурийского края, шт.-кап. Владимир Клавдиевич Арсеньев, предоставил мне для определения орнитологическую коллекцию, собранную им в его странствованиях в течение 1906–1910 гг. в северной половине Уссурийского края. Коллекция невелика, всего 64 вида в 104 экземплярах,

но нельзя не поблагодарить неутомимого исследователя, работающего по совершенству иным специальностям, за то, что он всё же находил время и для орнитологических сборов, тем более, что сборы эти, при всей их отрывочности, заключают в себе интересные новости». В статье С.А. Бутурлина «Птицы Дальнего Востока» из журнала «Орнитологический вестник» за 1916 год указывается количество экземпляров и видов птиц, присланных ему Владивостокским музеем ОИАК и Гродековским музеем Приамурского отделения ИРГО и выражается благодарность В.К. Арсеньеву и А.И. Черскому.

Ещё одно письмо В.К. Арсеньева С.А. Бутурлину, хранящееся в Ульяновском краеведческом музее, относится к 1914 году. Его текст приводится в сокращении; подчёркивания отдельных слов – авторские.

Штамп: Директор Гродековского музея Приамурского отдела Императорского русского географического Общества. г. Хабаровск. 2 XII 1914.

«Глубокоуважаемый Сергей Александрович!

Посылаю Вам обратно три книжечки № 41 «Птицы О-ва Медного». Не откажите взамен их прислать две книжки № 41 в. Все остальные книжки я сдал в библиотеку Приамурского отдела И. Рус. Геогр. Общ., находящуюся при нашем Музее. В витрины с птицами я положил по одному экземпляру книжек и один оставил у себя для справок. На всякий случай хочу в Музее иметь два запасных экземпляра. № 41 есть, а № 41 в нет [2-го]. Его-то я и прошу нам прислать.

... За это время я подзанялся по орнитологии. Все Ваши книжки прочитал дважды. Постараюсь собрать побольше птиц и все сборы сопровождать подробными записями.

У нас есть коллекция птиц, пожертвованная Г. Маркграфом, работавшим на Шантарских О-вах и около Аяна. Можно ли их послать Вам для определений? Если из этой коллекции

Вы найдете что либо, что Вас заинтересует, то повидайте лично Г. Маркграфа. Он находится в Петрограде в Управлении Землеустройства и Земледелия.

С искренним уважением и преданностью В. Арсеньев (подпись)» [59].

Из текста письма понятно, что переписка между В.К. Арсеньевым и С.А. Бутурлиным была довольно активной и включала пересылку книг последнего (судя по нумерации – существовал их список), которые использовались в экспозиции Гродековского (Хабаровского) музея. Примерно к тому же времени относятся первые контакты В.К. Арсеньева с только что созданным Русским орнитологическим комитетом.

В библиотеке ОИАК в составе описанного выше конволюта под каталожным номером 17073 сохранилось письмо из Русского орнитологического комитета при отделении орнитологии Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Письмо напечатано на бланке с атрибуцией «Москва, апреля 6 1913 г.», состоит из 4 страниц большого формата. Кому адресовано – не указывается, но судя по нахождению в личной библиотеке В.К. Арсеньева – лично ему.

Текст письма следующий: «При сем Вам высыпается кольцо для метки вольных птиц: 10 орлиных, 10 аистовых, 10 вороных широких, 10 вороных нормальных, 10 чайковых, 10 дроздовых, 10 ласточковых». Далее следует инструкция по мечению и образец ведомости, которая должна быть выслана обратно в Москву. Подпись от руки: «С искренним уважением, Председатель Русского Орнитологического Комитета Дм. Мих. Россинский».

Остановимся на этом аспекте деятельности В.К. Арсеньева более подробно. Отдел орнитологии Русского Общества Акклиматизации Животных и Растений был создан 16 февраля

1913 года. Председателем этого отдела был избран Д.М. Россинский, товарищем (заместителем) председателя – А.С. Хомяков, секретарем – Ф.А. Визенберг [47].

В.К. Рахилин, сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, указывал: «Настоящий «бум» по кольцеванию птиц, в результате чего Д.М. Россинский был завален просьбами, начался после публикации С.А. Бутурлиным в «Орнитологическом вестнике» (1910, № 3) и ряде охотничих журналов статьи «Опытное изучение перелетов». Были выработаны правила мечения птиц и форма отчета. Из этих заявок постепенно складывалась русская сеть кольцевания птиц, охватившая всю Россию от Прибалтики до Дальнего Востока... В 1914 году появилась сеть метчиков, организованных В.К. Арсеньевым в Приморье» [47].

Тут автора следует поправить: не в Приморье, а в южном регионе Дальнего Востока (на части территории современных Хабаровского и Приморского краёв), что следует из дальнейшего текста статьи и приложенной к ней карты. В.К. Рахилин приводит также письмо В.К. Арсеньева Д.М. Россинскому от 19 июля 1914 года, в котором говорится следующее.

Штамп: «Директор Гродековского музея Приамурского отдела Императорского русского географического Общества. г. Хабаровск. 19 июля 1914 г.

Его Высокоблагородию Дмитрию Михайловичу Россинскому.

Милостивый Государь Дмитрий Михайлович!

Посылаю Вам при этом: 1) Стоворстную схему, на которой красными кружками и нумерацией показаны пункты, куда я послал ведомости для наблюдений над перелетами птиц осенью текущего года и 2) Сведения кому именно разосланы упомянутые ведомости, имена и отчества наблюдателей с указанием их социального положения и 3) Сведения у кого именно

на руках находятся кольца, предназначенные для кольцевания птиц в текущем 1914 году.

Примите мои уверения в совершенном моем к Вам почтении и преданности

В. Арсеньев (подпись)» [47].

Список наблюдателей включал 12 человек; многие из этих фамилий хорошо известны историкам и краеведам: станция Корфовская – Дзюль, полуостров Песчаный – Конрад, Никольск-Уссурийск – Федоров, залив Св. Ольги – Назарьев, Тютихе (Тетюхе) – Витте, Амагу (Амгу) – Черепанов, Хабаровск – сам Арсеньев, Императорская (Советская) Гавань – Волков, залив Де-Кастри – Ковалевский. Орнитологическими наблюдениями был охвачен обширный регион от устья Амура до Хабаровска и практически всё побережье современного Приморского края; алюминиевые кольца для мечения находились на руках у В.К. Арсеньева (20 штук), А.З. Федорова (15 штук), И.А. Дзюля (15 штук).

На основании этих сведений можно считать В.К. Арсеньева первым, кто организовал кольцевание птиц на юге Дальнего Востока. И ещё немного о Русском Орнитологическом комитете, организованном в феврале 1913 года: «Что же касается членов Русского Орнитологического комитета, то здесь был представлен весь цвет тогдашней российской орнитологической науки. Вот лишь некоторые имена: В.К. Арсеньев (Хабаровск), В.Л. Бланки (СПб.), А.А. Браунер (Одесса), С.А. Бутурлин (Везенберг, Эстляндия), Б.М. Житков (Москва)...» [36]. Следует отметить, что В.К. Арсеньев был включён в РОК не только номинально, как представитель Дальнего Востока: членство в Русском Орнитологическом комитете несомненно являлось признанием определённых заслуг в орнитологии...

Перейдём к лингвистике. В полевых дневниках В.К. Арсеньева всех лет, с 1906 до 1930 года, имеются многочислен-

ные записи отдельных слов, выражений и целых фраз, услышанных от носителей языков многих аборигенных народов Дальнего Востока. Напомню, что сбор подобных сведений, разумеется, не входил в должностные обязанности офицера российской армии. Любознательность исследователя привела к тому, что собранные в полевых условиях языковедческие заметки постепенно накапливались и систематизировались автором; для записи звуков, не существующих в русском языке, он изобрёл и внедрил свою собственную систему транскрипции – по отзывам специалистов, вполне практическую.

В полевых дневниках разных лет можно найти наименования географических объектов на языках практически всех аборигенов края, порой с особенностями произношения в той или иной конкретной местности; имеются сравнительные таблицы некоторых названий объектов охоты и промысла, представителей животного и растительного мира; приводятся чертежи отдельных строений, сооружений, средств транспорта, предметов быта, охотничьего снаряжения, одежды и обуви с указаниями отдельных частей и деталей. Всё это является не только сведениями по этнографии, которую сам В.К. Арсеньев считал «главным делом своей жизни», но и ценным материалом для лингвистов. Надо отметить, что в настоящее время такая информация, к сожалению, не может быть выявлена в полевых экспедициях, поскольку носители конкретного языка не обладают тем практическим словарём, который зафиксирован в записях исследователя, пусть и не профессиональных. В конечном (но незаконченном) итоге такая деятельность В.К. Арсеньева вылилась в отдельные «Русско-орочский словарь», «Словарь комплексный и технический», а также многочисленные черновые записи, порой сгруппированные автором по темам или ассоциативно (например, словарь шаманского языка).

Весь этот материал (в основном по орочскому и гольдскому языкам) оставался в рукописном виде, никогда не публиковался при жизни исследователя и сохранился в составе фонда В.К. Арсеньева в Обществе изучения Амурского края. Спустя примерно 100 лет лингвисты из Санкт-Петербургского государственного университета А.Х. Гирфанова и Н.Л. Сухачев в ходе специальной экспедиции на Дальний Восток исследовали записи В.К. Арсеньева и пришли к выводу об их научной значимости и необходимости публикации. По согласованию с ОИАК после копирования (в августе 2005 года) и повторной сверки с авторскими оригиналами (август–сентябрь 2006 года) был осуществлён проект издания арсеньевских лингвистических материалов. Итогом стал выход в 2008 году в Санкт-Петербурге книги «Русско-орочский словарь» авторства В.К. Арсеньева.

В предисловии к изданию А.Х. Гирфанова и Н.Л. Сухачев пишут: «Преследуя сугубо лингвистическую задачу – ввести в научный обиход практически неизвестные специалистам-языковедам данные об удэгейском и орочском языках, засвидетельствованные со свойственной Арсеньеву методичностью и наблюдательностью, мы стремились одновременно отразить характерные особенности публикуемого документа. Это важная составляющая первой задачи, потому что объектом наблюдения в данном случае являются черновые записи Арсеньева» [7].

Таким образом, собранные В.К. Арсеньевым во время многолетних полевых экспедиций сведения, касающиеся живого языка аборигенов Дальнего Востока, зафиксированного на период начала XX века, оказались нужными даже теперь, в XXI столетии. Опубликованные в своё время, они могли бы стать значимым вкладом в текущее языкознание.

АРСЕНЬЕВ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Как нетрудно подсчитать, примерно половину своей сознательной жизни В.К. Арсеньев прожил при самодержавии, а остальные годы – при Советской власти (не считая смутного времени Гражданской войны, которая на Дальнем Востоке длилась до 1922 года). С какими чувствами В.К. Арсеньев встретил февральскую революцию 1917 года, свергнувшую царизм в России, – точно неизвестно. Надо полагать: так же, как и основная масса населения, то есть с надеждой на лучшее будущее для страны. Бурные и во многом трагические события последующих месяцев, к сожалению, также не отражены в документах или чьих-либо воспоминаниях. Напомню, что с конца июня 1917 года по начало февраля 1918-го В.К. Арсеньев состоял комиссаром Временного правительства по инородческим делам Приморской области. С августа по октябрь 1917 года он совершил инспекционные поездки в район устья Амура и на р. Тунгуску для обследования положения местных народностей. Но, видимо, впоследствии исследователь разочаровался в возможностях работы на этой должности. Да и самому Временному правительству вряд ли было дело до столь далёкой окраины России с её «инородцами»...

Пребывание в глухих таёжных местах, вдали от каких-либо источников информации, не давало возможности узнавать новости о положении в стране в целом и на Дальнем Востоке в частности. Но, видимо, В.К. Арсеньев в достаточной степени был удручен происходящим, о чём свидетельствует запись в его походном дневнике, сделанная 1 января 1918 года: «Первый день нового года. Прошлый год принес много несчастий родине. Что то даст нам наступивший новый год. Скорее бы кончилась эта солдатская эпоха со всеми ея жестокостями и насилиями» [16].

Вернувшись в Хабаровск в первых числах февраля 1918 года, В.К. Арсеньев узнал, что Временного правительства

России – его «работодателя» – уже не существует, и потому с 7 февраля освободился от полномочий комиссара по инородческим делам Приморской области. В дальнейшем он трудился на самых разных должностях в Хабаровске и Владивостоке, удачно избегая уговоров, предложений и вполне возможного нажима со всех сторон: «красных», «белых», японцев, американцев, чехов...

А.К. Арсеньева вспоминала: «Володя уже в 1918 году полностью перешел на сторону революции. Сбрал усы. Это было в Хабаровске поздно осенью 1918 года. Я одна сидела в гостиной и читала. Вдруг кто-то проник в дом и оказался в гостиной. Я страшно испугалась и кричу: «Кто вы? Как вы сюда попали?». Стоял высокий моложавый мужчина, без усов, с военной выпряткой.

– Ваш законный супруг, Владимир Клавдиевич Арсеньев, – был ответ. – Усы сбрал». «Почему ты сбрал усы?» – «Полностью принимаю новую власть» [9].

Надо полагать, разговор этот происходил в ноябре 1918 года. Следовательно, однозначно речь шла уже о Советской власти...

Повторяющиеся в разных работах утверждения о том, что В.К. Арсеньев передавал «красным» необходимые им карты, основываются на единственном источнике – книге А.И. Тарасовой, в которой сообщается следующее: «Этой экспедиции не суждено было осуществиться, по-видимому, из-за нападения японцев в начале апреля 1920 г. на Владивосток, во время которого В.К. Арсеньев снабдил отступившие войска Народно-революционной армии топографическими картами» [56]. Но тут имеется как минимум два сомнительных момента. Во-первых, «нападения японцев на Владивосток» всё-таки не было – японцами в ночь с 4 на 5 апреля был разгромлен «красный» гарнизон города и арестованы члены Восиного

совета Приморского правительства С.Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев. При этом войска НРА спешно отступили сначала к Уссурийску, а затем к Хабаровску. Следовательно, во-вторых, вряд ли у них было время и возможности взять какие-либо карты у В.К. Арсеньева.

Далее в той же книге А.И. Тарасовой есть сведения, что В.К. Арсеньев «неоднократно с февраля 1920 по май 1921 г. консультировал технический комитет Военного совета Приморья, в составе которого были С.Г. Лазо, В.М. Сибирцев, А.Н. Луцкий и др., по поводу выбора районов для размещения партизанских баз, недоступных для японских интервентов» [56]. Но это утверждение основано лишь на устных воспоминаниях участника Гражданской войны на Дальнем Востоке Н.К. Ильюхова, сообщённых ей (видимо, тоже устно) учёным секретарем ПФГО (переименованное ОИАК) Б.А. Сушковым. Разумеется, теоретически такое вполне могло быть. Однако названные лица, как сказано выше, были арестованы японцами 5 апреля 1920 года и в мае того же года трагически погибли. Так что консультировать их В.К. Арсеньев мог только с февраля по март 1920 года...

Конечно, отношение В.К. Арсеньева к новой власти было настороженным, что вполне понятно. В частности, об этом свидетельствует другая часть воспоминаний первой супруги: «После революции в умах русичей начался разброд. Появились красные, белые, зеленые и просто бандиты без цвета. Наш знакомый Гомоюнов стал большевиком, только странного уклона. Он приходил к нам в Хабаровске и вел такие разговоры: «Владимир Клавдиевич, ты на какой платформе?» – «Что такое платформа?» – «Программа партии». – «Непонятно говорите. Я за работу и чтобы было жалованье 20-го числа. Я политикой не занимаюсь, я дело делаю» [9]. Возможно, такая осторожность была вызвана тем, что после

1918 года началась полоса смены властей (особенно это касалось Сибири и Дальнего Востока), и принимать абсолютную правоту какой-либо одной стороны было нелогично, а порой и неосмотрительно.

Что касается возможностей отъезда из охваченной Гражданской войной России... Один фрагмент воспоминаний А.К. Арсеньевой имеет даже подзаголовок «Почему Арсеньев не уехал за границу»; приводим его с небольшими сокращениями: «У Володи было много денег и знакомых, русских и иностранцев. США предлагали ему, почетному члену Географического общества, выехать в Америку. Он вежливо отклонил. «В тяжкую для России годину отчизну не брошу». В 1918 он окончательно принял платформу большевиков – сделать советскую Россию сильной страной, поднять промышленность, наладить выпуск самолетов, пушек, танков, автомашин собственными силами, а не покупать их за границей; укрепить армию так, чтобы не было у Красной Армии поражений... Он мог выехать в Маньчжурию, Японию, в Америку, в Европу – куда хотел, – но не поехал. Маргарита подбивала его уехать, но осталась, покорная его воле» [9].

Напомню, что устные рассказы А.К. Арсеньевой были записаны Г.Г. Пермяковым в середине 1950-х годов; видимо, этим и объясняется явно заметное стремление ничем не насторожить «органы», не дать усомниться в «положительном» отношении В.К. Арсеньева к Советской власти. Конечно, мало верится, что в 1918 году он задумывался о том, как бы «поднять промышленность, наладить выпуск самолетов, пушек, танков, автомашин», а тем более «укрепить» Красную Армию, весьма далёкую от него территориально. Особенно если учесть, что окончательно власть Советов пришла в Приморье только в 1922 году. Но, как говорится, «что написано

пером...». А вот в том, что уже достаточно известный исследователь и путешественник с лёгкостью мог уехать за границу, сомневаться не приходится. Почему не уехал – теперь можно только гадать.

Интересно, что осенью 1920 года В.К. Арсеньев подавал прошение о получении загранпаспорта. В это время властью формально была Дальневосточная Республика, но во Владивостоке она являлась чисто номинальной – после упомянутых апрельских событий всем заправляли японские войска. Итак, следующий документ.

«Председателю Совета по делам рыбных и звериных промыслов на Дальнем востоке

ДОКЛАД

Прилагая при этом свидетельство на право выезда за границу, прошу покорно о выдаче мне от Управления паспортной книжки.

Ст. инспектор морских и звериных промыслов В. Арсеньев

19.Х. 1920

г. Владивосток

29.Х.1920 Приложения получил обратно. В. Арсеньев.

От паспорта отказался В. Арсеньев» [48].

Почему В.К. Арсеньев, имея «свидетельство на право выезда за границу», отказался от получения паспорта – теперь непонятно; возможно, это решение было не вполне добровольным. К тому же следует учесть, что его дочери Наташе было всего 2 месяца, а мечтала ли вторая супруга выехать за границу – достоверно неизвестно. Документального подтверждения этот факт не имеет (кроме приведённого высказывания А.К. Арсеньевой), да и родители Маргариты Николаевны остались в Приморье.

Хотя учёный трудился на новую власть честно и добросовестно, особого доверия к нему не было – имеются сведения,

что В.К. Арсеньев как бывший офицер царской армии после октября 1922 года был поставлен на спецучёт в политорганах. По утверждению поэта Арсения Несмелова (настоящее имя А.И. Митропольский), проживавшего в то время во Владивостоке, в паспортах всех офицеров «некрасных» войск стоял штамп «Бывший белый комсостав» [46]. В.К. Арсеньев, как и другие «бывшие», должен был ежемесячно отмечаться в комендатуре ГПУ (госполитуправления) во Владивостоке, а при каждом выезде из города получать на это «визу» чекистов. Вот пример такого документа.

«Видом на жительство служить не может без предъявления документов не действительно.

СПРАВКА № 1709

14 июня 1923 г.

Настоящая дана гражданину Арсеньеву Владимиру Клавдиевичу в том, что к выезду его на Камчатку в гор. ..... со стороны ПРИМГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ГПУ препятствий не встречается.

Действительна сроком на один месяц, со дня выдачи.

Нач 7-го Отд. Соч Примгуботдела ГПУ (подпись)

Делопроизводитель (подпись)».

Справка заверена печатью; на обратной стороне надпись от руки:

«Зарегистрирован проездом 23/VII-23

Секрет. Камчтгоспу (подпись)» [23].

В воспоминаниях А.К. Арсеньевой имеются две записи, касающиеся интереса «органов» к их семье. Первая: «В 1937 году я чуть не попала в НКВД ГПУ. Гонение на Арсеньева было — статьи каких-то хамов и невежд. Меня в НКВД спросили: «У вас был дом в Польше, в Ломже, не было?», — «Какой дом? Оклад 47 рублей»... Потом в ГПУ спрашивали: «А здесь у вас есть имущество? А в Никольске есть?». Потом я поняла,

что меня спутали с Маргаритой Николаевной» [9]. И вторая, очень краткая: «С ЧК у Володи были хорошие отношения, кроме некоторых мелких доносов» (там же).

Имеются сведения, что в марте 1924 года В.К. Арсеньева сняли с учёта «как лояльного по отношению к Советской власти». Однако лояльность (или преданность) его, видимо, была достаточно условной. Буквально тогда же, в мае 1924 года, он помог упомянутому выше Арсению Несмелову нелегально перейти советско-китайскую границу. При этом В.К. Арсеньев, разумеется, серьёзно рисковал, снабжая группу белогвардейцев подробной картой и компасом и объясняя им особенности маршрута. Сыграла ли тут главную роль офицерская солидарность, или собственное затаённое желание покинуть советскую Россию, или 4-летнее личное знакомство с Арсением Несмеловым – кто знает? Последний довольно подробно описал детали этого побега в своих воспоминаниях «Наш тигр». Они были впервые опубликованы в харбинском журнале «Луч Азии» в 1941 году и воспроизведены в альманахе «Рубеж» № 4 в 2003 году. Именно по тексту публикации в «Рубеже» приводится (с сокращениями) достаточно обширный фрагмент, в котором Несмелов описывает подготовку к побегу и участие в этом Арсеньева.

«... И я сказал:

– Люди бегут в Харбин. Ну, его к черту, этот Владивосток! Бежим, господа?

И все, тихим хором:

– В самом деле, – бежим.

Мы говорили шепотом, мы были немногословны. Три дня на подготовку хватит? Хватит! Надо действовать энергично, не теряя даром времени. Где мы встретимся через три дня? Все мы были офицерами, и все состояли там под надзором ГПУ. Раз в месяц мы являлись в его комендату-

ру и, как все поднадзорные, предъявляли там особые книжечки, в которых регистрирующий чин этого учреждения делал соответствующую отметку. Дни нашей явки были — восьмое, девятое и десятое число каждого месяца. Был вечер четвертого мая.

— Господа, — сказал кто-то из нас, — в течение этих трех дней нам лучше не видеться друг с другом. А восьмого числа мы все встретимся в комендатуре. Пусть каждый из нас поднимет руку, если он все подготовил к побегу. А на следующий день, утром, с восьмичасовым поездом мы все выезжаем на станцию Седанка [было решено от Седанки переправиться на лодке через Амурский залив на другую его сторону и там перейти китайскую границу — И.Е.]...

В канун явки в ГПУ я зашел во Владивостокский музей, чтобы проститься с В.К. Арсеньевым, а кстати и порасспросить его о тех местах, по которым нам надлежало идти. Последнее мне было поручено моими друзьями. «Может быть, и карту у него достанешь, хоть какие-нибудь крохи», — говорил Саша Степанов, тоже хорошо знавший Арсеньева...

Владивостокский музей, полный чучел, карт, каких-то географических макетов и Бог знает чего еще. Я нахожу Владимира Клавдиевича у огромного чучела великолепного уссuriйского тигра и с места в карьер приступаю к изложению своего дела.

— Я и несколько моих друзей, Владимир Клавдиевич, — говорю я, — решили бежать из Владивостока. Вы меня прощите, что я вас посвящаю в это не совсем безопасное дело, но мы выбрали необычный путь, — через Амурский залив на «юли-юли», а далее, до границы, на своих на двоих.

— И по китайской стороне до Санчагоу?

— Да.

— А почему не до Никольска сначала, а потом на Полтавку?

— Мы все на учете ГПУ, и дальше Угольной нам нет ходу. Если же поймают за Угольной, задержат, скажем, в вагоне, то все равно будут судить, как за побег.

— Да! — Владимир Клавдиевич берет меня за руку и подводит к большой, висящей на стене, карте Приморья. Масштаб карты велик, и вот передо мной — весь тот район, по которому нам предстоит следовать. Все дороги и даже тропы, и всего только две деревни на нашем пути, легко обходимые стороною.

— Чудесная для следования местность! — тихо говорю я; в комнате мы одни.

— Не совсем! — и Арсеньев указывает мне на горный хребет, являющийся водоразделом для группы речек: одни с него текут в Китай, другие к нам, в Россию.

— Вот это горное плато, видите? Я бывал там. Оно или заболочено или покрыто мелким кустарником, через который трудно прорыться. Кроме того, там, по оврагам, в эту пору еще лежит снег. Трудное место!

— Ну, как-нибудь, Владимир Клавдиевич!

— Конечно! Что? Есть ли там тигры? Нет, в этих местах я их не встречал, вот разве пониже, вот тут, ближе к Занадворовке. Но барс, пятнистая пантера тут встретиться может. И знаете, — взгляд мне в глаза, — она чаще нападает на человека, чем тигр. Вас много ли идет?

— Пять человек.

— Ну, это лучше. Вы вот что... вы всмотритесь в эту карту, а я вам сейчас принесу соответствующий кусок двадцатипятиверстки. Видите перед Занадворовкой вот этот ручей. Достигнув ручья, вы лучше всего следуйте по нему, к его истокам, — этот путь как раз подведет вас к перевалу через хребет. На обрывке карты, которую я вам дам, ручей обозначен. Если вы воспользуетесь моим советом, вы не съебетесь с дороги, что иначе очень легко. Компас-то у вас есть?

— А ведь верно, нет у нас компаса! — ахнул я.
— Ничего, и компас вам дам. Пользоваться им умеете?
— Идут с нами два морячка, Владимир Клавдиевич. Они, наверное, умеют им орудовать.
— Должно бы!

Через десять минут я покидаю музей с компасом и драгоценным обрывком карты в кармане.

Это была моя последняя встреча с Арсеньевым, которого я глубоко и нежно полюбил. Мы оба чувствовали, что нам уже не увидеть друг друга. Крепкое рукопожатие положило конец прощанию. Много моему сердцу сказал долгий взгляд Арсеньева, — им он пожелал мне и удачи в побеге и успеха в моей жизни в чужой стране: обоим нам в конце нашего свидания приходилось быть молчаливыми: из соседней комнаты выполз сторож с метелочкой и стал обметать пыль с чучела великолепного тигра...» [46].

Разумеется, если бы ГПУ знало, кто и как помог «бывшим белым офицерам» покинуть пределы России, ставшей советской, В.К. Арсеньеву пришлось отвечать «по закону», и вряд ли ему помогла бы известность в определённых кругах; к тому же в тех же самых кругах у него было немало если не врагов, то как минимум недоброжелателей. Да и «органы», судя по всему, не выпускали его из виду; по крайней мере, на поступающие доносы реагировали.

В 1926 году, с апреля по октябрь, В.К. Арсеньев был в очередной экспедиции, обследовавший бассейны правых притоков Амура: рек Немитгу, Мухен, Пихца и Анюй. Он вернулся в Хабаровск 1 октября, а 26 числа того же месяца получил следующую повестку:

«Повестка № 28 Арсеньеву Владимиру Клавдиевичу Прожив. по ул. Фрунзе /б. Протодиаконовская/ д. № 33

Настоящим ПП ОГПУ ДВК просит Вас явиться в помещение ПП ОГПУ по Корсаковской ул. д. № 64 в комнату № 18 27 октября к 9 часам утра.

Повестку предъявить коменданту для получения пропуска.
26 октября. 1926 г.

Нач. 1-го Отд. ПП ОГПУ ДВК /подпись/ Улыбышев.
Уполн. 1-го Отд. ПП /подпись/» [20].

Следователь сообщил учёному, что поступило заявление о том, будто В.К. Арсеньев ведёт враждебную пропаганду, и попросил подробно рассказать, с кем он встречался в последнее время, о чём говорил, как относится к людям определённой национальности и так далее.

Вот что написал В.К. Арсеньев в своей объяснительной записке (рукописный текст; возможно, это черновик документа, находящегося, как можно предположить, в архиве ФСБ).

«В Полномочное Представительство Объединённого Государственного Политического Управления Д.В.К.

По вызову (повестка № 28 от 26 Октября сего 1926 года) 27го числа я явился в комнату № 18 П.П.О.Г.П.У.Д.В.К., где мне было приказано в письменной форме сообщить о чём я говорил с А.П. Петровским, что я делал по возвращении из экспедиции за время с 1го октября по день вручения повестки, у кого я был и что говорил. Должен сказать, что по прибытии в Г. Хабаровск и по вчерашний день я чрезвычайно был занят работами по отчетностям экспедиции, которые поглощали все мое время с утра до поздней ночи. Иногда работы эти принуждали меня бодрствовать до рассвета, так как все они были срочные и весьма нужные. За это время мною написаны два колонизационных отчета: один в 55, другой в 7 страниц, закончен денежный отчет с представлением всех оправдательных документов, сделано два вечерних доклада – один в ДальКрай Земуправлении (4 часа), другой в Колонизационном комитете (4 ½ часа) закончены и сданы отчетности по инвентарю и материалам отряда, один отчет по ликвидации конского состава,

собрана и систематизирована вся служебная переписка и наконец, составлены и вычерчены две карты района, где работала экспедиция. По возвращении из путешествия всё имущество было свезено на Переселенческий Пункт (около Арсенала). В течении 9 суток имущество это я проветривал, мыл, сушил, очищал от грязи, смазывал маслом и дегтем, укладывал в ящики и составлял описи, после чего были составлены акты и по ним всё имущество сдавалось в склады Переселенческого Пункта. Только благодаря энергии и усиленной работе по 18 часов в сутки мне удалось кончить всё это в 26 дней, и потому я совершенно не имел времени на прогулки. Только четыре раза в самом начале по возвращении я отлучался из дома и навестил следующих своих знакомых.

1) Горного инженера В.П. Селиванова. Был у него в течении 45 минут — обедал. За обедом я в общих чертах рассказал о пройденных мною маршрутах и о плавании по Амуру на лодке. Спрашивал его пользовался ли он своим мотором и уговорился в нем на будущий год взять с собой его сына 15 лет.

2) Старшего Специалиста Дальрыбы [И.]Г. Мерного. Был у него три часа. К нему я пришел с работой. Он помог мне составить инвентарный список. Спрашивал я его о сослуживцах, с кем что случилось и узнал о гибели пяти человек в Беринговом Море. За чаем я слушал музыку на рояле и рассказывал о новых раскопках в Египте и Ассирии.

3) Врача А.Н. Пономарева — 2 ½ часа. Спрашивал его о знакомых врачах, с кем что случилось, кто жив, кто здоров. Рассказывал ему об условиях плавания по Амуру на пароходах осенью, когда возвращаются люди с рыболовок, говорил ему о своих маршрутах и уставливался с ним об экскурсии на хр. Хехцир.

4) Тов. Б.К. Рубцова (партийный). Был у него 1 ½ часа. Он информировал меня по карте о событиях в Китае.

5) Был в Музее, где осматривал работы Этнографического Отдела и сообщил известные мне сведения об обнаруженных коллекциях Венгерского Профессора Балок Баратози, собранных им в 1914 году.

Моя голова все эти дни была занята весьма напряженной работой, от которой я очень устал и потому помню только темы разговоров и теперь совершенно не могу восстановить деталей, тем более что я не старался их фиксировать в памяти.

20 X 1926 Г. Хабаровск В. Арсеньев» [20].

В том же деле находится вторая объяснительная записка В.К. Арсеньева, также написанная от руки и в основном касающаяся сущности разговоров с А.П. Петровским, но с другой датой – 30 октября, на 10 дней позже первой. Вот её полное содержание.

«В Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления на Дальнем Востоке.

Согласно П.П.О.Г.П.У. ДВК за № 28 Октября 27го в 9 ч. утра я явился в комнату № 18 где мне было предложено несколько вопросов на которые имею сообщить следующее:

13го Сентября больным я прибыл в сел. Торгон на Амуре где меня поместили в приемном покое в одной комнате с Александром Петровичем Петровским, который назывался студентом Московского Университета по специальности антропогеографом дисциплине близко родственной к моей специальности – этнографии.

А.П. Петровского я встретил впервые и провел с ним в одной комнате четверо суток из коих два дня он был в отлучке. Человек он образованный и действительно антропогеограф, весьма начитанный, но нервный, выбитый революцией из колен жизни и в этом отношении искалес-

ченный. Для меня А.П. Петровский человек посторонний, случайный прохожий, с которым встречаешься расходишься и друг друга забываешь.

Разговор который мы вели с ним урывками между делом не выходил из плоскости нашей общей профессии «народоведения». Антропогеография близко соприкасается с психологией, социологией и главным образом с влиянием окружающей обстановки на характер как индивидуумов так и целых народностей. Тема – общефилософская. Я не вел дневника нашему разговору. Большую часть времени я был занят своими работами по экспедиции и только время от времени беседовал с А.П. Петровским. Голова моя была занята другим делом и я не придавал особого значения нашему разговору. Поэтому я не помню всех деталей этого разговора, помню лишь некоторые моменты, которые и излагаю ниже.

Помню один раз мы говорили о том что все русские удивительно безолаберный народ, по природе своей анархисты, анархисты в серьезных дела и анархисты в мелочах. Это люди которые всегда тяготятся порядком, планом, не знают что такое время, словом не выносят никаких стеснений и для того, чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка нужно насилие. Развал который мы видим с 1917 года не есть вина правительства. Это свойство русского народа, это явление постоянное при всяком флаге, при всяком правительстве будь оно монархическое или коммунистическое. Другой раз мы говорили о том, что наблюдается во всех учреждениях, заведениях, канцелярских, госслужащих и даже просто у частных лиц, какая то апатия, усталость, граничащая с абстракцией, потерей воли энергии – явление вызванное продолжительной войной и революцией. Фон этого безразличия напоминает усталость после 30-летней войны в Европе. Это явление общее и не зависит от цвета флага.

Вспоминаю еще один разговор на тему о сварливости славянского характера. Поссорить русских людей очень не трудно. Не проверив сплетни они сразу начинают ненавидеть друг друга. Не только отдельные личности делаются врагами на всю жизнь, но даже семьи, роды, целые области и даже народы. Напрм. – поляки и великороссы, сербы и болгары и т. д. Во время наводнений, землетрясений, революций вражда вспыхивает как пожар не только среди простого народа, но и среди интеллигентии. Оклеветать соседа, столкнуть его, захватить его место, свести с ним личные счеты – все это явления славянства, живущего не столько умом, сколько чувством, впечатлениями. Все это можно было наблюдать и в русской революции.

Еще был один разговор о еврейской народности. Из антропологии известно, что евреи не один тип, а два: ливийский и месопотамский. Последний по сравнению с первым является более одухотворенным. Об этом с неоспоримой ясностью свидетельствует нам история. Месопотамский тип дал Б. Спинозу, Иисуса, Мендельсона, Антокольского, Ренана, Зюса, Эйнштейна и т. д. При царском правительстве евреи допускались в школы лишь в размере 5 %. И в то время когда отец еврей говорил сыну: «Зубри хорошенько, иначе ты не войдешь в 5 %», русская мать говорила своему мальчику: «Ну не плачь, ступай погулять – ничего, отец сходит директора попросит!». С течением времени получился отбор людей настойчивых энергичных, дальних, привыкших прокладывать себе дорогу среди бурелома. У евреев сильно развито чувство взаимной поддержки, внимания к интересам другого еврея – явления достойные уважения и подражания.

Лично я как этнограф отношусь ко всем народностям с одинаковым вниманием и интересом. Издавна среди евреев я

имею близких друзей (Лев Яковлевич Штернберг – старший этнограф Академии Наук, Лев Семенович Берг – известный зоолог, Яков Самойлович Эдельштейн – видный геолог и петрограф Геологического Комитета в Ленинграде, Соломон Абрамович Трон – инженер электрик, находящийся сейчас в Берлине и т. д. Нет надобности перечислять все имена [скобки не закрыты – И.Е.].

Наконец вспоминаю еще один разговор на тему об иностранцах. Всегда лучше переоценивать, чем недооценивать противника. Англичане великие мастера создавать коалиции. Так они создали их в свое время для борьбы с Францией (Наполеон), для борьбы с Россией (Николай I²), для борьбы с Германией (1914–1917 гг.). Из газет «Известия ВЦИКа», Правды, Тихоокеанской Звезды видно, что и теперь англичане собирают коалицию против СССР. Англичане действуют всегда методически планомерно неторопясь, основательно. Это дальний народ. Но хорошего нам ждать от них нечего. Интервенция эта будет окончательной гибелью нашего государства – разделом, и мы все русские сойдем в положение туземцев, еще на более низкую ступень, чем индузы.

Вот все разговоры были в этом духе. Вероятно кто нибудь и подслушал часть разговора или одну, две, три фразы из них, не понял их, искал по неведению, а может быть и умышленно и в извращенном виде в Г.П.У. Как образчик такого искасения приведу два примера. На берегу Гасинской протоки во время топографической съемки я подошел к почвоведу А.А. Амосову и увидя его окутанного пылью с ног до головы, сказал ему: «Тяжелая Ваша работа – Вот я не мог бы быть почвоведом». По существу безобидная фраза, а между тем Профессору Н.И. Прохорову было передано будто я сказал: «Терпеть не могу почвоведов и почвоведение!»

Другой пример: Во время экспедиции сего года на меня была возложена маршрутная съемка и сбор сведений статистико экономического характера. Так как съемка р. Анио произведена была мною раньше, я, узнав, что с верховьев все люди ушли вниз сказал: По существу на верхнем Анио мне делать нечего. Моя фраза была истолкована в следующем виде: Арсеньев этнограф и узнав, что на Анио нет туземцев не хочет туда идти.

Вот яркая иллюстрация искажений.

В заключение могу сказать: Коль скоро разговору на тему антропогеографическую придается окраска исключительно политическая, я вижу что даже и таких разговоров вести не следует и потому заявляю в самой категорической форме, что впредь нигде и ни с кем совершенно не буду говорить на темы общефилософские во избежание подобных недоразумений. Я твердо решил совершенно уйти от всякого общения с местной интеллигенцией и остаток дней своих посвятить исключительно обработке своих научных материалов, среди которых есть много ценных для человечества. Мне 54 года, года уходят и силы слабеют. Быть может и жить то мне осталось только несколько лет. И потому всю свою энергию я хочу уплотнить именно в этом направлении. Детальная обработка научных материалов, собранных мною в течении 27 лет, стала целью моей жизни – и я совершенно не хочу уклоняться от этого пути в сторону.

В. Арсеньев (подпись)

Г. Хабаровск. 30.X.1926» [20].

Видимо, нет особой надобности комментировать суть этой объяснительной записки и выводы, которые сделал из прошедшего В.К. Арсеньев. Вполне понятно, что он продолжал оставаться «под колпаком» ГПУ и был вынужден отвечать на задаваемые ему вопросы. Обратим внимание на начало пер-

вой объяснительной, в которой В.К. Арсеньев написал: «мне было приказано в письменной форме сообщить...», особенно на однозначный глагол «приказано». Наверное, немало других документов (в частности, по этому инциденту) можно найти в архивах спецслужб, но они, к сожалению, закрыты для исследователей.

В то же время никаких особых препятствий в деятельности В.К. Арсеньеву не ставилось, недоверия ему не высказывалось: он издавал книги за границей, приглашался на совещания по экономическим вопросам, входил в состав различных комиссий, принимал участие в составлении пятилетних планов и даже занимался изысканиями будущих железных дорог, что уж наверняка считалось секретной работой. Отношения В.К. Арсеньева и Советской власти были, скажем так, сугубо деловыми; его обширные знания ценились и были востребованы.

В 1924 году в Москве на совместном заседании Бюро съездов по изучению производительных сил СССР и Военного бюро Госплана В.К. Арсеньев выступал с докладом «О современном положении Дальнего Востока в связи с выработкой плана исследовательских работ». В 1926 году на первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока он сделал сообщение «Население Дальнего Востока как производительный фактор».

В.К. Арсеньев посетил Японию в октябре–ноябре 1927 года в составе официальной делегации; если бы хотел осться – никаких препятствий не существовало (как и со стороны ГПУ – для поездки туда). Но, с другой стороны, его сын, Владимир Владимирович Арсеньев, в 1928 году был исключён с 3-го курса Дальневосточного горного института во Владивостоке; причиной этому послужила служба отца в царской армии [37].

В 1928 году В.К. Арсеньев написал доклад, рассмотренный через пять лет, уже после его смерти, на заседании Дальневосточного краевого комитета ВКП (б). В нём говорилось о Японии следующее: «Япония — государство островное и это ей дает громадное преимущество. Вожделение ее распространяется на все острова Тихого океана, в том числе на Филиппины, даже на Зондский архипелаг. Япония ищет случая овладеть Северным Сахалином и даже полуостровом Камчатка... Японские острова тянутся от Камчатки до острова Формоза (Тайвань — И.Е.) на 5 тысяч миль... Япония встала между океаном и выходами на Азиатский материк, чтобы отрезать от моря всю Восточную Азию и иметь экономическое и политическое влияние на народы, обитающие на азиатских берегах Великого океана. Благодаря этому, Япония имеет чрезвычайно мощную разведывательную систему, через которую никакое судно не может пройти незамеченным.

В руках Японии оказываются все морские пути, пользование которыми зависит от добной воли японцев. В случае войны с Америкой Япония немедленно оккупирует Северный Сахалин и будет опираться на свою базу Сейсии там, где сходятся границы Кореи, Маньчжурии и Советского Союза. Тогда ей нечего бояться длительной блокады со стороны Великого океана, тогда она не будет отрезана от тыла, необходимого ей для жизни и борьбы.

Стремление Японии безраздельно хозяйничать в Маньчжурии и выйти на Амур не мечта, не фантазия и не призрак, а вполне конкретное явление. Конечной целью японского империализма является желание отодвинуть нас от берегов Тихого океана. Мысль эта весьма популярна в Японии, которая стремится играть первенствующую роль при решении всяких международных вопросов, касающихся Азии. Об этом все сильнее и сильнее раздаются голоса в японской печати и от-

крыто говорят выдающиеся японские государственные люди. В связи с этим идет лихорадочная работа по увеличению военных и морских сил» (цитируется по книге «Жёлтая опасность», Владивосток, 1996 год).

Заметим, что это написано более чем за 10 лет до начала Второй мировой войны, события которой – если рассматривать регион Юго-Восточной Азии – практически подтвердили «футуристический» прогноз В.К. Арсеньева...

Видимо, следует признать, что, несмотря на такие взгляды на современную ему реальность, неожиданная смерть В.К. Арсеньева избавила его от будущих репрессий. Свидетельством тому – судьбы ближайших родственников исследователя, описанные в другой статье данного сборника. Кроме того, в последние годы жизни В.К. Арсеньева и после его смерти появилось множество критических статей, в которых он открыто назывался «шовинистом», а его взгляды объявлялись «враждебными» советской действительности и марксистско-ленинской науке. Как мы знаем, эта кампания была поддержана статьёй в главной партийной газете края «Красное Знамя» под заголовком «В.К. Арсеньев, как выразитель великороджавного шовинизма». Не будем останавливаться на подобных публикациях – их были десятки; понятно, что упомянутое выступление газеты стало определённым сигналом как для всех пишущих, так и для соответствующих органов.

В научных статьях Арсеньева принялись активно «развенчивать» – разумеется, с партийных позиций. Так, в «Вестнике Дальневосточного отделения АН СССР» 1932 года, в статье «Десять лет востоковедения на советском Дальнем Востоке», было сказано следующее: «Общую характеристику человека как одной из производительных сил края попытались дать В.К. Арсеньев и Е.И. Титов в брошюре, выпущенной ими в 1928 г. (имеется в виду «Быт и характер народностей ДВК» –

И.Е.). Однако, кроме примитивных характеристик народностей ДВК, написанных под углом зрения махрового великорусского шовинизма, она ничего не содержит» [43]. Подобное отношение к научным работам В.К. Арсеньева сохранилось на долгое время. Его литературные произведения в эти и последующие годы продолжали публиковаться, но предисловия к ним выдерживались в соответствующем духе. Даже в собрании сочинений 1948 года, подготовленном Дальневосточным государственным издательством, говорилось следующее: «Старые, отжившие представления, свойственные буржуазной науке, мешали Арсеньеву понять и в должной мере оценить то новое, что внес в жизнь нашей страны советский строй... Арсеньев не был свободен и от целого ряда ошибочных положений, некритически унаследованных им от буржуазной этиографии».

С большой долей вероятности можно предположить, что через несколько лет «научная» критика В.К. Арсеньева переросла бы в политическое дело «врага народа». И тогда вполне возможно, что мы могли лишиться доступа к замечательным прозаическим произведениям Владимира Клавдиевича. Хорошо, что этого не произошло, и выражение «рукописи не горят» в буквальном смысле может быть отнесено к архиву знаменитого исследователя и писателя. Хотя многолетние безрезультативные поиски «Страны удэхе», главной книги В.К. Арсеньева, пропавшей после его смерти, дают повод для беспокойства...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОИК – архив Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края (г. Владивосток).

ГАПК – Государственный архив Приморского края (г. Владивосток).

ДВФАН – Дальневосточный филиал Академии наук (г. Владивосток).

МПК – Музей Приморского края; Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток).

ОИАК – Общество изучения Амурского края; Приморское краевое отделение Русского географического Общества (г. Владивосток).

ПО ИРГО – Приамурское отделение Императорского Русского географического общества (г. Хабаровск).

РГИА ДВ – Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток).

РОК – Русский Орнитологический комитет (г. Москва).

УКМ – Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова (г. Ульяновск).

ХКМ – Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский, М.К. Статьи и письма. Неизданное и забытое / М.К. Азадовский. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1978.
2. Арсеньев, В.К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому Краю в 1907 г. / В.К. Арсеньев. – Владивосток : Типо-лит. Т-ва Изд. «Свободная Россия», 1923.
3. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический / В.К. Арсеньев. – Хабаровск, 1914.
4. Арсеньев В.К. Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края / В.К. Арсеньев // Ежегодник Зоологического музея Академии наук. Т. 13. – СПб., 1908.
5. Арсеньев В.К. Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за 5-летие с 1901 по 1905 г. включительно / В.К. Арсеньев. – Владивосток, 1906.
6. Арсеньев В.К. По Уссурийскому Краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь / В.К. Арсеньев. – Владивосток : Типография «Эхо», 1921.
7. Арсеньев В.К. Русско-орочский словарь. Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев / В.К. Арсеньев. – Санкт-Петербург, 2008.
8. Арсеньев В.К. Собрание сочинений : в 6 т. / В.К. Арсеньев. – Владивосток : РУБЕЖ, 2007. – Т. 1 : По Уссурийскому краю ; Дерсу Узала. – 2007.
9. Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания / А. Арсеньева // Тихоокеанский альманах «Рубеж». – 2006. – № 6 (868).
10. АОИАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93.
11. АОИАК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136.
12. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1.
13. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2.
14. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3.
15. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 24.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

16. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27.
17. АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28.
18. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1.
19. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 7.
20. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13.
21. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 15.
22. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 29.
23. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 40.
24. АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 60.
25. АОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 93.
26. АОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 94.
27. Бордаков П.П. На побережье Японского моря / П.П. Бордаков // Юная Россия. – 1914. – № 1–12.
28. В семье певца Дальнего Востока // Литературная газета на Дальнем Востоке. – 1959. – № 20. – 19 декабря.
29. ГАПК. Фонд П-68. Оп. 6. Д. 62.
30. Егорчев И. «Загадки» Дерсу Узала / И. Егорчев. – Владивосток : ДВФУ, 2014.
31. Егорчев И.Н. Личный архив исследователя.
32. Егорчев И.Н. «Согласно личного приказания Вашего Высокопревосходительства...» Секретные экспедиции В.К. Арсеньева 1911–1913 гг. / И.Н. Егорчев. – Владивосток : ДВФУ, 2014.
33. Ефимов Г. В.К. Арсеньев, как выразитель великолергавного шовинизма / Г. Ефимов // Красное Знамя. – 1931. – № 157. – 16 июля.
34. Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXVI, выпуск 1. – Владивосток : ОИАК, 2002.
35. Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXVII, выпуск 1. – Владивосток : ОИАК, 2004.
36. Зубакин В.А. К 90-летию Русского орнитологического комитета / В.А. Зубакин // Мир птиц. – 2003. – № 1 (25). – Январь-апрель.

37. Иванова М.А. Предки и потомки Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны Арсеньевых / М.А. Иванова. – Находка, 2014.
38. Козловский Всеволод. Письма в редакцию / Всеволод Козловский, Александр Георгиевский // Красное Знамя. – 1931. – 23 августа.
39. Козловский Всеволод. Сихотэ-Алин. Стихи / В. Козловский, Н. Толпегин. – Владивосток : Издание Владивостокского О-ва пролетарского туризма, 1931.
40. Купцова А.А. Орнитологические сборы В.К. Арсеньева в собрании Хабаровского краевого музея им. Н.И. Грекова // Шестые Грековские чтения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Актуальные проблемы исследования Российской цивилизации на Дальнем Востоке. – Т. VI. Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Грекова, 2009.
41. Куцый В. Без срока давности. Трагедия семьи В.К. Арсеньева / В. Куцый // Рыбак Приморья. – 1988. – № 32 (362). – 5 августа.
42. Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгариjsкие: Опыт этнографического исследования / И.А. Лопатин // Записки ОИАК. – 1922. – Т. XVII.
43. Маракуев А.В. Десять лет востоковедения на советском Дальнем Востоке / А.В. Маракуев // Вестник Дальневосточного отделения Академии Наук СССР. – 1932. – № 1–2.
44. МПК 11240–7. Ф. 61. Оп. 1. Д. 22.
45. МПК 13105–300. Ф. 61. Оп. 1. Д. 22.
46. Несмелов А. Наш тигр. Из воспоминаний о Владивостоке / А. Несмелов // Тихоокеанский альманах «Рубеж». – 2003. – № 4 (866).
47. Рахилин В.К. Организация кольцевания птиц в России / В.К. Рахилин // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах. 1988–1999 гг. – М., 2002.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

---

48. РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 155.
49. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 715.
50. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 716.
51. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 596.
52. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 747.
53. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 143.
54. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В. К.) (Путешествие по Уссурийскому краю. 1900–1910 гг.) // Записки Приамурского отдела РГО. – 1912. – Т. 8. – Вып. 2.
55. Семченко Н.В. Natasha, дочь Арсеньева / Н.В. Семченко // Дальний Восток. – 2002. – № 9–10.
56. Таракова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А.И. Таракова. – Владивосток : Общество изучения Амурского края, 2012.
57. УКМ 2752 1а–1б.
58. УКМ 2752 2а–2б.
59. УКМ 2752 3а–3б.
60. Фонд В.К. Арсеньева в Приморском государственном объединённом музее имени В.К. Арсеньева. Каталог. – Владивосток : Приморский государственный объединённый музей имени В.К. Арсеньева, 2002.
61. Халилецкий Г. История одной справки / Г. Халилецкий // Литературная газета. – 1960. – 26 июля.
62. Яроцкая Ю.А. Научно-художественное творчество В.К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы» / Ю.А. Яроцкая. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2013.
63. Яроцкая Ю.А. Творчество В.К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ю.А. Яроцкая. – Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.....	3
ОТ ДНЕВНИКОВ – К КНИГАМ.....	16
НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ.....	28
ДЕРСУ УЗАЛА БОРДАКОВА.....	42
«ХУНХУЗИАДА» АРСЕНЬЕВА.....	51
ДВЕ ЖЕНЫ – ДВЕ СУДЬБЫ.....	80
И ОРНИТОЛОГ, И ЛИНГВИСТ.....	121
АРСЕНЬЕВ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.....	136
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	158

Научно-популярное издание

ЕГОРЧЕВ Иван Николаевич

НЕИЗВЕСТНЫЙ АРСЕНЬЕВ

В авторской редакции
Дизайн и верстка *Е.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 12.01.2016
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,53 + 1,16. Уч.-изд. л. 7,35
Тираж 1000 экз. Заказ 578.

Издательство Дальневосточного университета
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанская, 47

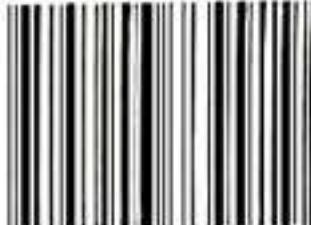
Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

A photograph of a dense forest. In the foreground, there's a paved path or road curving from the bottom right towards the center. The middle ground is filled with tall, thin trees, their trunks mostly bare with some sparse, light-colored leaves at the top. The background is a darker, more heavily wooded area, creating a sense of depth.

ISBN 978-5-906739-91-9

9 785906 739919